

Ричард Старк Грабители

Серия «Паркер», книга 15

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120976

Ричард Старк. Грабители: Центрполиграф; Москва; 2001

ISBN 5-227-01318-7

Оригинал: RichardStark, "Plunder Squad"

Перевод:

Г. В. Бажанова

Аннотация

Знаменитый вор Паркер снова в деле: Гриффит – богатый торговец краденым – предложил ему организовать похищение ценных картин. Оценив свои услуги в 40000 баксов, Паркер уже чувствует их запах. А разоренный Гриффит ломает голову над тем, как расплатиться...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	50
Глава 5	57
Глава 6	69
Часть вторая	74
Глава 1	74
Глава 2	82
Глава 3	93
Глава 4	102
Глава 5	110
Глава 6	117
Глава 7	125
Глава 8	140
Часть третья	142
Глава 1	142
Глава 2	150
Глава 3	156
Глава 4	165
Глава 5	173
Глава 6	190

Часть четвертая	202
Глава 1	202
Глава 2	227
Глава 3	233
Глава 4	240
Глава 5	251
Глава 6	255
Глава 7	258

Ричард Старк

Грабители

Посвящается Джастин и Дебби, которые требовали от меня книгу

Часть первая

Глава 1

Услышав за своей спиной щелчок, Паркер в ту же секунду бросил назад, через правое плечо, стакан, а сам прыгнул влево. Пуля пропахала бороздку в бумагах, лежавших на столе, звук выстрела громким эхом отозвался в закрытой комнате, а Паркер откатился на середину, свернувшись калачиком, поджав под себя ноги и прикрыв грудь тесно переплетенными руками. Он был безоружен, и сейчас самое главное – улизнуть от нападавшего.

Второго выстрела не последовало. В углу, слева от Паркера, стояло кресло, возле него – овальный стол, и Паркер откатился поближе к ним. Ударившись плечом о край кресла, он спрятался за него и, встав на колени, запустил тяжелой пепельницей, стоявшей на столе, в дверной проем, даже не посмотрев, кто там стоит.

В коридоре боролись два человека, в полумраке неясно вырисовывались их фигуры. Паркер, вскочив на ноги, схватил настольную лампу, опрокинув при этом стол, и бросился к ним. Трое мужчин, сидевших вместе с ним за столом, все еще лежали на полу.

Когда Паркер подбежал к двери, борьба уже закончилась.

На полу сидел с растерянным видом Дакасс, который минуту назад пошел посмотреть, кто звонит у парадного входа. Лоб у него был в крови, струйка крови стекала и из пореза над левым ухом. Он был безоружен, и в прошлом у них с Паркером не возникало никаких проблем. Кто-то бежал по коридору к выходу.

Паркер помчался за ним, но вовремя сообразил, как глупо преследовать вооруженного человека с пустыми руками. Он вернулся в комнату, отшвырнув с дороги мешавший ему стол.

– У кого есть оружие? – заорал он.

Скорее всего, у их хозяина, Керуана, имелся пистолет, но, судя по выражению его лица, он все еще не пришел в себя и плохо соображал. Не дожидаясь ответа, Паркер подбежал к нему и, ощупав, обнаружил на левом боку, в кобуре, кольт – «кобру» 38-го калибра. Схватив револьвер, Паркер бросился к двери. Ошарашенный Керуан что-то кричал ему вслед, но у Паркера не было времени отвечать на эти вопли.

Паркер услышал, как захлопнулась входная дверь, и, пробежав по коридору через гостиную, выскочил на покосившееся крыльцо. Какой-то человек только что захлопнул дверцу машины, стоявшей напротив, в свете лампочки, зажегшейся на секунду в салоне, мелькнул его силуэт. Паркер, укрывшись за стойкой крыльца, успел дважды выстрелить, прежде чем дверь машины захлопнулась, и погас свет. Но «кобра» – оружие, предназначенное для защиты, она пригодна толь-

ко для ближнего боя; ее двухдюймовый ствол не гарантирует точного попадания, с таким же успехом можно играть в теннис при ураганном ветре. Обе пули, скорее всего, засели в корпусе машины, но ни одна не задела водителя.

Спрыгнув с крыльца, Паркер бегом пересек лужайку. На той стороне улицы водитель изо всех сил жал на педаль, пытаясь завести проклятую тачку. Наконец его усилия увенчались успехом, и машина рванула вперед, но тут же остановилась, и водитель опять оказался в тупике.

Паркер уже успел добежать до дороги. Дом находился в рабочем районе. Это, конечно, не трущобы, некоторые из этих жалких домишек сдавали в аренду на месяц и даже на неделю. В два часа ночи, посреди рабочей недели, ни в одном окне не видно огня, улица словно вымерла: ни машин, ни пешеходов. И здешние жители не станут посреди ночи звонить в полицию, если на улице раздался какой-то странный шум.

В тот момент, когда Паркер выбежал на дорогу, мотор машины снова ожил, и она тронулась с места. Встав на колени, Паркер для верности уперся в него локтем и дважды выстрелил, целясь в окно водителя. Так как машина не остановилась, он выстрелил в пятый раз, целясь на этот раз в левое переднее колесо, но опять промазал; теперь обойма пуста.

Поднявшись с колена, Паркер посмотрел вслед удалявшейся машине, уверенно набиравшей скорость. Он хорошо разглядел цифры номерного знака, но что толку? Машина

или взята напрокат, или украдена. Паркер постоял, опустив руку с уже бесполезным револьвером; машина удалялась от него по прямой как стрела улице. Оставалась одна надежда: если шофер недостаточно опытен или сильно напуган, он может не справиться с такой скоростью или мотор заглохнет прежде, чем машина исчезнет из виду. Но, судя по габаритным огням, машина успела уже отъехать на пять-шесть кварталов, вот она, не снижая скорости, свернула за угол и скрылась из глаз.

Паркер, отвернувшись, побрел в дом, не забыв запереть за собой дверь. У входа в гостиную он встретил Керуана; в свете, падавшем из распахнутых дверей комнаты, Паркер заметил, что тот испуган и зол.

– Черт побери, в чем дело, Паркер? – недовольно спросил Керуан. – Что стряслось?

– Я хотел спросить об этом у тебя. Ты ведь хозяин... – ответил Паркер.

– Ты несешься сломя голову, стреляешь... из моей пушки, будь я проклят! А если ты убил кого-то?

– Не дури! – успокоил его Паркер. – В меня стреляли.

– Ты с ума сошел! Устроил стрельбу на улице! – не унимался Керуан.

Дакасс, который впустил в дом нападавшего, а потом в драке с ним получил удар по голове, подошел к ним, нетвердо держась на ногах.

– Достал этого подонка? – спросил он.

– Нет, смылся, – с досадой ответил Паркер. – Кто это?

– А ты разве не знаешь? – спросил Керуан. – Он явился сюда убить тебя, а ты даже не знаешь, кто это!

– Я его не видел, – сухо ответил Паркер.

– Ул, – подсказал Дакасс. – Это Ул.

– Джордж Ул? – нахмурился Паркер.

– Точно, – подтвердил Керуан. – Ты ведь знаешь его?

– Верно, знаю, – кивнул Паркер.

– А что это он так ополчился против тебя? – поинтересовался Дакасс.

– Как-то раз сдуру чуть не пристрелил его, – объяснил Паркер.

– Никогда не оставляй в живых человека, который предпочел бы видеть тебя в белых тапочках, – назидательно произнес Дакасс.

– Ты прав, – согласился Паркер. Он сделал ошибку и понял это еще тогда, но все равно не пристрелил его. Придется теперь исправлять промахи прошлых лет. – Кто рекомендовал Ула? – спросил он.

– Эшби, – ответил Керуан.

– Давай потолкуем с ним, – предложил Паркер, и вся троица направилась по коридору к той комнате, где они обсуждали план ограбления.

Они собирались обчистить магазин как раз накануне Дня матери. Счет покупателя оформляется в магазине, как правило, на хозяйку дома, а поэтому за подарки, приобретаемые

к этому празднику, расплачиваются чаще всего наличными. Это означало, что суббота накануне праздника – чуть ли не самый удачный день в году, так как в кассе полно наличных.

Керуан, их хозяин, разработал план ограбления и решил, сколько человек должны в нем участвовать. По его расчетам, хватало шестерых. К несчастью, двое в этой шестерке оказались Паркер и Ул. Паркера пригласил сам Керуан, а Ула – человек по имени Эшби, которого в свою очередь привлек Керуан.

Аренда дома оформлена на имя Керуана, он организовал эту встречу, чтобы ввести всех в курс дела и выяснить, согласны ли остальные пятеро участвовать в этом. Паркер прибыл предпоследним, поэтому и сидел спиной к двери; два свободных стула стояли по ту сторону стола, которая была ближе к двери.

Впрочем, место, на котором он сидел, оказалось, как ни странно, удачным. Сидя спиной к двери, он по привычке держался настороже, прислушиваясь к малейшим звукам, доносившимся из коридора, – вот и услышал щелчок курка автоматического пистолета.

Явился ли сюда Ул с заранее разработанным планом? Не похоже. Пока они шли по коридору, Паркер поинтересовался у Дакасса:

- Ул спрашивал тебя, кто будет здесь?
- Да, – удивленно ответил Дакасс.
- Ты назвал ему меня?

– Само собой, – ответил Дакасс, чувствовавший себя немного виноватым в случившемся.

– Все понятно, – кивнул Паркер. Они вошли в комнату. Стоукс, пятый член их команды, сидел у стола и курил сигару.

– Эшби зацепили, – сообщил он, выпуская колечки дыма между затяжками.

На переговорах Эшби сидел как раз напротив Паркера. Пуля, пропахав борозду в бумагах на столе и в крышке стола, попала в Эшби, дюйма на два выше пряжки его ремня. Сейчас Эшби лежал на спине по другую сторону стола, с закрытыми глазами, дыхание с хрипом вырывалось из его груди.

– Будь все проклято! – выругался Керуан. Паркер обошел стол и опустился на колени рядом с Эшби. Он дважды позвал его по имени, слегка похлопав по щекам, но тот не пришел в сознание. Тогда Паркер сильно ущипнул его за щеки, повторяя при этом его имя:

– Эшби! Эшби! Очнись!

– Побойся Бога, что ты с ним делаешь? – подойдя к Паркеру, сказал все еще взволнованный Керуан.

Эшби не приходил в сознание. Паркер, потеряв надежду привести его в чувство, поднялся с колен. Не обращая внимания на взъерошенного Керуана, он спросил:

– Кто-нибудь в курсе, как Эшби вышел на Ула?

Никто не знал. Все отрицательно покачали головами.

– Самое главное сейчас – решить, что с ним делать, – на-

помнил Керуан.

– Доктора поблизости не найдется? Надежного? – предложил плотный флегматичный Стоукс, профессиональный водитель.

– Нет, – ответил Керуан, – в этом районе меня не знают, я просто снял здесь дом. Никто ведь не ожидал ничего подобного.

Дакасс, подойдя поближе и взглядевшись в лицо Эшби, задумчиво произнес:

– Если оставим его здесь, он, скорее всего, загнется.

– Надо немедленно убрать его отсюда, – сказал Керуан. – Мертвый или живой, он должен исчезнуть. В этом доме повсюду отпечатки наших пальцев, никто ведь не ожидал, что такое случится.

– Принеси большое одеяло, – приказал Паркер Керуану.

– Сейчас, – ответил Керуан, поспешно выходя из комнаты.

– Можно узнать, что же все-таки здесь происходит? – обратился к Паркеру Стоукс, вынув изо рта сигару.

Паркер, не вдаваясь в подробности, рассказал ему о своих прошлых связях с Улом, а Дакасс повторил свой совет: расправляться с врагами. Их разговор прервал Керуан, вернувшийся с большим зеленым двуспальным одеялом. Паркер, забрав у него одеяло, велел Керуану выводить машину.

– Почему мою? – недовольно спросил Керуан.

– Потому что у тебя универсал, – вежливо объяснил ему Паркер.

Керуан вышел, продолжая что-то недовольно ворчать себе под нос, а Паркер с Дакассом расстелили одеяло на полу возле Эшби. Осторожно перекатив Эшби на одеяло, они завернули его. Стоукс, передвинув сигару в угол рта, помог им поднять Эшби и вынести его из дома.

При доме не было гаража, справа к нему вела подъездная дорожка. Керуан подогнал машину вплотную к дверям, проехав по лужайке, и сейчас открывал задние двери фургона. Вчетвером они запихнули завернутого в одеяло Эшби в кузов машины, где стояли две коробки с инструментами и валялись рабочий комбинезон и грудa грязных ковриков. Керуан захлопнул двери, и все уселись в передней части машины. Паркер сел рядом с Керуаном.

– Постарайся поосторожнее вести машину: он еще жив, – попросил Дакасс.

– Куда поедem? – спросил Керуан, не обращая внимания на его просьбу.

– В другой район, – ответил Паркер. Керуан вырулил на улицу, и минут пять они ехали молча, дважды пересекали главные улицы города, на которых в столь поздний час не было ни души.

– Стоп, ... приказал Паркер. – Оставим его здесь.

Они подъехали к небольшой, построенной совсем недавно церкви, по форме напоминавшей букву "А", со стилизованным крестом наверху. Перед церквушкой простиралась ухоженная лужайка, аккуратно подстриженная и обсаженная

по периметру кустами. Общими усилиями они вытащили завернутого в одеяло Эшби и перенесли его на лужайку. Осторожно перекатив раненого с одеяла на землю, Паркер с помощью Стоукса свернул одеяло, а Дакасс в это время проверил пульс у Эшби.

– Одеяло испорчено: все в крови, – пожаловался Керуан.

– Сожги его, – посоветовал Паркер.

– Или выстирай, – подхватил Стоукс. – Скажешь, что тебе попалась девственница.

– Он еще жив, – прервал их болтовню Дакасс.

– Или скажи, что у твоей подружки были месячные, – не унимался Стоукс.

– Поехали! – оборвал его Паркер.

– Женщинам везет, – продолжал развивать свою мысль Стоукс, пока они шли к машине, – у них всегда наготове объяснение, откуда появилась кровь.

Керуан бросил одеяло в заднюю часть салона, и все заняли свои места.

– Остановись у автомата, – попросил Дакасс, когда церквушка скрылась из виду.

– Это как понимать? – хмуро спросил Керуан, глядя на него в зеркало.

– Сделаю анонимный звонок копам, – объяснил Дакасс.

– Зачем?

– Чем дальше Эшби проваляется там, тем меньше у него шансов выкарабкаться.

– О Господи!.. – вздохнул Керуан. Но, проехав пару кварталов, остановился у закрытой на ночь бензоколонки, там был телефон-автомат.

Они ждали в машине, пока Дакасс разговаривал по телефону, а потом отправились домой.

За время их отсутствия в доме ничего не изменилось. Керуан удалился, чтобы избавиться от одеяла, а остальные прошли прямо в комнату, где обсуждался план ограбления. Бумаги все еще лежали на столе, узкая линия в фут длиной прорезала, как бритвой, план шестого этажа универмага, где находился сейф. На полу следов крови не осталось.

– Все лопнуло. А хорошая была задумка, – сказал Стоукс, похлопав по бумагам, и закурил очередную сигару.

– Может, вернемся к этому плану попозже, – с надеждой в голосе сказал Дакасс.

– День матери – только раз в году, – возразил Стоукс.

– Тогда на следующий год, – попытался утешить его Дакасс.

– Но деньги мне нужны в этом году, – упорствовал Стоукс.

– Что верно, то верно, – с кислым видом согласился Дакасс.

Вошел Керуан. Он выглядел еще более озабоченным.

– Все накрылось, – сказал он, посмотрев на разбросанные по столу бумаги с таким видом, будто именно в них прочитал неприятное известие.

– В лучшем случае придется отложить до следующего го-

да, – вздохнул Дакасс. – Задумка была что надо.

– Лучше не придумашь, – согласился Стоукс.

– Имеются другие предложения? – спросил Паркер.

– Нет, – ответил Стоукс.

– Не будем терять друг друга из виду, – предложил Дакасс.

– Это я разработал план, – мрачно заявил Керуан, не сводя глаз с разбросанных по столу бумаг. – Я так хорошо все продумал, этих денег мне хватило бы на год.

– Буду признателен, если получу весточку о Джордже Уле, – прервал его Паркер.

– Хочешь разыскать его? – заинтересованно спросил Дакасс.

– Я ищу работу, – покачав головой, ответил Паркер. – Но если выясню, где он, разберусь с ним.

– Черт возьми, я с удовольствием помогу тебе, – поддержал его Керуан, – этот сукин сын испортил такое отличное дело!.. – Он с тоской посмотрел на бумаги. – Похоже, у нас нет выбора... – Голос его прервался.

– Ты прав, – поддержал его Паркер. – Во-первых, упущено время. Во-вторых, в руках у копов Эшби.

– Эшби не выдаст, – возразил Керуан. – Может, он уже помер.

– Ему и не надо выдавать. Достаточно того, что полицейские найдут его, известного грабителя, с пулей в брюхе, в этом городе.

– Если с самого начала не заладилось, – подытожил Сто-

укс, – надо сматываться. Это мое золотое правило, всегда ему следую, поэтому ни разу и не засветился. – Он легонько постучал костяшками пальцев по крышке стола.

– До встречи, – попрощался со всеми Паркер. Они обменялись рукопожатиями. Уходя, они видели, как Керуан сгребал со стола бумаги, чтобы сжечь их.

Глава 2

Не найдя Клер в доме, Паркер отправился на берег озера, где она любила загорать. Клер в белом бикини лежала на синем полотенце. Хотя был еще только июнь, она успела неплохо загореть, что еще больше подчеркивал белый купальник.

Паркер раздвинул стеклянные двери, отделявшие столовую от веранды, и, спустившись по ступенькам, пересек аккуратно подстриженную лужайку. Клер обернулась, услышав шум раздвигаемых дверей, и теперь с улыбкой наблюдала за приближавшимся Паркером. Сквозь голубые овалы больших солнечных очков в белой оправе глаза ее казались спокойными и ясными.

– Ты вернулся раньше, чем я ожидала, – приветствовала она Паркера.

– Все сорвалось, – объяснил он, опускаясь с ней рядом на полотенце.

Он положил ладонь на ее живот, туда, где • кончалась линия белых трусиков. Кожа нагрелась, она казалась почти горячей и была покрыта жирным слоем лосьона для загара.

– Ты испачкаешься, – с улыбкой предупредила его Клер, поглаживая другую руку Паркера.

– Ты как печка, – сказал он, – смотри не переусердствуй. – Паркер провел рукой по внутренней стороне бедра, поглаживая ногу так, что костяшки его пальцев нежно касались кожи

другой ноги. На внутренней стороне ее бедер кожа оказалась значительно прохладнее.

– Я ведь загораю не первый раз, – успокоила его Клер. И, приподнявшись с полотенца, добавила: – Пойду приму душ. Не целуй меня, а то измажешься.

Паркер помог ей встать, и они вместе вернулись в дом.

– Мне надо позвонить, – сказал Паркер, когда они вошли в столовую.

– Хорошо, – ответила Клер, направляясь к спальне.

Паркер зашел на кухню, чтобы вытереть бумажным полотенцем испачканные лосьоном руки, а затем вернулся в гостиную, где стоял телефон. Он позвонил в закусочную, находившуюся в Приск-Айл-Мейне, через четыре штата отсюда. Ее владелец, Генди Мак-Кей, в старые времена несколько раз работал вместе с Паркером. Сейчас он отошел от дел и зарабатывал на жизнь в своей закусочной; он служил связующим звеном для тех, кто хотел установить контакт с Паркером.

К телефону подошел незнакомый человек, но спустя минуту Паркер услышал голос Генди.

– Это я, – сказал Паркер. – Опять дома.

– С работой ничего не вышло? – спросил Мак-Кей.

– Помнишь, я рассказывал тебе об одном парне, его звали Ул?

– Года два назад? – уточнил Мак-Кей.

– Вот он-то все и испортил.

– Плохо, – посочувствовал Мак-Кей.

– Хорошо бы повидаться с ним.

– Не уверен, что удастся помочь, – немного подумав, сказал Мак-Кей.

– Я сказал тебе об этом просто на всякий случай, – успокоил его Паркер. – Теперь я снова в твоём распоряжении.

– Заявок не поступало.

– Понял.

– Когда приедешь навестить меня? – спросил Мак-Кей.

– Как-нибудь выберусь, – ответил Паркер.

– Буду рад. Тогда до скорого.

– Будь здоров, – распрощался Паркер и, положив трубку, направился в спальню.

В ванной работал душ, купальник Клер валялся на полу. Быстро сбросив одежду, Паркер присоединился к Клер.

Глава 3

– Я заказывал машину, – сказал Паркер, – моя фамилия Лейтем. Эдвард Лейтем.

– Да, мистер Лейтем, – ответила девушка в форме, сидевшая за стойкой. – Подождите, пожалуйста, одну минуту.

Во второй половине дня международный аэропорт Сан-Франциско работал с полной нагрузкой. Паркер опасался, что придется стоять в очереди у стойки, где оформляли прокат машин, но он оказался единственным клиентом.

– Да, мистер Лейтем, нашла. «Лимане» с кондиционером. Вы сделали заказ сегодня утром в Нью-Йорке?

– Совершенно верно.

– Можно взглянуть на ваши водительские права, сэр? – спросила дежурная.

Паркер протянул ей документы на имя Лейтема. В них значилось, что права выданы в штате Нью-Джерси; Паркеру они обошлись в сотню долларов. У него в запасе имелось несколько удостоверений, выданных в разных штатах на разные имена, на каждый случай – свое удостоверение. Паркер избегал только тех штатов, вроде Массачусетса и Калифорнии, где на водительские удостоверения наклеивают фотографии; он, предпочитал не оставлять в официальных учреждениях своих фотографий.

– Расплачиваться будете по кредитной карточке, сэр? –

прервала девушка его размышления.

– Да.

Паркер протянул ей кредитную карточку, купленную за 25 долларов вчера вечером в Нью-Йорке. У него в запасе целых пять дней: раньше этого срока номер кредитной карточки не появится в черном списке, занесенном в компьютер; но и в этом случае номер появится только в списке, предназначенном для северо-востока страны. Карточка не попадет в черный список Западного побережья до тех пор, пока покупки, сделанные здесь Паркером, не попадут в компьютер, пройдя предварительно все звенья бюрократической системы.

А пока он наблюдал за девушкой, быстро листавшей страницы с номерами украденных кредитных карточек, чтобы проверить его номер. Не раз случалось, что продавали украденную карточку.

С этой, к счастью, оказалось все в порядке. Отложив в сторону список, девушка принялась заполнять формуляры. Потом Паркер поставил в указанном месте свою подпись, подтверждая, что им уплачено три доллара за дополнительную страховку на случай дорожных происшествий, и расписался еще раз внизу заполненного формуляра.

Девушка подала ему копию полиса в яркой цветной папке для бумаг, одарила улыбкой и поблагодарила за то, что он обратился именно в их компанию, после чего указала, у какого выхода из аэропорта стоит арендованная им машина. Поблагодарив ее за проявленную любезность, Паркер под-

хватил свой черный кейс, единственный багаж, который он брал в поездки, и отправился разыскивать машину.

Машина, «понтиак-лиманс» бронзового цвета, имела пробег 80 тысяч миль, очень нелегких 80 тысяч миль, если судить по расшатанности кузова и состоянию тормозов. Трогаясь с места, машина с трудом набирала скорость, так что лучше обойтись без нее, если придется уносить ноги с места ограбления, там нужна машина, которая мчится с места в карьер, стоит лишь слегка коснуться педали; но и на этой можно выжать больше пятидесяти миль в час. Впрочем, все это не имело значения: ведь ему машина нужна только для того, чтобы добраться до места встречи. Если работа его не устроит, он на ней же вернется в аэропорт и как раз успеет к ночному рейсу на Восток. Если же решит задержаться, то бросит ее где-нибудь в центре Сан-Франциско сегодня же вечером.

Паркер ехал к городу по прибрежному шоссе, следуя инструкциям, полученным от Дакасса. Часы показывали немногим больше пяти, когда он выехал с территории аэропорта, – самый час пик, и навстречу ему двигался сплошной поток машин. Но ехать к городу было значительно легче, и он успеет на встречу как раз к назначенному часу: в городе он окажется приблизительно через полчаса, а потом, переехав мост, направится к Окленду. Дакасс дал ему точный адрес: 1377, Маун-Диабло-стрит, в Конкорде – небольшом поселке на Восточном побережье, к востоку от Окленда.

Сразу же за мостом Паркер пересек основную магистраль номер 580, связывающую меж собой штаты, и свернул на калифорнийское шоссе номер 24, по которому и проехал до самого Конкорда. Теперь он попал в сплошной поток машин, двигавшихся от Сан-Франциско, но самый горячий час пик уже остался позади.

Данный ему адрес привел его в очень бедный район, предназначенный на снос. Наискосок от нужного ему дома, на месте снесенных домов, уже вырыли глубокий котлован. Плакат, установленный за полквартила до этого места, информировал окружающих, что здесь ведутся работы, связанные с сооружением скоростной транзитной магистрали. На дне котлована виднелись груды железа, армированной проволоки, бухты шлангов, столбы с привязанными к ним желтыми бирками и ряды припаркованных грузовиков, бульдозеров и землеройных машин.

Страна, где велось строительство, выглядела более аккуратной и чистой, чем та, где находился дом, у которого Паркер остановил свой «лиманс». Оштукатуренный одноэтажный дом, выкрашенный в белый цвет, венчала асфальтовая, обшитая кровельной дранкой крыша. Написанные бледно-розовой краской цифры 1-3-7-7 располагались в нисходящем порядке на почтовом ящике, приколоченном к столбу веранды размером четыре фута на четыре. Во дворе перед домом, утопая в сорняках, стояли две большие картонные коробки для мусора, очевидно, их поставили совсем недав-

но. Перед фасадом дома и сбоку от него буйно разросся кустарник, за ним виднелся гараж.

Неподалеку от гаража, на подъездной дорожке, стояла машина, и еще две – на площадке перед домом. На подъездной дорожке стоял запыленный красный «олдсмобил», малолитражка с откидным верхом белого цвета. Одна из машин перед домом, черная «чевинова» с широченными покрывками, судя по всему, принадлежала человеку, которого больше заботили функциональные достоинства машины, чем ее внешний вид. Другая машина, темно-зеленый «плимут»-седан, скорее всего, был взят напрокат, как и машина Паркера.

Паркер поставил «лиманс» позади «плимута», вышел из машины и с минуту внимательно вглядывался в оба конца улицы. Этот дом не снят в аренду на неделю-другую, чтобы провести встречу заинтересованных сторон, как это сделал Керуан. Это жилой дом, постоянное место обитания человека, задумавшего дело. Дакасс назвал его Биглером, когда объяснял по телефону, как сюда добраться.

– Биглер никогда не участвовал в деле, он только водила, – сообщил Дакасс, – но он не раз работал с весьма уважаемыми людьми здесь, на побережье, и в Мексике.

– Он впервые сам разрабатывал план? – спросил Паркер.

– Да. Но он – профи, – добавил Дакасс, – по-моему, стоит поехать и послушать, что он скажет.

Паркер тоже считал, что стоит поехать. Дело, задуманное Керуаном, провалилось. Дело с бронированной маши-

ной для перевозки ценностей, которое он провернул до этого, загублено, и ему пришлось припрятать деньги; когда-нибудь он вернется за ними, но не раньше, чем о нем и думать забудут в том городе. А наличные между тем таяли, и неотвратно приближался тот день, когда придется вскрыть один из тайников, припрятанных на черный день. Паркеру позарез нужно было подзаработать, так что предложение Биглера пришлось очень кстати.

Но первое впечатление безотрадное. Биглер, может, и не раз работал водилой, но либо не зашиб на этом больших денег, либо успел все спустить. Живет он в нищенском районе. А кроме того, если он назначал встречу в собственном доме, значит, он работает в кредит.

Да еще эта красная машина с откидным верхом. Черная «нова», должно быть, принадлежит Биглеру, с ней все в порядке, но красная машина с откидным верхом внушала беспокойство. Кто еще живет в этом доме? Вероятно, жена или подруга. Личность предполагаемого владельца этой машины не внушала Паркеру симпатии, коль скоро речь шла о серьезном деле.

Но он уже приехал, поэтому имело смысл все же взглянуть, как обстоят дела.

Паркер пересек заросшую бурьяном лужайку и поднялся на веранду. На полу валялись поломанные игрушки. Он позвонил, и спустя минуту дверь открыл коренастый мужчина в черных брюках и тесной рубашке без воротника. Под

рубашкой буграми выступали слишком сильно развитые по сравнению с остальным телом мышцы груди и плеч, похоже, он занимался разгрузкой тяжестей. На вид лет тридцать пять; короткие баки, длинные курчавые черные волосы, видимо, именно так выглядел он в школьные годы и с тех пор не менял своего облика. Тогда, наверное, он считался лихачом, таким он и остался.

– Паркер, – представился прибывший. Грубое лицо, на котором застыло обиженное выражение, внезапно озарила улыбка.

– Ага, Паркер, Фред Дакасс говорил мне про вас. Входите. – Хозяин протянул руку. – Я – Боб Биглер.

Они обменялись рукопожатиями. Паркер поверх его плеча окинул взглядом гостиную, в которой в беспорядке валялась детская одежда. Там стояла новая кушетка и, очевидно, недавно купленный телевизор. В центре комнаты – новый круглый стол со столешницей из прессованного картона, вокруг него с полдюжины деревянных стульев в полотняных чехлах, расставленных, как для игры в покер.

В гостиной находились двое: один сидел у круглого стола, другая раскинулась на кушетке. Высокий, худой, совершенно лысый мужчина был одет в костюм с белой рубашкой и узеньким галстуком (костюм был ему великоват и сидел на нем мешком). Это, вероятно, владелец старой, взятой напрокат машины.

А растянувшаяся на кушетке женщина – вероятно, обла-

дательница красного «олдсмобила» с откидным верхом. Как только Паркер увидел ее, ему тотчас же захотелось уйти, не вдаваясь в подробности предстоящего дела. Его удержало от этого шага только сознание того, что ему очень нужна работа. Паркер решил остаться и посмотреть, какие у них с Биглером отношения и насколько Биглер контролирует ее поступки.

Женщина напоминала окарикатуренную потаскушку из пригорода. Стройная, правильнее сказать, тощая, с пышным бюстом, маленьким узким личиком, похожим на лисью мордочку, она, очевидно, выросла в многоквартирных трущобах. Ухоженные, блестящие каштановые волосы, умело наложенный макияж и маникюр на пальцах рук и ног дополняли ее облик. На ней были шорты и топик.

Паркера несколько успокоило, что она, судя по всему, не будет активно участвовать в предстоящей операции. Не ощущалось напряжения и в мужчине, сидевшем за столом; очевидно, на него не действовали ее чары. Когда женщина встретилась взглядом с Паркером, в ее глазах не появилось приветливого выражения, они не отражали ничего, кроме скуки и затаенного любопытства. Механизм явно в рабочем состоянии, но пока бездействует – вероятно, потому, что у ее мужа более властный характер. Не будь его, все пошло бы по-другому. Но ни Паркеру, ни второму гостю не хотелось выяснять, так ли это на самом деле.

Биглер представил Паркера, познакомив его сначала с

мужчиной, сидевшим за столом, – еще одно доказательство, что к своей жене он не питает особого уважения.

– Паркер, это Джордж Уолхейм, а это моя жена Шейрон.

Паркер и Шейрон молча кивнули друг другу, и Паркер переключил внимание на Уолхейма, который приподнялся со стула, чтобы пожать ему руку.

– Приятно познакомиться с вами, – произнес тот. – Вы с Востока?

– В общем, да, – ответил Паркер. – А вы специалист по замкам?

– Отвертеться не удастся, – усмехнулся Уолхейм, – все обо мне так говорят.

– Ничего не поделаешь, Джордж, – подтвердил Биглер. – Такой уж у тебя вид. Как посмотришь на тебя, так сразу и скажешь: этот парень – вылитый взломщик. А я вот похож на жирную обезьяну'. – И он принял соответствующую позу: слегка согнувшись, опустил руки. Благодаря своей чрезмерно развитой груди и мощным плечам, он и вправду напоминал гориллу. Постояв несколько секунд с безвольно болтающимися вдоль туловища руками, он выпрямился и предложил Паркеру пива.

– Нет, спасибо, – отказался тот.

– Тогда коку, – не унимался Биглер, которому явно по душе пришлась роль радушного хозяина.

– Хорошо, – ответил Паркер.

– Шейрон, коку для мистера Паркера, – приказал Биглер,

обернувшись к жене.

Легкое неудовольствие мелькнуло во взгляде женщины, уголки ее рта недовольно опустились, но, не сказав ни слова, она поднялась и вышла из комнаты.

– Присаживайтесь. – Биглер жестом указал на стул. – Хорошо долетели?

Следующие двадцать минут шла непринужденная беседа о всяких пустяках. У Биглера хватило ума не раскрывать карт, пока не собралась вся компания, но Паркер не переносил такой бессмысленной болтовни и предпочитал молчать, если нечего сказать по существу. Но, поскольку успех или неудача любого дела наполовину зависит от характера людей, участвующих в нем, – а в этом деле он знал одного только Дакасса, – ему предоставилась удобная возможность понаблюдать за двумя другими его участниками и послушать, о чем они говорят, когда речь идет о пустяках и они не следят за своими словами.

В целом у него сложилось благоприятное впечатление. Джордж Уолхейм, похоже, человек стойкий и надежный, он тверд как гранит, на такого можно положиться. В деле, должно быть, ведет себя спокойно и работает методично, со своим заданием он справится, не позволит себе нервничать, поддавшись напряжению, создаваемому ситуацией. Боб Биглер не так хорошо владеет собой, он смотрит на всех с видом боевого петуха, грубоват, но не лишен чувства юмора; похоже, превыше всего он ценит в себе чисто мужское начало. Про-

фессиональные водители часто грешат таким качеством: они асы в своей профессии и всегда стараются опередить других. Биглер, вероятно, будет действовать быстрее и жестче Уоллхейма, но он лишен его уравновешенности и надежности.

Женщина, Шейрон, – вот средоточие всех бед. Биглер держит ее в узде. Она особенно привлекательна для Боба Биглера, поскольку дает ему возможность постоянно доказывать самому себе, что он способен управлять ею, играть при ней роль ковбоя, объезжающего лошадей. Похоже, ему это удастся, по крайней мере, пока она у него на глазах. Однако легкое упрямство, которое она проявляла каждый раз, как он приказывал ей что-то, указывало на бунтарское поведение, когда он поворачивался к ней спиной; но она, очевидно, научилась не перечить ему.

По ходу беседы выяснилось, что у Биглера трое детей; маленький сейчас спал, а двое старших обедали у приятеля. Сам Боб Биглер работал автомехаником, обслуживал машины по индивидуальному заказу и участвовал в гонках за лидером. «Вот куда уходят мои денежки», – сказал он между прочим.

Когда в разговоре возникла пауза, Паркер спросил, не слышали ли они о Джордже Уле. Оба не знали Ула, а поскольку Паркер не стал объяснять, зачем разыскивает его, никто не задавал ему лишних вопросов. За две недели, прошедшие после того, как Ул заporол им дельце, намеченное на День матери, Паркер не раз забрасывал удочку, надеясь

разыскать его убежище, но до сих пор ничего не удалось узнать. Еще до этого случая он как-то раз выследил Ула, но сейчас у него не хватало ни времени, ни денег, чтобы повторить тот опыт. В первую очередь надо повернуть дело и пополнить финансы, а уж потом можно потратить какое-то время и на розыски Ула.

Наконец раздался звонок в дверь, и Биглер, сказав: «Это Дакасс», пошел открывать.

– Больше никого не ждем? – спросил Паркер у Уолхейма.

– Наверное, нет. Боб говорил, что с этим делом можно управиться вчетвером, – ответил тот.

– Ладно, – согласился Паркер, подумав: «Чем меньше команда, тем лучше».

В комнату с довольным видом вошел Дакасс. Биглер познакомил его с Уолхеймом и Шейрон. Когда все расселись за круглым столом, Дакасс сказал, обращаясь к Паркеру:

– Эшби умер, я узнал об этом несколько дней назад.

– Жаль, – отозвался Паркер.

– Что случилось? – встревоженно спросил Биглер.

– К нам это не имеет отношения, – успокоил его Паркер. –

Теперь все в сборе?

– Все, – ответил Биглер, бросив красноречивый взгляд на Уолхейма и как бы призывая того оценить собравшихся. – Слышали вы о Сан-Симеоне?

Уолхейм, которого, видимо, удивил этот вопрос, молча кивнул. Паркер слышал такое название, но не мог вспом-

нить, что оно означало.

– Это резиденция Херста? – спросил Дакасс.

– Верно. Большое поместье, которое он построил для себя на берегу океана. Приблизительно на полпути к Лос-Анджелесу. Битком набито всякими побрякушками, на миллионы долларов одних произведений искусства.

– Не собираешься ли ты штурмовать Сан-Симеон? – поинтересовался Уолхейм.

– Нет, будь он неладен! – ухмыльнулся Биглер. – Мой двоюродный брат работает там охранником, сторожит эти побрякушки, когда их возят на выставки. Он рассказал мне, что приблизительно через месяц их собираются отправлять на какую-то выставку. Привезут в здешний университет, в Беркли.

– Ты хочешь устроить нападение на колледж? – спросил Дакасс.

– Нет, я предлагаю грабануть их по дороге, – ответил Биглер.

– А что повезут? – спросил Паркер.

– Три статуи, – ответил Биглер. – Какие-то известные скульптуры из Европы, старинные. Во всем мире их всего десять штук, три из них – в Сан-Симеоне. В Беркли хотят собрать хотя бы семь штук, остальные покажут на фотографиях.

– И сколько же они стоят? – спросил Дакасс.

– Мой брат говорит: по двести тысяч баксов каждая.

Уолхейм присвистнул, а Дакасс уточнил:

– Значит, всего на шестьсот тысяч баксов. Неплохой куш.

– Покупатель есть? – охладил их восторги Паркер.

– Еще нет, – нахмурившись, ответил Биглер. – Вы же знаете: я – водила, в деле до этого не участвовал, связей среди торговцев у меня нет.

– Так ты хочешь, чтобы кто-то из нас нашел покупателя, – уточнил Паркер.

– Верно, – подтвердил Биглер.

– На три скульптуры, которых всего десять во всем мире.

– По-твоему, дохлый номер? – Улыбка Биглера несколько утратила свой блеск.

– Не знаю, – ответил Паркер. – Но это нелегко. Из чего сделаны статуи?

– Золотые. Целиком из чистого золота, – объяснил Биглер.

– А сколько получим, если их расплавить? – спросил Уолхейм.

– Мелочь по сравнению с тем, что они стоят, – возразил Паркер. – Больше всех заплатила бы страховая компания.

– Хорошо бы получить хоть четверть их стоимости от страховой компании, – нахмурился Биглер.

– Хорошо бы найти покупателя, – повторил Паркер.

– Ладно, давайте подождем, пока найдется покупатель, – согласился Биглер. – А пока расскажу вам, какой у меня план.

– Валяй, – пожал плечами Паркер.

– Брат рассказал мне, что эти скульптуры упакуют в три деревянных ящика, приняв все меры предосторожности. И повезут по прибрежному шоссе в бронированной машине.

– Если это бронированная машина, значит, не будет сопровождения, – вставил Дакасс.

– Вы представляете себе отрезок прибрежного шоссе у Биг-Шура? – спросил Биглер, внимательно посмотрев на каждого.

Все молча кивнули. Паркер вспомнил, что ездил по нему два-три раза: извилистое двухполосное шоссе проложено между океаном и горной грядой Санта-Лючия, двадцать восемь миль по сильно пересеченной местности; среди нагромождения скал и глыб только изредка встречаются пункты лесничества, кроме них, в горах – ни души.

– Так вот, – продолжал Биглер, – они поедут по этой дороге. Мы нападём на бронированный автомобиль на одном из поворотов. Я подобрал подходящий крутой поворот, где им придется практически остановиться.

– Как мы нападём на них? – поинтересовался Дакасс.

– С гранатами, – ответил Биглер, – дымовыми шашками, а потом пустим в ход слезоточивый газ. Поначалу забросаем их дымовыми шашками, чтобы они ничего не видели, тогда волей-неволей им придется остановиться. Потом бросим гранаты со слезоточивым газом под кузов, так что они не смогут двигаться. Тогда мы выскакиваем из засады, и Джордж открывает заднюю дверь. Мы забираем статуи и

отправляемся своей дорогой, легко и спокойно.

– Куда направляемся? – спросил Паркер. – Во-первых, бронированные машины имеют постоянную связь по радио с полицейским участком, а во-вторых, с этой дороги свернуть некуда. Полиции придется только блокировать оба конца дороги и дожидаться нашего появления.

Судя по довольной физиономии Биглера, он ждал этого вопроса.

– Совсем не так, – возразил он.

– А как?

– Вездеход, – торжествующе произнес Биглер. – Такие машины выпускают для любителей дикой природы. Они похожи на джипы, но забираются в такие места, где джипу не пройти. У меня была такая машина, и я пробирался на ней там, где и на лошади не рискнешь проехать. Фантастика!

– И куда же, по-твоему, мы отправимся с этим грузом. Боб? – спросил Уолхейм.

– Перевалим через горы, – заявил Биглер. – Поедем к Кинг-Сити. Там спрячем вторую машину и дальше отправимся на ней по главному шоссе обратно, через Салинас.

– Не выйдет, – покачал головой Уолхейм.

– Почему же? – упорствовал Биглер.

– Не доберешься туда. Не прорвешься в Кинг-Сити.

– А вот и нет, – задиристо возразил Биглер. – Потому что я уже проехал там. Мы с Арти Данфортом с месяц назад проделали этот путь.

– Ты что, разыгрываешь меня? Ты в самом деле проехал по этим горам? – Уолхейм, сощурившись, посмотрел на Биглера с таким видом, будто его с души воротило от этого лгуна.

– Приятель, мы делали по шесть миль в час, – объяснил Биглер. – Но все же проехали.

– А сколько до города? – спросил Паркер.

– Около шестидесяти миль, – ответил Биглер.

– Значит, около десяти часов в пути, – подытожил Паркер.

– Может, и дольше. Может, придется заночевать в горах.

Видишь ли, хронометраж такой, – воодушевился Биглер. – Предположим, мы нападём на броневик где-то около полудня. Скажем, в час. Тогда у нас в запасе только пять-шесть часов...

– Кто-то подошел к дому, – прервала его Шейрон. Она стояла у окна гостиной. – Рассматривает машины, – добавила она.

Все четверо, вскочив, бросились к окну. К дому шел коренастый, плотный мужчина, бегло, но внимательно осматривавший три взятые напрокат машины. У него был приплюснутый нос, редкие выющиеся волосы и тяжелая, выбритая до голубизны челюсть. Он заглядывал в окна каждой машины, проходя мимо них; это отнимало у него дополнительное время, и непонятно было, зачем он это делает.

Паркер, нахмурившись, пытался разглядеть лицо мужчины. Ему казалось, что он где-то видел его, но полной уверен-

ности у Паркера не было.

– По-твоему, легавый? – взволнованно спросил Биглер.

– Нет, – ответил Дакасс, – может, частный сыщик, но не полицейский.

– Шейрон? – с вопросительной интонацией обратился к жене Биглер.

– Никогда его не видела, – испуганно ответила Шейрон.

Поспешность, с которой она пыталась оправдаться, подсказала Паркеру, что муж держит ее на коротком поводке; одновременно он понял, что только так с ней и должен вести себя ее муж. Его подозрения укрепились, когда она добавила:

– Если бы я его знала, разве стала бы говорить вам, что он здесь?

– Кто-нибудь знаком с ним? – спросил Паркер.

Мужчина по заросшей бурьяном лужайке направился к дому.

– Только не я, – отозвался Дакасс.

– Что-то здесь не так. Сейчас выясню, – нахмурившись, бросил остальным Паркер.

– Валяй, – согласился Биглер. – Мне он ни к чему.

Паркер продолжал наблюдать, как человек поднимается на веранду. Знакомое лицо или просто из тех, что часто встречаются?

– Ты сейчас повязан еще с каким-нибудь делом? – спросил он Биглера. – От которого можно ждать беспокойства?

– За мной ничего нет, – успокоил его Биглер. – Целый год ничем не занимался, поэтому и сижу на мели.

Раздался звонок в дверь. Паркер пошел открыть. Звонивший мужчина стоял вполоборота к нему, с притворным безразличием, как коммивояжер, разглядывая улицу. Но коммивояжером он не был. Приоткрыв дверь, Паркер выбрался на веранду и плотно прикрыл ее за собой. Если он знал в прошлом этого человека, то не обязательно вводить в курс дела сидящих в гостиной.

Человек обернулся на шум открывшейся двери, и Паркер заметил, как внимательно тот оглядел его; оба понимали, что играют чужую роль. Но более серьезного интереса к своей особе Паркер, как ни странно, не заметил и не получил подтверждения охватившим его подозрениям.

Незнакомец, очевидно, решил объясниться, продолжая разыгрывать роль бродячего торговца.

– Мистер Биглер? – с невинным видом спросил он.

– Нет. – В конце концов, они не знали друг друга, так какой смысл затягивать разговор? Может, это чиновник из кредитного отдела, может, Шейрон слишком щедро использовала счет покупателя в магазине?

– А где хозяйка? Миссис Биглер?

– Ее тоже нет, – прервал его Паркер, ожидая, что тот удалится.

Но не тут-то было: незнакомца не удовлетворил такой ответ.

– Вы хотите сказать, что она вышла или...

– Я уже сказал: ее нет. – Считая, что разговор окончен, Паркер взялся за ручку двери и сделал шаг, намереваясь вернуться в дом. Но не успел он отвернуться, как мужчина произнес за его спиной:

– Паркер!

Остановившись как вкопанный, Паркер оглянулся. Он никогда не путешествовал по законопослушному миру под этим именем. Быть узванным – одно дело. Но когда тебя называют твоим настоящим именем – тут не до шуток.

– Как вы меня назвали? – переспросил он.

– Паркер.

– Вы ошиблись. Моя фамилия Лейтем.

– В 1962-м вас звали Паркер, – пожав плечами, возразил мужчина. – Вы, конечно, сейчас иначе одеты, но в остальном мало изменились.

Шестьдесят второй. Калифорния... В голове Паркера забрезжило слабое воспоминание.

– Моя фамилия Керни. – Слова мужчины подкрепили сомнения Паркера. – Вы шатались по Бейкерсфилду, сбежав с тюремной фермы. Женщина из Фриско подвезла вас, а кончилось тем, что вы поехали к ней и прожили там два дня, пока не утихли страсти, вызванные вашим побегом. Вы не признались ей, что вас разыскивают, но она догадалась. Ей было наплевать на ваше прошлое. Это сестра моей жены. На вторую ночь я приехал в город и остановился у нее. Мы с

вами раздавили бутылочку.

Паркер вспомнил. Керни был частным детективом, но его карьере грозили бы серьезные неприятности, если бы он укрыв преступника. Паркер в тот вечер позволил ему прикончить большую часть бутылки, а сам на рассвете удрал.

Остается выяснить, откуда этому типу известно его имя. Снова плотно прикрыв дверь и отступив на веранду, Паркер сказал:

– Тогда меня звали Рональдом Каспером.

– Моя золовка слышала, как вы разговаривали по телефону с каким-то парнем в Чикаго. Ваш абонент отказался оплачивать разговор с Каспером, и вам пришлось назвать себя. Она мне потом все рассказала, после вашего отъезда. Она до сих пор вспоминает вас. Я не стал ее разочаровывать и объяснять, что вы, просто воспользовавшись удобным случаем, отсиделись пару деньков в спокойном месте.

– А сейчас что ищете? – спросил Паркер, не отвечая на его слова.

– Я ищу условно освобожденного преступника по имени Говард Одем.

Паркер не знал такого имени.

– Одем – дружок Биглера? – спросил он сыщика.

– Был когда-то, – ответил Керни. – А сейчас дружок его жены. Биглер и не подозревает об этом, – предусмотрительно добавил Керни.

– Все это никак не связано с сегодняшними делами Биг-

лера.

Так вся эта заваруха из-за его жены? Если дело, задуманное Биглером, провалится, так не из-за того, что трудно найти покупателя на столь известные вещи, – это будет исключительно заслугой его женушки, и реальная угроза нависла над ними сию секунду.

Не выпуская из виду посетителя, Паркер приоткрыл дверь и позвал:

– Шейрон!

Она появилась не сразу; очевидно, поначалу отказывалась выйти. Наконец дверь широко распахнулась и тут же захлопнулась за ее спиной; Шейрон стояла перед ними с замкнутым и угрюмым выражением лица, будто увидела перед собой ворота тюрьмы.

– Ему нужен Одем, – сухо сказал Паркер, указав большим пальцем на Керни. – Скажи ему, где его найти.

– Одем? – повторила она резким, пронзительным голосом, в котором ясно слышались фальшивые ноты, – я сто лет не виделась с Гови...

Паркер прервал ее нетерпеливым жестом. Шейрон ответила ему вызывающим взглядом, но этот немой диалог продолжался всего несколько секунд. Взгляд ее скользнул в сторону, и, откашлявшись, она произнесла уже гораздо тише и спокойнее:

– Галиндо-стрит, 1684.

Паркер перевел взгляд на Керни, но тот отрицательно по-

мотал головой. Снова повернувшись к Шейрон, Паркер приказал ей:

– Давай попробуй еще раз.

Притворяться дальше, что она не понимает, о чем идет речь, было бессмысленно, но Шейрон все же предприняла еще одну попытку.

– Честное слово, – повторила она, – это его адрес.

Так могло тянуться до бесконечности. Паркер почувствовал, что его терпению пришел конец, он не на шутку разозлился.

– Попробуй вспомнить еще раз, – приказал он ей с таким видом, что Шейрон наконец поняла: дальше тянуть волюнку опасно.

– Может, – она заметно нервничала, – вы имеете в виду подружку Гови... гм, она живет в Антиохе.

На этот раз Керни удовлетворенно кивнул. Паркер перевел взгляд на Шейрон.

– Он... часто останавливается у нее... – Теперь она заговорила торопливо, захлебываясь словами. – Она... не знаю ее имени, но ее адрес, ага, 1902, Каваллон-роуд. Новый дом, двенадцатиэтажный. Гови сказал...

– Хватит, – оборвал ее Паркер. – Порядок. Через секунду до Шейрон дошло, что ей заткнули рот, и, как нашкодившая кошка, она уползла в дом.

– Не хотелось бы думать, – обратился Паркер к Керни, – что вы станете выяснять, на чье имя взяты напрокат эти ма-

шины.

– Какие машины? – с невинным видом спросил Керни.

Паркер успокоился. В те давние времена Керни зарекомендовал себя человеком, который не любит совать нос в чужие дела. Удовлетворенно кивнув ему на прощанье, Паркер вернулся в дом, к бледной как полотно Шейрон, клокочущему от ярости Биглеру и чувствовавшим себя не в своей тарелке Дакассу и Уолхейму.

– Ничего особенного, – оправдывалась Шейрон. – Честное слово, Боб, человек ошибся номером.

– В чем там дело? – спросил Биглер у Паркера.

– Ошибся номером, – повторил Паркер. – Этот человек занимается розыском без вести пропавших, его звать Керни, я когда-то встречался с ним. Он разыскивает беглянку, женщину, и решил, что она живет здесь под чужим именем. Поговорил с Шейрон и убедился, что ошибся. Теперь перейдем к делу. Так что же с ночевкой?

Шейрон одарила Паркера благодарным взглядом, который выдал бы ее с головой, если бы его перехватил муж. Но тот, уставившись на Паркера, недоуменно повторил:

– С какой ночевкой?

– В твоём вездеходе, – пояснил Паркер.

– А-а, я подумал, что ты имел в виду другое, сам не знаю, что именно, – с облегчением вздохнул Биглер.

– Я приехал к тебе обсуждать ограбление, – напомнил ему Паркер.

– Да, ты совершенно прав. – Биглер вернулся к столу.

– Кажется, ребенок плачет, – сказала вдруг Шейрон. Испуганно поглядев на мужа, она поспешно выскользнула из комнаты.

Четверо мужчин снова расположились вокруг стола.

– Так на чем я остановился? – спросил Биглер.

– Как переночевать в горах, – напомнил ему Дакасс.

– Ты сказал, что мы, вероятно, грабанем бронированную машину где-то около часа дня.

– Верно, – подтвердил Биглер. – У нас в запасе останется меньше пяти часов светлого времени суток. После пяти в лесу уже темно, можно свалиться в ущелье, приняв его за тень.

– Значит, в Кинг-Сити мы попадем только на следующий день, около полудня, – задумчиво произнес Паркер.

– Так я и рассчитывал, – подтвердил Биглер.

Паркер кивнул. Это неплохо – провести в укрытии первую ночь и только на следующий день выбраться из опасной зоны.

– А с чего ты взял, что нас не выследят? – спросил Уолхейм.

– В этих-то горах? Черт возьми, они же не узнают, где мы. Они подумают, что мы разобьем лагерь неподалеку от дороги, не станут же они искать нас за тридцать миль, в горах.

– Тридцать миль – не расстояние, – возразил Дакасс.

– Верно, – согласился Биглер, – тридцать миль по шоссе номер 80, ведущему в другой штат, – раз плюнуть; но трид-

цать миль по лесу – черт знает как далеко.

– Но ведь твой вездеход оставляет следы? – спросил Паркер.

– Первые пять миль проедем по трассе, проложенной военными. Потом где-нибудь свернем с трассы и заедем в лес. Многие так делают, отъезжают в сторону на милю-другую, и каждая машина оставляет следы; так по каким следам отправятся копы?

– А если полиция вызовет вертолет? – спросил Уолхейм.

– Мы остановимся под деревьями, – объяснил Биглер. – Там сплошная чаща, приятель, в этом лесу можно укрыть целую армию, и с воздуха ничего не заметишь.

– Ладно, – подвел итоги Паркер, – я хочу взглянуть на это место, а пока будем считать, что план стоящий. Остается решить вопрос с покупателем.

– Готов выслушать ваши предложения, – откликнулся Биглер.

– Хочешь, чтобы мы подыскали тебе покупателя? – поинтересовался Дакасс.

– Говорю вам как на духу, – ответил Биглер, – у меня таких связей никогда не было. Я ведь только водил машину.

А это означало, как понял Паркер, что Биглер участвовал исключительно в молниеносных операциях: ограбление пригородного банка, кредитного отдела в торговом центре; в таких местах берут тысяч одиннадцать, а если поймают, получишь полный срок, будто украл миллион.

– Боб, у меня тот же круг знакомых, что и у тебя, – напомнил Уолхейм.

– Хотите сказать, что это наше с Дакассом дело, – откликнулся Паркер.

– Я разработал план ограбления, – возразил Биглер, – знаю, как его повернуть и как потом скрыться. Но у меня нет человека, который заплатил бы нам за эти штуки звонкой монетой.

– Пока не добудешь товар, тебе и предлагать нечего, – напомнил ему Паркер.

– Верно, – согласился Биглер. – Так поможешь?

– Можно кое-кого порасспрашивать, – неуверенно протянул Дакасс.

– Объясни, что это за скульптуры, – попросил Паркер, – чтобы покупатель понял, о чем речь. Посмотрим, что можно сделать.

– Мне надо спросить кузена. Сможете задержаться до завтра? – спросил Биглер.

Паркер с Дакассом обменялись взглядами, и Паркер понял, что его приятеля обуревают те же сомнения, что и его самого. Похоже, все в этом деле сшито на скорую руку, нет четко продуманного плана; но, с другой стороны, нужно совместными усилиями раздобыть деньги. План Биглера на первый взгляд – сплошное безумие, но частенько именно такие планы и удается осуществить.

Если бы он был сейчас при деньгах, Паркер уехал бы от-

сюда сию же секунду.

– Я останусь, – сказал он.

– Я тоже, – поддержал его Дакасс, пожав плечами. – Что мы теряем?

Глава 4

В дверь номера тихо, но настойчиво стучали. Паркер мгновенно проснулся и, открыв глаза, всматривался в окружающий его мрак.

Тихое постукивание возобновилось. Повернув голову, Паркер сосредоточил внимание на узкой полоске света, пробивавшейся сквозь занавески. Он находился в номере мотеля неподалеку от Фремонта, в противоположной стороне от Окленда, где жил Биглер. Дакасс занимал соседний номер, слева от него. Но номера не соединялись дверью, да и стук доносился снаружи, кто-то стучал в дверь его номера, которая находилась справа от кровати.

Паркер выждал несколько секунд, пока не уверился, что в комнате, кроме него, никого нет, и быстро выскользнул из кровати. Торопливо одевшись, он подошел к широкому окну неподалеку от двери. Осторожно выглянув из-за занавески, он увидел неясные очертания женской фигуры; пока он наблюдал за ней, женщина нервно поглядывала то вправо, то влево, а потом принялась снова стучать, на этот раз более громко и требовательно.

Шейрон.

Лицо Паркера исказилось от гнева. Короткий сценарий, разработанный женщиной, был настолько ясен, что он видел его, как на экране кинотеатра. «Вы спасли меня сегодня». —

«Не стоит говорить об этом». – «Нет, вы поступили так благородно. Вы ведь не представляете, как Боб...» – и так далее. «Что ж, заходите». – «Благодарю. Какая уютная комната. А эта кровать в самом деле такая удобная?»

Если уж что не заладилось с самого начала, толку не жди. Какой смысл торчать здесь и дожидаться, пока все не полетит вверх тормашками? Паркер направился к двери, нащупал на стене выключатель и зажег свет. Стук в дверь немедленно прекратился.

Паркер быстро собрал свои вещи. Кейс стоял в стенном шкафу. Он забрал из ванной туалетные принадлежности и вынул белье из ящика комода. Уложив все это в кейс, он уселся на кровати, поднял телефонную трубку и попросил диспетчера соединить его с аэропортом. Пока он ожидал ответа, в дверь снова начали стучать. Ему также послышалось, что Шейрон что-то говорит, пытаясь произносить слова тихо, но с таким расчетом, чтобы он их услышал.

Часы показывали двадцать пять минут третьего. После дюжины продолжительных гудков ответил женский голос, назвав компанию и поблагодарив его, что он обратился именно к ним.

– Когда ближайший прямой рейс на Ньюарк? – спросил Паркер.

– Для вас важно, какой именно авиакомпании, сэр?

– Нет.

– Вам обязательно надо попасть в Ньюарк? Есть рейс с

посадкой в аэропорту Кеннеди...

– Мне нужен Ньюарк. – Там он оставил свою машину, когда уехал от Клер.

– Понятно, сэр. Подождите минутку, пожалуйста.

Пока он ждал, на улице внезапно возникло какое-то волнение. Сначала раздался визг тормозов, потом пронзительный крик женщины, ругательства и угрозы и, наконец, громкий стук в дверь.

Женский голос в трубке сообщил, что следующий беспосадочный рейс в Ньюарк только в семь десять. Почти через пять часов.

– Спасибо, – сказал Паркер и с недовольным видом повесил трубку; он был зол.

На улице Биглер во всю глотку орал «Паркер!», а не «Лейтем». Паркер направился к двери. Не успел он открыть ее, как в номер ворвался Биглер, выкрикивая на ходу угрозы. За его спиной в полосе света, упавшей из открытой двери, Паркер заметил Шейрон, которая сидела, прижавшись к колесу взятой напрокат машины Паркера.

Биглер продолжал вопить. Паркер закрыл дверь, сжал кулаки и, размахнувшись, врезал Биглеру по челюсти. Биглер, вытаращив глаза, замахал руками, как ветряная мельница, и, ударившись об угол кровати, приземлился на зад.

– А теперь заткнись! – приказал Паркер, подходя к кровати.

Ошарашенный Биглер, все еще сидевший на полу, поте-

рял всякую способность рассуждать здраво. Удар пришелся в левую скулу, и его левый глаз уже начал моргать и слезиться.

Паркер, опустившись на колени рядом с кроватью, запустил руку под матрас. Сначала он извлек оттуда револьвер 32-го калибра, «смит-и-вессон», похожий на обрубок, – оружие для защиты, как и тот револьвер Керуана, из которого он промазал, стреляя в Джорджа Ула. Переложив револьвер в левую руку, Паркер снова засунул правую под матрас, и тут Биглер, завопив: «Господи помилуй!», бросился лицом вниз на пол, прикрыв голову руками.

Паркер не обращал на него внимания. Действуя на ощупь, он освободил зацепившуюся за пружины кровати кобуру и встал. Засунув револьвер в кобуру, он уложил его в открытый кейс, стоявший на кровати.

До Биглера наконец дошло, что его не собираются убивать. Расцепив руки, он поднял голову и, недоуменно моргая, с разинутым ртом глазел на Паркера. Он ошарашенно смотрел, как Паркер закрыл кейс, щелкнув двумя замками.

– Что ты делаешь? – с недоумением спросил он Паркера. Ярость его уже испарилась, остались только непонимание происходящего и любопытство.

Паркер подхватил кейс и, остановившись, посмотрел на Биглера, который тем временем сел, прислонившись к кровати. Дождавшись, когда Биглер устроится поудобнее, Паркер объяснил ему:

– Возвращаюсь домой. Наплевать мне на тебя с твоим ограблением. А если ты еще раз в общественном месте назовешь меня по имени, я сверну тебе челюсть.

– Постой, постой, – проговорил Биглер, поднимаясь, – почему ты уезжаешь? Паркер молча направился к двери.

– Ты что, подождать не можешь? – закричал ему вслед Биглер. – Я ошибся, вот и все. Я подумал, что... между вами что-то было...

Паркер оглянулся.

– Ты ни о чем не думал, – ответил он. – Ты вообще не думаешь. Ты женился на шлюхе, Биглер, привыкни к этой мысли. Или отправь ее на улицу – пусть зарабатывает деньги, – или избавься от нее. Но не пытайся сделать из нее женушку, ничего не получится.

– Но... – начал Биглер и замолчал, будто кто-то выключил рубильник. Он замер на месте с напряженным выражением лица, вытянув вперед руку, как бы пытаясь объяснить что-то и удержать Паркера.

Отвернувшись от него, Паркер подошел к двери. Когда он открыл ее, Шейрон все еще сидела на земле в неестественной позе, прижавшись к колесу его машины; на ее лице застыла гримаса ужаса. Паркер вышел на улицу, оставив дверь номера открытой.

– Пошла прочь! – приказал он Шейрон.

– Ты уезжаешь? – робко, ненатуральным девчоночьим голосом спросила она, будто вместо нее говорила чревовеща-

тельница.

Дверь соседнего номера открылась, и появился Дакасс, уже успевший одеться.

– Что здесь, черт побери, происходит? – спросил он тихо.

– Супружеская сцена, – ответил Паркер. Схватив Шейрон за локоть, он оттащил ее в сторону от своей машины.

– Будь все проклято, – проворчал Дакасс, – мне позарез нужны деньги.

– Мне тоже, – вздохнул Паркер. – Хочешь, подвезу тебя до аэропорта?

Дакасс подошел ближе, так что теперь в открытую дверь стал виден Боб Биглер, который стоял посреди комнаты. Вид у него был смущенный и вызывающий одновременно. Дакасс мельком взглянул на Шейрон, которая все еще сидела на земле, нервно покусывая нижнюю губу и не зная, как поступить: закатить скандал или промолчать. Потом со вздохом перевел взгляд на Паркера и потряс головой.

– Наверное, поболтаюсь еще немного здесь, – сказал он. – Я сейчас проживаю то, что отложено на черный день. Может, теперь, после этого скандала, они наконец успокоятся.

– Все может быть, – ответил Паркер. – Увидимся как-нибудь.

– До скорого, – ответил Дакасс, с тоской наблюдая, как Паркер садится в машину.

Последнее, что увидел Паркер в зеркальце заднего обзора: Шейрон бежала к своему красному «олдсмобилу», а Да-

касс входил в дверь его номера, чтобы потолковать с Бобом Биглером.

Глава 5

Паркер просунул кредитную карточку в узкую щель у края двери и протолкнул ее вниз, пока она не уперлась в язычок замка. Постепенно увеличивая давление на язычок замка, Паркер проталкивал карточку вниз, пока дверь внезапно не подалась внутрь, с шумом распахнувшись.

Паркер положил кредитную карточку в карман рубашки. Это была та самая карточка, которой он пользовался в Сан-Франциско, и поскольку теперь она уже наверняка попала в черные списки и на нее нельзя ничего купить или взять напрокат, он использовал ее, чтобы отпереть замок, закрытый на один оборот. В большинстве пригородных домов, как правило, хозяева забывают запирают на два оборота кухонные двери или двери пристроенных к дому гаражей; все внимание обычно сосредоточивают на парадных дверях и окнах, а о черном ходе чаще всего забывают.

В данном случае речь шла о двери в гараж. В гараже было темно, хоть глаз выколи; только слабый свет уличных фонарей, падавший сквозь окошечки главных ворот гаража, позволил Паркеру рассмотреть, что в пространстве между ним и этими воротами не было ни одной машины.

В два часа ночи во всем квартале не светилося ни одного окна. Может, живущая здесь женщина просто вышла и еще не вернулась, а может, она уехала отдохнуть?

Или же она в доме, а свою машину одолжила Улу?

Сегодня рано утром он получил весточку, ее передал через Генри Мак-Кея Керуан. Ему удалось узнать, что Ул живет с какой-то разведенной женщиной в одном из жилых кварталов на окраине Питсбурга. Керуан узнал имя женщины и название пригорода, а Паркер с помощью телефонной книги раздобыл этот адрес.

Плохо, что гараж пуст. А может, и наоборот. Все прояснится, когда он осмотрит дом.

В слабом свете, проникающем сквозь окошечки гаража, слева вырисовывалась дверь. Паркер достал из кобуры револьвер и направился к ней: осторожно повернув ручку, он медленно приоткрыл дверь; в кухне темно, на черном фоне вырисовывались более светлые силуэты: холодильник, плита, кухонные шкафы.

Из гаража в кухню вели две ступеньки. Паркер, осторожно ступая, преодолел их, прислушиваясь напряженно к звукам в доме; он не спеша перемещал вес своего тела с одной полусогнутой ноги на другую, опасаясь, что под ногами заскрипит какая-нибудь половица. Закрыв за собой дверь, ведущую в гараж, Паркер вошел в кухню.

Не успел он закрыть дверь, как раздался стук когтей по линолеуму, и Паркер увидел темный силуэт, мчавшийся прямо на него, за секунду до того, как что-то ударило его в грудь с такой силой, что он свалился на пол. Паркер ощутил на лице горячее дыхание, а затем оно переместилось к его горлу.

У него не оставалось выбора: он прижал дуло револьвера к мохнатому боку и нажал на спуск.

Конвульсия пробежала по телу животного, и оно откатилось влево, а Паркер – вправо. Ударившись о стену, он быстро поднялся на одно колено, напряженно всматриваясь в темноту, все его тело напряглось в тревожном ожидании.

Когти животного продолжали скрести по линолеуму, но подняться ему не удавалось. Он не убил его, но лишил способности передвигаться. Паркер поднялся и левым рукавом вытер измазанное слюной животного лицо.

Выстрел прозвучал негромко. Паркер приглушил его, прижав дуло револьвера к телу животного, звук выстрела не достиг улицы, но в доме его вполне могли услышать, если там кто-нибудь был.

Пока когти царапают по линолеуму, ему не услышать, что происходит в доме. Паркер ощупью пробирался по кухне, пока не увидел справа блики света, проникавшие с улицы. Это дверь, ведущая в гостиную. Сделав несколько шагов, он ощутил под ногами ковер и остановился, прислушиваясь: в доме царила тишина. Ни звука, только когти животного все еще царапали по линолеуму. Само животное даже не стонало.

Паркеру потребовалось не больше десяти минут, чтобы обыскать дом. Он осторожно переходил из одной комнаты в другую, нигде не зажигая света и довольствуясь отблесками уличных фонарей. Это был одноэтажный дом сельского ти-

па, с одной стороны к нему примыкал гараж, рядом с ним – кухня и гостиная, дальше – спальни. Нигде ни души. Шкаф в хозяйской спальне набит одеждой, исключительно женской, значит, хозяйка никуда не уехала. В ванной комнате три зубные щетки, но никакие туалетные принадлежности не указывали на присутствие мужчины. Вероятнее всего, Ул имеет собственное жилье и не остается здесь подолгу.

Вернувшись в кухню, Паркер открыл дверцу холодильника, чтобы разглядеть, кого же он убил. Животное уже не скребло когтями, и, когда стало светлее, Паркер увидел, что оно сдохло; доберман лежал на боку, поджав лапы, будто собирался бежать, открытые глаза подернулись сероватой пленкой. Крови оказалось немного, только небольшая лужа на полу.

Рядом с входом в гараж Паркер заметил дверь, ведущую в погреб. Оставив дверцу холодильника открытой, он распахнул дверь погреба и включил там свет. Спустившись по ступенькам вниз, он быстро огляделся. Он не ожидал обнаружить там что-то интересное и оказался прав. Закончив осмотр, Паркер вернулся в кухню, схватил пса за лапу, подтащил его к двери в погреб и спихнул вниз по ступенькам. Потом выключил свет в погребе, стер посудным полотенцем с линолеума кровавые пятна и выбросил полотенце тоже в погреб. Закрыв дверь погреба, он оглядел кухню, чтобы проверить, не осталось ли следов. Ничего не обнаружив, он захлопнул дверцу холодильника. Потом перешел в гостиную

и уселся там дожидаться хозяйку. Венецианское окно гостиной выходило на улицу, занавески были задернуты неплотно, поэтому Паркер со своим креслом отодвинулся в глубь комнаты, чтобы его не заметили с улицы.

Без десяти четыре утра свет фар внезапно скользнул по стене гостиной. Вскочив, Паркер услышал, как поднимаются ворота гаража, и быстро перебежал на другой конец гостиной, поближе к двери, ведущей в кухню. Там он замер, ожидая, кто же войдет в дом.

Сначала Паркер услышал, как машина въезжает в гараж, и почти сразу же – как закрываются двери гаража. Видимо, они оборудованы специальным электронным устройством.

Двери гаража с шумом закрылись. Паркер замер с револьвером в руках.

Открылась дверь, соединявшая гараж с кухней, и раздался женский голос:

– Блеки! Мы вернулись, мой мальчик. Высокие каблочки простучали по линолеуму, но тут же остановились.

– Блеки! Где же ты?

Голос мужчины невнятно пробормотал что-то. Паркер не разобрал слов и не понял, Ул это или кто-то другой.

– Не понимаю, в чем дело, – сказала женщина. – Ты же знаешь, он всегда прибегает на зов.

В кухне вспыхнули лампы дневного света. Паркер стоял в гостиной, наискосок от двери, пытаясь поскорее привыкнуть к яркому свету.

Та часть кухни, которую он видел в приоткрытую дверь, напоминала столовую: там стоял маленький круглый стол и четыре стула.

– Блеки? – опять позвала женщина. Мужчина что-то ответил ей.

– Наверное, ты прав, Джордж, – произнесла женщина. Голос ее звучал взволнованно, но в нем ощущалась уверенность в себе.

Проклятая собака! Держа револьвер перед собой, Паркер вошел в кухню, но женщина оказалась между ним и дверью, ведущей в гараж. «Ложись!» – заорал он, но та, остолбенев от ужаса, не в силах была оторвать взгляд от револьвера.

Он так и не увидел Ула, услышал только, как удирает этот подонок. Паркер перевел взгляд вправо, к двери, ведущей на задний двор, и бросился туда. Не успел он отвернуться от женщины, как та закричала.

Дверь оказалась запертой. Пришлось нажать на кнопку, вмонтированную в ручку, чтобы открыть ее. На все это ушло время. Когда Паркер распахнул дверь, то увидел, как через двор, по направлению к соседнему дому, выходявшему на другую улицу, метнулась тень.

В таком престижном районе по ночам не гремят выстрелы. В таких районах полно полицейских патрульных машин, а граждане, живущие по соседству, услышав какой-то подозрительный шум, бросятся к телефону вызывать полицию. А Ула на своих двоих не догнать.

Разозленный неудачей, Паркер вернулся в дом, захлопнул за собой дверь и бросился к женщине, которая, набрав побольше воздуха в легкие, опять принялась вопить. Она отпрянула от него, не переставая кричать тонким пронзительным голосом; только сейчас она сообразила, что надо было бежать, воспользовавшись отсутствием Паркера.

Паркер схватил ее за плечо свободной рукой, повернул к себе и сильно ударил по лицу. Женщина отлетела в угол, к двери, и он зажал ее там, ухватив за горло.

– Не сердь меня, а то плохо будет, – пригрозил он.

– Что вы... что вы... – Она с трудом выдавливала из себя слова, будто он душил ее.

– Мне нужен Ул, – объяснил Паркер. – Мне нужен его адрес.

– Я не... я не... – Ей так и не удалось закончить фразу.

Паркер прижал дуло револьвера к ее животу.

– Если не скажешь, где он скрывается, нет смысла оставлять тебя живой. Ты видела мое лицо.

– Я не... не могу... – выдавила женщина. Паркер крепче сжал ей горло, так что она начала и вправду задыхаться. Женщина подняла вверх дрожащие руки, но боялась бороться с ним, поскольку дуло револьвера упиралось ей в живот; ее пальцы даже не коснулись его руки, сжимавшей ей горло. Она перебирала пальцами в воздухе, будто печатала на машинке. Паркер слегка ослабил хватку.

– Его адрес? Мне некогда, – потребовал он. Женщина

осторожно обхватила обеими руками его запястье, будто прося пощадить ее.

– Ментл-стрит, – хрипло выговорила она.

– В Филадельфии? – спросил Паркер.

– Да. 283. Квартира семь.

– Кто с ним живет?

– Никого. Никого, – прохрипела женщина.

Паркер грубо сжал левой рукой ее лицо: большой палец – на одной щеке, остальные – на другой. Оторвав на дюйм ее голову от стены, он резко толкнул ее назад. Глаза женщины остекленели, и Паркер, подхватив ее обмякшее тело, опустил ее на пол. Убивать ее незачем, но он не хотел, чтобы она раньше времени подняла тревогу.

В кухонном комодe нашлась бельевая веревка. Паркер быстро связал женщину, потом выключил на кухне свет и через черный ход вышел из дома.

Свою машину он оставил в квартале от дома. Минута ушла на то, чтобы, развернув карту, выбрать наиболее удобный маршрут по Филадельфийскому шоссе. Положив карту на место, он завел мотор. Ул имел преимущество во времени, минут десять, но зато у него не было машины, а поймать в этом районе в четыре часа утра такси нелегко. Если Ул направится домой, у Паркера великолепный шанс обогнать его или, по крайней мере, схватить его раньше, чем он, собрав вещички, переберется в другое место.

Тридцать пять минут спустя Паркер ехал мимо дома но-

мер 283 по Ментл-стрит. Это было здание из красного кирпича, построенное, очевидно, в двадцатые или тридцатые годы: углы слегка закругленные, а не квадратные, створчатые окна, фонари по обе стороны увенчанных аркой дверей. Все окна темные, за исключением ряда окон посередине, над входом; очевидно, эти окна выходили на площадки лестницы. Здание пятиэтажное, на каждом этаже четыре или шесть квартир, лифта нет.

Паркер проехал мимо и оставил машину в квартале от дома. Вернувшись к дому пешком, он вошел в вестибюль и прочитал на почтовом ящике, что квартиру номер 7 занимает Дж. Ундервуд. Ул, вероятно, относился к разряду тех людей, которые, любят сохранять свои инициалы, когда используют вымышленные имена: это всегда глупо, а иногда и опасно. Внутреннюю дверь открывают сами жильцы, стоит только позвонить в нужную квартиру. А это означает, что замок закрыт на один оборот, и, следовательно, его можно открыть с помощью кредитной карточки. Паркер поднялся по лестнице и нашел на третьем этаже квартиру под номером 7. Эта дверь была закрыта на два запора, а Паркер не прихватил с собой набор отмычек, поэтому, не пытаясь взломать дверь, он поднялся на крышу.

Отсюда вела вниз пожарная лестница. Окна с этой стороны дома также были темными, единственным источником света оставались только звезды и четвертинка луны. Паркер спустился по пожарной лестнице до третьего этажа и при-

стально взгляделся в окно, которое, по его расчетам, принадлежало квартире номер 7. Он хотел убедиться, что в квартире нет света. Ничего не увидев, он приступил к обработке окна.

Это окно, как и те, что выходили на улицу, было створчатым. Неизвестно, задвинута или нет внутренняя задвижка. Створки окна раскрывались наружу, рама не поднималась вверх. Паркер просунул между створками окна, у верхнего края рамы, кредитную карточку и медленно опустил ее ниже, пока она не уперлась в петли. Рама чуть-чуть подавалась, так что ему удалось уцепиться за нее кончиками пальцев. Окно приоткрылось, и в образовавшуюся щель ему удалось засунуть карандаш, а кредитная карточка упала в комнату. Осторожно ведя карандашом к верхней части окна, Паркер значительно расширил щель; внезапно раздался щелчок, свидетельствующий, что нижний шпингалет выскочил из петли.

Теперь створка окна раскрылась приблизительно на полдюйма. Паркеру удалось крепче ухватиться за нее и, потянув на себя, просунуть внутрь руку, чтобы открыть окно. Очувившись в темной маленькой спальне, Паркер первым делом подобрал с полу карандаш и кредитную карточку, а затем обыскал квартиру так же, как до этого обыскивал дом, — тихо, не зажигая огня.

Везде пусто. В ящике на кухне он нашел фонарик, а в аптечке в ванной комнате — пластырь и залепил им стекло фо-

нарика, оставив только узкую щель; затем Паркер зажег фонарик и с помощью узкого луча его света еще раз осмотрел квартиру. Он искал каких-нибудь указаний на то, куда мог отправиться Ул. Но тот явно снимал меблированную квартиру, принадлежавших лично ему вещей оказалось немного. Паркер не нашел ни записной книжки, ни писем – одним словом, никаких указаний ни на прошлое, ни на будущее Ула. Повседневные вещи в шкафах и ящиках комода, несколько колод карт, несколько книг в бумажных обложках; создавалось впечатление, что он осматривает снятый на летний сезон коттедж, из которого уже уехали хозяева.

Только в коробке с кукурузными хлопьями он нашел четыре тысячи долларов. Двести двадцатидолларовых банкнотов, сложенных в пачки; они лежали в коробке с кукурузными хлопьями, которая на первый взгляд казалась запечатанной. Но Паркер, подняв ее, почувствовал, что коробка слишком тяжелая, а когда осмотрел внимательно ее дно, то увидел, что коробку вскрывали, а потом снова заклеивали. Он разорвал ее, и оттуда вывалились банкноты: четыре пачки по пятьдесят банкнотов в каждой, перевязанные и заклеенные бумажной лентой.

Ул, подобно Паркеру и другим представителям их профессии, прятал в разных местах наличные, на случай необходимости срочно дать взятку или быстро исчезнуть. Сам Паркер оставил нетронутыми несколько таких тайников, поскольку ему показалось слишком опасно появляться там.

Интересно, окажется ли Ул таким же сообразительным? Или четыре тысячи долларов достаточно заманчивая приманка, и Ул все же заглянет сюда на минутку? Имело смысл остаться и немного подождать. До утра.

Часы показывали почти пять. Через двадцать минут раздался звонок. Догадываясь, кто звонит, Паркер поднял трубку.

– Алло? Джордж? – раздался женский голос. – Сматывайся быстрее... он хотел убить меня, пришлось сказать ему, где ты живешь. Извини, дорогой, силой заставили... Джордж?

Паркер не ответил.

– Джордж? Джордж?

Паркер повесил трубку. Положил четыре тысячи в карман и покинул квартиру.

Глава 6

Дакасс ждал его в вестибюле.

– Поднимайся наверх, – коротко сказал он. В лифте они не обменялись ни словом. Из Филадельфии Паркер вернулся к Клер, и она сообщила, что звонил Генди Мак-Кей и передал, что его хочет видеть Дакасс. Он пробудет до следующего вторника в отеле «Порт-Датч» в Нью-Йорке, остановился там под именем Энтони Сент-Пьера. Так что сегодня, проехав шестьдесят миль от дома Клер, Паркер позвонил из автомата Дакассе и договорился о встрече в полдень в его отеле.

Это был дорогой отель, но Дакасс занимал в нем скромный номер.

– Хочешь выпить? Еще что-нибудь? – спросил Дакасс, когда они закрыли за собой дверь.

– Нет, спасибо, – отказался Паркер.

– Я пью, когда нет работы, – признался Дакасс. – Не возражаешь, если я выпью?

– Валяй.

Дакасс приготовил себе джин с тоником, безо льда. Он поднял стакан, скорчив такую гримасу, будто извинялся за свою глупость.

– Знаешь, почему у меня появилась такая привычка: пить джин безо льда? – спросил он.

Номер был обставлен мебелью, имитирующей итальянскую провинцию. Паркер уселся в кресло с удобной спинкой и неудобными подлокотниками.

– Ты мне не рассказывал, – ответил он.

– Когда останавливаешься в отеле, раньше или позже вступаешь в переговоры, которые посторонним слушать ни к чему, – объяснил Дакасс. – И вот тут-то и возникает проблема со льдом. В мотеле просто пропустишь рюмочку и идешь себе к машине, а в таких отелях приходится для этого звонить в службу. Проходит не меньше получаса, прежде чем появится парень, по виду вылитый наркоман. А все сидят, набрав в рот воды, пока он крутится в комнате, да еще отворачиваются, чтобы он не разглядел их лиц. Вот я и приучил себя пить эту дрянь безо льда. – Дакасс глотнул джина и поморщился. – По вкусу – чистый йод.

– Так ты говорил, что сидишь без работы, – перешел к делу Паркер. – Чем кончилась та история с Сан-Симеоном?

– Все сорвалось из-за этой «сладкой парочки». – Дакасс сел на диван, поставив стакан на кофейный столик. – Эта Шейрон из кого угодно душу вынет. После твоего отъезда все пошло наперекосяк.

– Значит, я вовремя уехал, – отозвался Паркер.

– Я проболтался там еще пару дней, – продолжал рассказ Дакасс, – но потом и мне надоело. После того как открылись ее шашни с тобой, они без передышки цеплялись друг к другу. Понимаешь, она его боится, но не так сильно, чтобы от-

казаться от своих привычек, старается просто скрывать от него свои делишки. А скрывать – ума не хватает, даже от такого простака, как Боб Биглер.

– Так ты тоже завязал с ним? – поинтересовался Паркер.

– Джордж Уолхейм уговаривал меня наплевать на их дрязги, мол, все образуется. Он сказал, что как только до Шейрон дошло бы, что ты не хочешь иметь с ней дела, она оставила бы тебя в покое. Но вся ситуация в целом заставляла меня нервничать. Особенно из-за того, что Биглер балуется марихуаной. Он выдумал прихватить с собой травку, когда пойдет на дело. Чтобы покурить в горах.

– Идея-то была неплохая, – вздохнул Паркер. – Исполнители никуда не годились.

– У меня сейчас кое-что наклевывается, – заявил Дакасс, – так что все к лучшему. Вернувшись оттуда, я вошел в контакт со своим посредником, и он предложил мне одно дельце. Но им нужен только один человек, поэтому тебе нет смысла туда соваться.

Паркер молча пожал плечами.

– Но потом всплыло еще одно предложение, – продолжал Дакасс. – Ты знаком с Эдом Мак-Кеем?

– Встречался когда-то, – ответил Паркер.

– Так вот, я разговаривал с разным народом, пытался найти покупателя для тех проклятых статуй. Еще до того, как вышел из игры. А когда переключился на другое дело, опять получил весточку от Эда Мак-Кея. Кажется, он сам собира-

ется грабануть какие-то картины, и ему нужны люди, а разведка донесла, что он положил на меня глаз. Так вот, он связался со мной, но я уже был занят на другой работенке и порекомендовал ему тебя. Он сказал, что знает тебя, с тобой, дескать, можно иметь дело. Я обещал передать тебе его предложение.

– Он рассказал тебе что-то конкретное? – спросил Паркер.

– Мне это без интересу, – покачал головой Дакасс. – Разговора об этом не было. Но я знаю Эда, он – настоящий профи. Это тебе не Боб Биглер.

Паркер и сам думал также.

– Спасибо тебе, – сказал он.

– О чем разговор! – махнул рукой Дакасс. – У меня самого сейчас с деньжатами туговато, мне показалось, что ты тоже на мели, так что благодарить не за что. Ты бы сделал для меня то же самое.

Паркер кивнул.

– Мне накануне подвалило несколько тысконок, – сказал он, – но этого мало. Мне нужна солидная сумма.

– А это как раз денежное дело, так говорит Эд. У меня есть его адрес, он будет там на следующей неделе. – Дакасс достал из кармана свернутый в трубочку клочок бумаги и протянул его Паркеру.

Паркер взял листок и, не заглянув в него, сунул в карман.

Потом они поболтали еще минут пятнадцать. Паркер не любил такого бессмысленного времяпрепровождения, но

понимал, что многие считают это необходимым для общения ритуалом, а потому научился поддерживать беседу. Наконец Дакасс допил свой джин безо льда, и Паркер смог подняться, пожелав на прощанье Дакассе удачи.

– И тебе того же, – ответил Дакасс. – Может, мы с тобой разбогатеем, – добавил он с кислой усмешкой.

Часть вторая

Глава 1

Паркер внимательно разглядывал картину. Размер четыре на пять футов, слегка размытая черно-белая фотография, на которой запечатлен несчастный случай: искореженный автомобиль, погнутые детали. Внутри машины, как в ловушке, видны неясные контуры человеческого тела, зажатого зазубренными кусками металла и осколками стекла. Здесь и там на фотографиях разбросаны "маленькие яркие фигурки бегущих людей. Они напоминают героев комиксов: та же цветовая гамма, те же маски, руки сжаты в кулаки, челюсти крепко стиснуты, напрягшиеся плечи и поднятые колени свидетельствуют, что они очень спешат. Наверное, целая дюжина маленьких человечков разбросана по всей поверхности фотографии, они похожи на тропических птичек, облепивших засохший куст. Картина называлась «Насилие».

Паркер тщательно изучал проспект выставки, который ему вручили при входе. «Насилие» предоставили для выставки мистер и миссис Джералд Шейкауэр из Перт-Эмбой, Нью-Джерси, которые приобрели картину в 1966 году за тридцать пять тысяч долларов.

Паркер перешел к следующей картине. Шестиугольной

формы полотно, три фута в диаметре, – точная копия дорожного знака «Стоп!»: белые буквы на красном фоне, а к полотну прикреплены носы, вылепленные из пластика. Эта картина называлась «Танаклеон-IV». Паркер снова заглянул, в проспект: написана... предоставлена для выставки... приобретена в 1968 году за восемнадцать тысяч долларов.

Он двинулся дальше. На выставке представлено двадцать одно полотно, картины украшали стены и разделительную перегородку посреди комнаты. Сложив цифры, указанные в каталоге, Паркер подсчитал, что в целом за картины заплатили в разное время в течение последних восьми лет триста семьдесят пять тысяч долларов.

Паркер долго рассматривал каждую картину. Столь же внимательно он изучил семерых частных охранников – в серой форме, с револьверами на правом боку, стоявших по периметру комнаты, как семь дополнительных экспонатов; и еще двух вооруженных охранников, расхаживавших по холлу: они то и дело мелькали в дверном проеме. Человек пятнадцать – двадцать посетителей, в данный момент осматривавших выставку, казались мирными обывателями, ни один из них не походил на переодетого в штатское копа.

Изучив все необходимое для дальнейшей работы, Паркер свернул листок, аккуратно положил его в карман пиджака и вышел из зала. Временная выставка размещалась в помещении на третьем этаже, в здании банка, в центре города. На первый этаж можно было спуститься на лифте или по

лестнице. Паркер предпочел лестницу и спустился по ней на улицу, где у самого входа, рядом с пожарным краном, была припаркована машина муниципальной полиции. Когда он входил, она стояла на том же месте, и, когда он прошел мимо второй раз, двое полицейских, сидевших в ней, небрежно окинули его взглядом. Паркер пошел налево, завернул за угол и еще раз повернул налево, пройдя полквартила до взятой напрокат машины. Солнце ярко сияло, часы показывали десять минут третьего.

За двадцать пять минут Паркер добрался до мотеля. Когда он подъехал к стоянке, в бассейне плескались только Мак-Кей со своей девицей. Мак-Кей в цветастых плавках стоял на краю трамплина, готовясь к прыжку, и радостно помахал ему рукой. Паркер поднял руку в знак ответного приветствия, а затем, снова взявшись за руль, не спеша проехал мимо конторы, направляясь к корпусам мотеля. Мак-Кей, нырнув в голубую воду бассейна, проплыл его и выбрался из воды на другом конце; растираясь на ходу полотенцем, он побрел к своему номеру. Девушка осталась около бассейна.

Паркер ждал Мак-Кея, облокотившись о капот своей машины.

– Видел ее? – спросил Мак-Кей.

– Видел, – коротко ответил Паркер. Мак-Кей, набросив полотенце на плечи, подошел к двери, держа наготове ключ.

– Признаться, не так уж жарко, – сказал он, – рано еще купаться: воздух не прогрелся.

Войдя в номер, Мак-Кей первым делом щелкнул выключателем, находившимся рядом с дверью, поскольку в номере было темно: занавеси с орнаментом из осенних листьев плотно закрывали окно. Зажглись две настольные лампы и торшер. Паркер, вошедший следом за ним, плотно прикрыл за собой дверь. Комната, в которой они находились, как две капли воды походила на все другие номера в мотелях, ее украшал неизменный атрибут подобных номеров – туалетный столик, отделанный позолоченной филигранью. На противоположной от Паркера стене, под потолком, работал кондиционер, и воздух в комнате был такой же холодный, как выложенный кафельными плитками пол.

– Господи, как холодно, – пожаловался Мак-Кей, но кондиционер не выключил. Стоя посреди комнаты и дрожа от холода, он сбросил мокрые плавки, швырнул их в открытую дверь ванной комнаты и стал растираться полотенцем. На вид Мак-Кею было лет сорок, его плотно сбитое тело покрывали темные волосы. На макушке волос было гораздо меньше. Спину, под правым плечом, портил сморщенный шрам.

– Виски и лед – на столике, справишься сам, – бросил он Паркеру, продолжая растираться полотенцем.

– Я еще не завтракал, – отказался Паркер. Когда тебе предстоит работать с человеком незнакомым, следует объяснить ему мотивы своих поступков, чтобы не выглядеть чересчур привередливым. Паркер пересел на другое кресло, поближе к двери.

– Я тоже не ел, позавтракаем вместе, – согласился Мак-Кей.

– Договорились.

– Бренда останется здесь. Она все равно не завтракает. Чтобы не набрать лишнего веса, понимаешь?

Паркер кивнул.

Мак-Кей, скомкав полотенце, швырнул его следом за плавками в ванную и подошел к комоду. Выдвинув верхний ящик, он достал какие-то вещи и стал одеваться.

– Какое у тебя сложилось мнение? – спросил он.

– Оттуда, где картины висят сейчас, их не достанешь, – ответил Паркер.

– Я тоже так думаю, – усмехнулся Мак-Кей, натягивавший носок, балансируя на одной ноге. – Бренда считает, что надо надевать носки стоя, чтобы согнать жир с живота, – объяснил он. – Я как-то раз свалился и стукнулся башкой об стенку. Но жир с брюха придется сгонять. Мы и не станем заниматься этим делом сейчас, – без паузы перешел он к интересующему их вопросу. – Представление устроим, когда станут перевозить картины.

– Там девять частных охранников, – заметил Паркер. – Два копа в радиофицированной машине дежурят на улице. Так охраняют картины на выставке. А какая охрана при перевозке?

– Понимаю, что тебя волнует, – кивнул Мак-Кей. Облечившись в нижнее белье, он подошел к открытому шкафу

и снял с вешалки белую рубашку. Застегивая пуговицы, он продолжал рассуждать: – Если мы нападём на них неожиданно, то нам предстоит всего лишь угнать фургон.

– Всего лишь? – переспросил Паркер.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – ответил Мак-Кей, доставая из шкафа брюки. – Может, это непростой угон, но угон машины все равно остается угонем. – Держа в руках брюки, он повернулся к Паркеру: – Подумай об этом. Двадцать одну картину везут в фургоне по шоссе.

План Мак-Кея напоминал несостоявшееся дело с Сан-Симеоном с той только разницей, что на этот раз напасть на фургон, перевозивший картины, планировалось не в горах, где практически нет дорог, а на оживленном шоссе. Даже Боб Биглер призадумался бы над этим.

– Нелегкая задача, – повторил Паркер.

– Но стоящая, – возразил Мак-Кей.

– Триста семьдесят пять тысяч, – уточнил Паркер.

– Откуда ты взял эту цифру? – нахмурился Мак-Кей.

– Вот, в этом проспекте сказано, сколько платили владельцы за каждую картину, – ответил Паркер, доставая из кармана каталог выставки.

– Ах это! Данные двухлетней давности, – возразил Мак-Кей.

– В основном да. Ну и что?

– Гриффит сказал мне, что сейчас они тянут на полмиллиона, – пожал плечами Мак-Кей, натягивая брюки. – Кар-

тины все время поднимаются в цене, – объяснил он с таким видом, будто всю жизнь занимался торговлей картинами. – Как ценные бумаги, понимаешь?

– И сколько мы получим? – поинтересовался Паркер.

– Сто тридцать кусков на всех, кто участвует в деле. •

– Откуда взялась эта цифра? – нахмурился Паркер.

Мак-Кей, уже облаченный в брюки, потянулся за галстуком.

– Гриффит начал со ста штук, – ухмыльнулся он. – Моя стартовая цена была двести, вот мы и сторговались.

– Гриффит выиграл, – заметил Паркер.

– Да, знаю, – еще веселее ухмыльнулся Мак-Кей. С галстуком в руках он подошел к зеркалу, висевшему над комодом. – Но он – хозяин, понимаешь? Я воровством зарабатываю на жизнь, а он – торговлей. – Мак-Кей пожал плечами, внимательно следя в зеркале за своими руками, завязывавшими галстук. – Ты же не думаешь, что я трудился ради тридцати кусков?

– Именно так и получилось, – возразил Паркер.

– Признаюсь тебе как на духу, – сказал Мак-Кей, покончив с галстуком и отвернувшись от зеркала. – Мы двадцать минут договаривались о цене, а я все время думал: «Мне надо дожать этого типа до ста пятидесяти, потому что это средняя цифра между нашими начальными ставками». Но немного погодя мне пришла в голову другая мысль: «А что, если в деле будут пять человек? Тогда всего один доллар из

пяти, за которые я сейчас дерусь, достанется мне». Мы дошли до ста тридцати, и я обалдел от всей этой болтовни: туда-сюда, туда-сюда, для Гриффита это любимое занятие, а меня с души воротит. Так ради чего я бьюсь? Ради двадцати лишних кусков. А что придется на мою долю? Четыре куска, если нас будет пятеро. Так на черта мне вся эта тягомотина? Ради четырех кусков? Подумал я так и сказал: «Ладно, пусть будет сто тридцать, черт с ним». Ухмыльнувшись, он развел руками и, отвернувшись от Паркера, направился к шкафу за курткой.

– Мне надо повидаться с ним, – заявил Паркер.

Мак-Кей нахмурился, натягивая куртку.

– Гриффиту это не понравится, Паркер, – возразил он. – Гриффит предупредил меня, что ему нежелательны лишние контакты; он рассказал мне о деле – и точка. Если справлюсь с заданием, доставляю ему картины и получаю деньги.

– Если ты хочешь, чтобы я участвовал в этом деле, мне надо встретиться с ним, – повторил Паркер.

– Я позвоню ему, – ответил после некоторого размышления Мак-Кей. – Позвоню ему домой сегодня вечером. Объясню ситуацию.

– Договорились, – согласился Паркер, поднимаясь с кресла. – Ты готов?

Мак-Кей рассовал по карманам лежавшие на комодке мелочи: бумажник, сигареты, спички, ключи.

– Готов, – ответил он.

Глава 2

Как только они вышли из машины, их оглушила музыка: позади дома, на лужайке, трудилась рок-группа. На площадке перед домом стояла дюжина машин, большей частью – спортивные иномарки. Двухэтажный белый дом не отличался изяществом, фасад украшали нелепые белые колонны.

– Не знаю, как нам лучше пройти, – засомневался Мак-Кей, – через дом или вокруг?

Сегодня солнце припекало, Мак-Кей достал из кармана платок и вытер пот со лба.

– Через дом, – решительно ответил Паркер. Он хотел лучше узнать Гриффита, а дом всегда отражает характер хозяина.

– Посмотри, у меня юбка сзади сильно помялась? – спросила Бренда, повернувшись к ним спиной.

Это была стройная, хорошенькая девушка лет двадцати пяти, с длинными ногами. И если Мак-Кей в сто раз был лучше Биглера, то Бренда в тысячу раз превосходила Шейрон. Бренда знала себе цену, она не собиралась ни с кем бороться, между ней и Мак-Кеем не ощущалось и намек на напряженные отношения, никаких военных операций с целью одержать победу над противником. Она сама распоряжалась своей жизнью и неплохо справлялась с этой задачей.

Мак-Кей, расплывшись в улыбке, с удовольствием уста-

вился на ее зад.

– Ты права, беби, вся юбка мятая. Может, сбросишь юбчонку, оставив ее в машине? – пошутил он.

Бренда не уловила насмешки, так как все ее мысли были поглощены собой.

– Нет, правда измялась? – переспросила она, потянув вниз подол короткой юбки. – Мы так долго просидели в машине.

– Все в полном порядке, Бренда, – успокоил ее Мак-Кей, с лица которого не сходила счастливая улыбка. – Не волнуйся, никто не станет на тебя смотреть, – добавил он, шлепнув ее по заду.

Паркер стоял в стороне, терпеливо дожидаясь конца этой клоунады. Гриффит согласился встретиться с ними при одном условии: они приедут к нему в качестве гостей; вот почему они прихватили с собой Бренду. Мак-Кей добился такого компромиссного решения, а Паркер хотел продолжить переговоры, чтобы добиться приемлемых условий.

Бренда первая догадалась, что Паркер не испытывает восторга, оставаясь невольным свидетелем их грубых шуточек: он просто ждет, когда им надоест эта забава. Правильно оценив ситуацию, Бренда поспешно приняла деловой вид.

– Кончай свои шуточки, Эд, – сказала она, обернувшись к Мак-Кею, – не забывай, что мы приехали сюда по делу.

Мак-Кей бросил взгляд на Паркера, и улыбка его угасла.

– Ты права, – согласился он. – Пошли. Паркер, пройдя между средними колоннами, поднялся на крыльцо. Внешняя

дверь с натянутой сеткой была закрыта, но основная, внутренняя, дверь распахнута настежь, и оттуда тянуло прохладой. Паркер решительно распахнул забранную сеткой дверь и заглянул в просторный вестибюль, где не было ни души. После яркого солнца, сиявшего на улице, дом встретил их сумерками и прохладой. Мак-Кей с Брендой не отставали от Паркера.

Дом поражал своими размерами и дорогой обстановкой, хотя мебели в комнатах было маловато. Создавалось впечатление, что из каждой комнаты совсем недавно вынесли один-два необходимых для меблировки предмета. Светлые стены дома были украшены самыми разными картинами. В некоторых комнатах пол был застелен небольшими ковриками, паркет по оттенку казался темнее стен. Хрупкая, изящная мебель дополняла интерьер дома.

Паркер не останавливаясь направился в глубь дома, пересек холл, прошел через маленькую, со вкусом меблированную гостиную и двинулся по коридору. Через широкие дугообразные дверные проемы, выходившие в него слева и справа, открывались анфилады просторных комнат. Коридор привел их в другую гостиную, более просторную, чем первая, заставленную растениями. Раздвижные двери вели из нее в крытый внутренний дворик, к которому примыкала лужайка, полого спускавшаяся к прочной бамбуковой изгороди.

Как только они переступили порог раздвижных дверей, на

них обрушился рок. Справа от двери, у задней стены дома, Паркер увидел четырех музыкантов, перед которыми были сгруппированы мощные усилители; вся четверка была полностью поглощена своими инструментами: электрогитарой, электроорганом, бас-гитарой и барабанами. Они были очень молоды и очень серьезно относились к своей работе, как подмастерья, обучающиеся сложному искусству построения модели корабля в бутылке.

Музыка оглушала, перекрывая все другие звуки.

– Ты знаком с хозяином, так показывай дорогу! – прокричал Паркер, наклонившись к уху Мак-Кея.

В ответ Мак-Кей кивнул, внимательно оглядывая лужайку. Около сорока человек гостей – мужчин в рубашках с короткими рукавами и женщин в дорогих повседневных платьях – бродили по лужайке между домом и бамбуковой изгородью. На дальнем конце лужайки, неподалеку от изгороди, стоял накрытый белой скатертью стол, один конец его служил баром, другой – буфетом. Там умело хозяйничали мужчины в белой форме с черными бабочками. Хотя грохочущая во внутреннем дворике музыка отбивала охоту к беседе, гости на лужайке, похоже, умудрялись разговаривать друг с другом.

Внимательно осмотрев лужайку, Мак-Кей повернулся к Паркеру и пожал плечами, высоко подняв в недоумении брови: он не увидел Грифф-фита. Резким движением руки Мак-Кей предложил Паркеру остаться здесь, пока он побродит по

лужайке и поищет Гриффита. Паркер, кивнув в ответ, ткнул большим пальцем в направлении раздвижных дверей, указывая, что он подождет в доме, подальше от этого невыносимого грохота.

Войдя в дом, он задвинул за собой двери, стало немного тише. Паркер прошелся по комнате, разглядывая картины; все написаны недавно, но традиционны по стилю: сплошной натурализм.

Ни одной абстракционистской картины, хотя в других комнатах, когда они шли по дому, он заметил несколько таких работ. Паркер задержался перед картиной, которая изображала почтенных граждан, собравшихся на торжественный прием в богато декорированной комнате. Гости стояли небольшими группками, непринужденно болтая между собой. Все со вкусом одеты, в основном люди среднего возраста, очевидно прекрасно воспитанные; в просторной комнате собралось немногочисленное общество; казалось, с картины доносятся звуки их неторопливой, спокойной беседы, заглушающей невыносимый грохот рок-музыки.

– Поразительный контраст, правда? – раздался голос за спиной Паркера.

Обернувшись, Паркер увидел небольшого роста человека в белом шерстяном пиджаке, голубой рубашке со стойкой и синих брюках. В руках он держал высокий бокал с прозрачной искрящейся жидкостью, в которой плавали кубики льда. Поза мужчины отличалась продуманным изяществом.

У него были черные, начавшие редеть на макушке волосы, спадавшие сзади длинными прядями на воротник рубашки. Над широким ртом, под узким носом, вилась тонкая ниточка усиков.

Паркер перевел взгляд на картину. Действительно, контраст поразительный.

– Вы правы, – согласился он.

– Я имею в виду эту толпу на лужайке, – уточнил его собеседник. Паркер молчал.

– Как ни странно, – печально проговорил низенький человечек, – но двое из гостей, запечатленных на этой картине, находятся сейчас здесь, на лужайке.

– В самом деле? – вежливо удивился Паркер.

– Кажется, мы незнакомы, – продолжал мужчина.

– Верно, – пожав плечами, ответил Паркер, продолжая рассматривать картину.

– Это недопустимо. Мне положено знать каждого гостя, таковы порядки, установленные в этом доме, – с неудовольствием произнес его собеседник.

– Так вы – Гриффит? – спросил Паркер, повернувшись к нему.

На лице Гриффита отразилось охватившее его раздражение.

– Вот именно, – резко ответил он. – Вы, должно быть, приятель Мак-Кея, тот, которому позарез надо поговорить со мной с глазу на глаз.

– Верно, – спокойно подтвердил Паркер.

– Сейчас не самое подходящее время для такой беседы.

Можете мне не верить, но это маленькое общество все еще пребывает в замороженном состоянии. Мне надо расшевелить гостей, тогда они начнут функционировать самостоятельно. А где Мак-Кей? – спросил хозяин.

– На лужайке, – коротко ответил Паркер.

– Почему бы вам не присоединиться к нему? – предложил Гриффит. – У меня вскоре появится возможность переговорить с вами.

– Я подожду в комнате: здесь тише, – возразил Паркер.

Гриффит нахмурился, недовольный тем, что ему придется объяснять мотивы своей просьбы.

– Вам положено вести себя так, будто вы приехали сюда исключительно ради общения с гостями.

– Мак-Кей приехал с девушкой, а я – один. Подожду здесь, в тишине и покое, – упрямо повторил Паркер.

– Ладно, устраивайтесь, как вам удобнее, – сердито передернул плечами Гриффит. – Мне все это не по душе. Не понимаю, о чем нам говорить. Я уже сказал Мак-Кею, что мне надо и сколько заплачу, а также где это находится. Ради всего святого, о чем нам еще говорить?

– Вы хотите, чтобы я объяснил прямо сейчас? – поинтересовался с невинным видом Паркер.

– Нет. Я уже сказал: нет. – Гриффит в волнении потер руки. – У меня сейчас нет времени.

– В какой комнате мне дожидаться вас? – пожав плечами, спросил Паркер.

– Возьмите по крайней мере что-нибудь выпить, – раздраженно бросил хозяин. – Постарайтесь не выглядеть так, будто вы явились сюда забрать мебель, купленную в кредит.

– Договорились. Я возьму выпивку, – согласился Паркер.

– Спасибо, – уже не столь раздраженно произнес Гриффит. – Потом, если вы все еще настаиваете на спокойной обстановке, пройдите вон в ту дверь, там коридор, через вторую арку по правой его стороне войдете в комнату, пересечете ее и попадете в мой кабинет. Можете подождать меня там.

– Договорились, – кивнул Паркер.

– Если кто-нибудь из гостей забредет случайно туда, притворитесь, что звоните по междугородному телефону или придумайте другое оправдание, – предложил ему Гриффит.

– Все будет в полном порядке, – успокоил его Паркер.

– А теперь отправляйтесь за своей выпивкой, – подытожил их разговор Гриффит.

Под грохот музыки Паркер прошел вместе с ним мимо увлеченных своим делом музыкантов и направился по лужайке к бару. Посреди лужайки Гриффит отстал, вовлеченный в какой-то разговор, и Паркер в одиночестве закончил свой путь. Он прибыл к бару в период временного затишья и попросил себе джина с тоником. Мак-Кей перехватил его на обратном пути к дому; они кивком приветствовали друг друга.

– Разговаривал с ним? – спросил Мак-Кей.

– Мы познакомились, – ответил Паркер, – но еще не разговаривали. Побудь пока с Брендой здесь.

– Бренда веселится на полную катушку, – ответил, улыбувшись, Мак-Кей. Он не скрывал, что по уши влюблен в нее. – Хочешь, назову тебе одну из главных черт человеческой природы, Паркер? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Все женщины страшно честолюбивы, Паркер.

Возразить было нечего. Паркер еще раз кивнул ему и не спеша направился вверх по склону к внутреннему дворику. Внезапно дорогу ему преградил мужчина.

– Вы случайно не Грин? – спросил он.

– Нет, – ответил Паркер.

– Бог ты мой, это же чудо! – воскликнул мужчина. Он был немного навеселе, но держался нормально. – Вы не Губерт Грин? – повторил он с надеждой, будто Паркер все же мог оказаться тем, кого он искал, и просто забыл на минуточку свое имя. – Вы незнакомы с ним? Вам уже, конечно, не раз говорили, до чего вы на него похожи.

– Нет, – разочаровал его Паркер.

– Послушайте, подойдем вон к тем людям. Не возражаете? – И, не дожидаясь ответа, он крепко схватил Паркера за руку и потащил за собой, крича: – Хелен! Подойди к нам!

Ближайшая к ним группа, состоявшая из трех женщин и двоих мужчин, расступилась, включив в свой кружок Паркера и его спутника.

– В чем дело? Чтостряслось? – спросила одна из женщин, с любопытством глядя на Паркера.

– На кого похож этот парень? – торжествующе спросил спутник Паркера.

Все с интересом уставились на него. Паркер стоял, оглядываясь по сторонам в тщетной надежде, что какое-нибудь происшествие отвлечет их внимание от его скромной особы.

Никто не догадался, на кого именно он похож, и когда налетевший на него мужчина упомянул Губерта Грина, это вызвало долгую дискуссию: часть компании более-менее согласилась признать этот факт, другая решительно отвергла подобное предположение.

– Вы нисколько не похожи на Губерта Грина, – с жаром заверила его одна из женщин. – Ну ни капельки не похожи.

– Если бы вы знали Губи, – ухмыльнулся один из мужчин, – вы бы дали Фрэнку по морде за такое сравнение.

Разговор наконец перешел на другой предмет, и одна из женщин спросила:

– Кстати, а почему здесь нет Губи?

– Наверное, потому, что он не относится к числу потенциальных покупателей, – заметил один из мужчин.

– Не язви! – оборвала его другая женщина.

– Надо смотреть правде в глаза, дорогуша, – возразил ее собеседник. – Леон пригласил сюда всех нас только потому, что лелеет в душе безумную надежду: вдруг мы избавим его хотя бы от части его товара.

Тот, который считал, что Паркер как две капли воды похож на Губерта Грина, теперь активно подключился к разгоравшемуся спору. Выпустив наконец локоть Паркера, он заявил:

– Так, по-вашему, это правда? Я-то считал, что Гриффит крепко стоит на ногах.

– Леон, – возразила одна из женщин, – перегружен ценными полотнами, но это совсем не означает, что он крепко стоит на ногах.

– Налоговое законодательство меняется, – заметил один из мужчин, и остальные мрачно кивнули, соглашаясь с ним.

– Налоговое законодательство? – переспросила та, которую звали Хелен. – Так вы считаете, что живопись теперь перестала быть надежным вложением капитала? – Очевидно, ее взволновало это сообщение, поскольку значительную часть ее капитала, видимо, составляли предметы искусства.

– Вложением капитала – да, – объяснил ей один из группы, – но это не освобождает от уплаты налогов. Все уже не так великолепно, как в добрые старые времена.

– Слыхали, слыхали, – подхватил другой. – Добрые старые времена, всякие уловки с благотворительностью...

Но, как выяснилось, Хелен об этом ничего не знала. И вся группа с жаром принялась объяснять ей, какие уловки были связаны с благотворительностью. Паркер незаметно отошел от них и направился по лужайке к дому.

Глава 3

Дверь кабинета открылась, и вошел Гриффит. Паркер сидел за письменным столом в его маленьком, аккуратно прибранном кабинете, бесцельно уставившись в пространство.

– Ну как, все успели рассмотреть? – спросил Гриффит, закрыв за собой дверь.

– Да тут особо нечего разглядывать, – спокойно ответил Паркер.

Гриффит, очевидно, не знал, как реагировать на возражение Паркера; равным образом он не знал, как заставить Паркера уступить ему место за его столом. В нерешительности Гриффит остановился у дверей, потом неожиданно бросился вперед, столь же неожиданно остановившись на полпути к столу.

– Что ж, вот и я, – сказал он, – все в порядке. Вы хотели поговорить со мной.

– Моя цена – сорок тысяч, – не тратя времени на подготовку, объявил Паркер.

– Вам лучше обсудить этот вопрос с Мак-Кеем, – нахмурившись, возразил Гриффит. – Все финансовые вопросы я обсудил с ним.

– Знаю, он рассказал мне, – ответил Паркер. – Мы получаем сто тридцать тысяч и распределяем между собой, как хотим. Так решили вы с Мак-Кеем. Но моя цена – сорок ты-

саяч. Это означает, что вы возместите мне разницу между моей долей от ста тридцати тысяч и сорока тысячами, которые я стою.

– Ничего подобного, – возразил Гриффит. – Решительно отказываюсь.

– Хорошо, – рассудительно произнес Паркер. Он встал, обошел стол и направился к двери.

Гриффит, нахмурившись, молча наблюдал за ним, пока Паркер не взялся за ручку двери.

– Почему вы так уверены в своей цене? – раздраженно заговорил он.

– Когда Мак-Кей позвонил вам и сказал, что я хочу встретиться с вами, – ответил Паркер, взявшись за ручку двери и посмотрев в глаза Гриффиту, – вы отказались. Мак-Кей объяснил, почему ему так хотелось привлечь меня к этому делу. Причины показались вам настолько основательными, что вы изменили свое решение и согласились со мной встретиться. Вот по этим самым причинам и цена мне – сорок тысяч.

– Разработать план смогут и другие, – возразил Гриффит. – Вы не один такой на белом свете.

– Если это люди стоящие, то и цена у них соответственная, – ответил Паркер.

Гриффит, опустив голову, угрюмо рассматривал крышку своего стола. Паркер видел его лицо в профиль: Гриффит нервно закусил щеку. Паркер молча наблюдал за ним.

– Мы могли бы договориться, – наконец произнес Гриффит.

фит, по-прежнему не отрывая взгляда от стола.

Паркер отпустил ручку двери.

– С удовольствием выслушаю ваше предложение, – отозвался он.

Гриффит попытался притвориться, что машинально направляется к своему столу, но ему это не удалось: он торопливо бросился к своему креслу, боясь, что Паркер опередит его и займет его место. Паркер, прислонившись к двери, молча ждал, когда Гриффит займет свое законное место.

– Но моя цена по-прежнему сорок тысяч, – заговорил он, когда Гриффит наконец устроился в кресле.

Усевшись за стол, Гриффит, похоже, почувствовал себя увереннее. Упершись ладонями в крышку стола, он, криво улыбнувшись, обратился к Паркеру:

– Так не ведут деловые переговоры. Может, присядете?

– Не уверен, что стоит садиться, – возразил Паркер.

– Почему вы не спорите с Мак-Кеем? – снова раздраженным тоном спросил Гриффит. – Ведь это он считает, что так важно для успеха дела ваше участие. Скажите ему, что вы хотите получить сорок тысяч, а он распределит остальные девяносто по своему усмотрению.

– Нет, покупатель – вы, а не Мак-Кей, – стоял на своем Паркер.

– Так он же выяснит, что у вас заключена отдельная сделка. Я не могу...

– Я сам скажу ему, – прервал его Паркер.

– Вы?.. Но тогда он явится ко мне требовать ту же сумму, – раздраженно заметил Гриффит.

– А вот это уже касается только вас двоих, – пожал плечами Паркер.

– Это... невозможно... – Гриффит в растерянности развел руками. – Не могу я допустить, чтобы все вы являлись ко мне по одиночке и хватали меня за глотку; каждый потребует такую же сумму, как у остальных.

– По моим расчетам нас должно быть пятеро, – сообщил Паркер.

– Пятеро! – воскликнул с ужасом Гриффит. – Это двести тысяч долларов!

– Если все получают поровну, – уточнил Паркер.

– А разве все не захотят того же? – взмолился Гриффит. – Я не могу позволить себе такой роскоши.

– Вполне возможно, что именно так и случится, – спокойно согласился Паркер.

Гриффит покачал головой, он ни минуты не сомневался, что все так и будет.

– Я не могу согласиться на это, – заявил он.

– Вот и скажите им об этом сами, – посоветовал Паркер. – Моя цена – сорок тысяч.

– Знаю, знаю. – Гриффит оглядел маленькую комнату с таким видом, будто решение его проблемы было написано на одной из стен. Потом он задумчиво перевел взгляд на Паркера. – Почему не провернуть это дело втроем? – спросил

он. – Я заплачу все равно сто тридцать тысяч, а вы получите сверх положенного еще десять тысяч долларов и распределите их между собой.

– Не получится, – ответил Паркер. – Речь идет о сложном ограблении, там товара приблизительно на полмиллиона долларов. Такой груз хорошо охраняют, его нелегко добыть. Троиц с этим не управиться ни за что на свете.

– Предполагалось, что мы обо всем договорились, – раздраженно сказал Гриффит. – Предполагалось, что мы достигли взаимопонимания.

– Вы – да. С Мак-Кеем. Но моя...

– Знаю, знаю, – сердито замахал руками Гриффит, прерывая его. – Ваша цена – сорок тысяч. Попытайтесь не упоминать больше об этом.

Паркер оторвался от двери, около которой стоял, привалясь к ней плечом, и сделал вид, что он уходит.

– Не стоит понапрасну злоупотреблять вашим временем... – начал он.

– Подождите, подождите, – прервал его Гриффит, беспокойно заерзав в своем кресле, будто на него напали москиты. – Дайте мне подумать.

Паркер остановился, давая понять, что он готов остаться, но только в том случае, если будут приняты его условия. Гриффит еще несколько секунд задумчиво пожевал свою щеку, хмуро уставившись в крышку стола и перекладывая с места на место карандаши и разную мелочь. Вдали слы-

шались звуки рока, скорее как вибрация воздуха, чем звуковые сигналы; это придавало маленькой комнате какое-то иное качество: казалось, что находишься в аквариуме и все вокруг замерло в полуденной дремоте.

Гриффит вздохнул. Хмуро посмотрев на Паркера, он нерешительно начал:

– Договоримся так... – И снова умолк, очевидно еще раз обдумывая свое предложение. Паркер ждал, не произнося ни слова.

– А если вчетвером? – спросил Гриффит, склонив к плечу голову.

– Возможно, – пожав плечами, ответил Паркер. – Все зависит от конкретных обстоятельств.

– Но в принципе это возможно, – настаивал Гриффит.

– Возможно, – уклончиво ответил Паркер.

– Вы могли бы управиться вчетвером, – настаивал Гриффит. – Если обстоятельства сложатся удачно.

– Да, – кивнув, согласился Паркер.

– Тогда предлагаю вот что, – слегка улыбнулся Гриффит, изо всех сил стараясь продемонстрировать теплоту, искренность и дружелюбие, но не испытывая в душе ни одного из этих чувств. -

Я добавлю еще десять тысяч к основной сумме, – заявил он, – таким образом, получится сто сорок тысяч. Если вы управитесь с этим делом вчетвером, то каждый получит по тридцать пять тысяч долларов. Согласны?

– А остальные пять я получу непосредственно от вас? – поинтересовался Паркер.

На мгновение лицо Гриффита исказилось от злобы, но он тут же взял себя в руки, вернувшись к своему обычному раздраженному состоянию.

– Вы все прекрасно понимаете, – сказал он, – я ищу компромисс, и, черт побери, вам это понятно так же хорошо, как мне.

– Но я не пойду ни на какие компромиссы, – возразил Паркер. – Моя цена – сорок тысяч долларов. Не тридцать пять и даже не тридцать девять с половиной.

– Никогда? – спросил раздраженно Гриффит. – Ни разу за свою проклятую жизнь вы палец о палец не ударили меньше, чем за сорок тысяч?

– Эта работа, – ответил Паркер, – стоит сорок тысяч, такова моя цена.

– Уступите, – попросил Гриффит; похоже, он уже отчаялся быстро разделаться с Паркером. – Уменьшите сумму своего гонорара. Как мне договориться с вами? Я уже накинул десять тысяч, а вы не можете спустить даже пяти?

– А что, если придется привлечь пятерых? – возразил Паркер. – Тогда моя доля снизится до двадцати восьми тысяч. Вы добавите мне еще семь тысяч к двадцати восьми? Чтобы получилось тридцать пять?

– Нет, будь я проклят! – воскликнул Гриффит. – Говорю вам: не стану я заключать никаких отдельных соглашений,

потому что как только уступлю одному, придется с каждым заключать отдельную сделку. Стоит мне сказать вам: ладно, пусть будет тридцать пять, тут же и остальные захотят получить тридцать пять. А потом вам потребуется привлечь десятерых. И что же в результате останется на мою долю?

– Не знаю, – пожал плечами, ответил Паркер.

– Вы не хотите уступить ни цента, – пожаловался Гриффит, – уперлись на своем, а на остальных вам наплевать. Может, все дело в том, что вам не хочется браться за эту работу, она вас пугает; может, вам просто неприятно, если Мак-Кей догадается, что вы боитесь, вот вы и затеяли всю эту бодягу, чтобы слинять под подходящим предлогом.

– Заплатите мне сорок тысяч, – твердо сказал Паркер, – и я возьмусь за это дело. Не заплатите – выхожу из игры.

– Вы не хотите договариваться, – разозлился Гриффит, – как же мне заключать с вами сделку?

– Очень вероятно, что ничего у вас не получится, – согласился Паркер.

Гриффит еще с минуту пожевал губами; видно было, что он разозлен не на шутку.

– Ладно, у меня есть еще одно предложение, – наконец произнес он. – Вы согласились, что с этим делом можно управиться вчетвером.

– Возможно, – кивнул Паркер. – Если повезет.

– Ладно, ладно, – замахал руками Гриффит. – Давайте оба рассчитывать на удачу. Я дам вам сто шестьдесят тысяч. То-

гда, если управитесь вчетвером, то получите свою цену. Если наберете больше народа, ваша доля уменьшится. И я заплачу вам практически отдельно от остальных, я даю вам на тридцать тысяч больше того, что уже обещал.

– Не знаю... – неуверенно протянул Паркер.

– Чего не знаете? – Гриффит вскочил, трясаясь от ярости. – Я переломил себя, согласился на все, чего вы добивались. Так чего же вы не знаете?

Неохотно, как бы не решаясь дать окончательный ответ, Паркер наконец кивнул.

– Идет, – сказал он, – сто шестьдесят, независимо от того, сколько человек мы задействуем.

– Наконец-то! – с облегчением вздохнул Гриффит.

Глава 4

Паркер разыскал Мак-Кея около бара, тот обсуждал с одним из барменов перспективы профессионального футбола.

– Дело сделано, – прервал его разглагольствования Паркер.

– Верняк, – заключил свои наставления Мак-Кей, одним глотком опорожнив стакан и ставя его на стол. – «Тайтл», – наставительно сказал он, – я по-прежнему ставлю на «Тайтл».

– Все может быть, – недоверчиво пожал плечами бармен.

– Никаких «может быть», – заверил его Мак-Кей и обратился к Паркеру: – Надо разыскать Бренду.

Бренда стояла посреди лужайки в группе молодежи, обсуждавшей интересующие их вопросы. Мак-Кею потребовалось не больше минуты, чтобы вытащить ее из этого кружка. Паркер тем временем отошел в сторонку, стараясь держаться подальше от гостей, чтобы его опять не вовлекли в беседу. Затем все втроем они пересекли лужайку и скрылись в доме. Миновав комнаты и коридор, они вышли на улицу, так и не встретившись больше с Гриффитом. На обратном пути машиной управлял Мак-Кей, Бренда уселась посередке, а Паркер справа. Мак-Кей молчал, пока они выруливали на улицу, и заговорил только после того, как машина выбралась на шоссе, ведущее к мотелю.

– Все получилось по твоему желанию? – спросил он Паркера.

– Да, – односложно ответил тот.

– До чего вы договорились? Ты еще раз хочешь встретиться с ним?

– Я хотел получить еще двадцать кусков, – ответил Паркер.

– Какие двадцать кусков? – переспросил Мак-Кей, бросив на него хитрый взгляд поверх плеча Бренды.

– Это разница между ста тридцатью и ста пятьюдесятью.

Мак-Кей, улыбнувшись в ответ, сосредоточил все внимание на дороге, хотя движение в районе жилых домов не было оживленным.

– И ты их получил? – переспросил Мак-Кей.

– Я получил больше, – ответил Паркер.

– Больше? – удивился Мак-Кей.

– Гриффит от ста тридцати тысяч перешел сразу к ста шестидесяти. Пришлось согласиться, – с безучастным видом сказал Паркер.

– Хотелось бы мне посмотреть на него в этот момент, – расхохотался во весь голос Мак-Кей. – Черт возьми, это же великолепно!

– Может, и так, – охладил его восторг Паркер. – Я лично ни в чем не уверен.

– Почему же? Какие проблемы? – удивился Мак-Кей.

– Слишком легко мне удалось переубедить его. Подозри-

тельно, что он сразу уступил так много. И кто-то из гостей на его приеме сказал, что он на мели.

– Гриффит? С его роскошным домом? – недоверчиво спросил Мак-Кей.

– Его проблема в том, что он накопил слишком много картин и затоварился, – объяснил Паркер.

– По-твоему, это правда? – спросил Мак-Кей, внимательно наблюдавший за движением слева.

– Зачем же ему другие картины, если он еще не продал старые? – удивленно спросила Бренда. – Я хочу сказать: если он не может продать те, что у него есть, так зачем покупать новые?

– Возможно, у него появился покупатель, – отмахнулся от ее вопросов Мак-Кей, покачав недовольно головой. – А может, хочет создать запас на будущее.

– Ты обсуждал с ним, когда он нам заплатит? – спросил Паркер.

– В этом-то и загвоздка, – взволнованно ответил Мак-Кей. – Я не догадался спросить его об этом, понимаешь? Он заморочил мне голову своим роскошным домом, образом жизни; я решил, что он никуда не денется и не сбежит. Поэтому и не волновался об оплате.

– А по-твоему, он способен удариться в бега? – заволновалась Бренда.

– Нет, – успокоил ее Мак-Кей. – Никуда он не денется. Проблема не в этом.

– А для меня в этом. Мне нужны деньги, – возразил Паркер.

– Мне тоже, – вздохнул Мак-Кей.

– Понятно, – протянула Бренда. – Вы боитесь, что он станет тянуть с оплатой, пока не продаст картины.

– Ограбление с консигнацией, – с недовольным видом пошутил Мак-Кей.

– Надо заранее обговорить условия, – сказал Паркер.

– Давай вернемся прямо сейчас, – предложил Мак-Кей.

– Не стоит, – возразил Паркер, – у него сейчас плохое настроение, он сгоряча может отказаться от всей сделки. Позвони ему вечером. Не высказывай никаких подозрений, пусть не думает, что ты жадничаешь; скажи просто, что хочешь обсудить с ним более подробно план продажи картин, чтобы не было задержки с деньгами.

– Ладно, – кивнул Мак-Кей, – я за него возьмусь – все сделает наилучшим образом.

– Так что же, – не успокаивалась Бренда, – дело может сорваться?

– Прикуси язычок, – приказал Мак-Кей.

– А вы как думаете? – не обращая внимания на его слова, повернулась она к Паркеру.

Паркер думал о том, что сидеть втроем на переднем сиденье машины неудобно – слишком уж тесно. Но вслух он сказал:

– Надо во всем разобраться. Для начала выясним, что

Гриффит задумал.

– Я хочу подвести под это дело реальную базу, – сказал Мак-Кей. – Хорошо бы сейчас промочить горло.

Оставшуюся часть пути до мотеля они проехали молча. Расставшись с ними, Паркер отправился в свою комнату и снова позвонил Генди Мак-Кею. Если за время его отсутствия что-то случилось, он тут же уедет. Если новостей нет, он останется и будет надеяться на лучшее.

– Тебе звонили, – сообщил Генди, подойдя к телефону.

– Прекрасно, – отозвался Паркер.

– Парень из Сан-Франциско. По имени Биглер.

– Забудь о нем, – ответил Паркер, покачав головой.

– Так он просил передать, что у него есть для тебя информация относительно твоего друга. Того, которого ты хотел разыскать.

– Понятно.

– Биглер просил тебя позвонить ему домой, – продолжал Генди.

Паркер так и сделал, но к телефону подошла Шейрон, в голосе ее звучали многообещающие нотки.

– Боб дома? – спросил Паркер.

– Нет, вышел. – В ее словах явно ощущалось приглашение заглянуть к ней на минутку; все можно было бы принять за неудачную шутку, если бы она не говорила всерьез.

– Когда Боб вернется? – игнорируя ее тон, продолжал допытываться Паркер.

– Около пяти. – После секундной паузы она заговорила более деловым тоном: – Хотите, чтобы он позвонил вам?

Сейчас пять часов. Между ним и Калифорнией разница во времени два часа, через два часа здесь будет семь вечера.

– Нет, – отказался Паркер, – я позвоню сам.

– Что ему передать? Кто звонил? – продолжала допытываться Шейрон.

– Объясню ему сам, когда позвоню, – сказал Паркер и повесил трубку, не ожидая ее ответа.

Он позвонил Биглеру вторично в половине восьмого.

На этот раз к телефону подошел Биглер. Весь его петушинный задор и ненадежность отразились в одном неуверенно произнесенном слове:

– Слушаю.

– Последний раз мы виделись в одном мотеле во Фремонте, – сказал Паркер. – Я разозлился на тебя за то, что ты всю округу оповестил о моем имени.

– Что? Па... О да, да, помню. Все верно. Ты получил мое послание?

– Получил, – коротко ответил Паркер.

– Ты разыскивал одного парня, по имени Джордж, верно?

– Верно.

– Ну, так он здесь, – торжествующе заявил Биглер.

– Где? – спросил Паркер.

– Не больше тридцати пяти миль от моего дома, – ушел от ответа Биглер.

– Не больше тридцати пяти миль от того места, где ты живешь, – уточнил Паркер. – Как мне увидеться с Джорджем? – поинтересовался Паркер.

– Я отвезу тебя к нему.

– Зачем? – недовольно возразил Паркер.

– Так надо. Послушай, будь человеком! У него есть деньги...

– Какие деньги? – не понял Паркер.

– Не с тебя. Но мне от этого дела выгода, и немалая, – взволнованно сказал Биглер.

Паркер задумался, пытаясь понять, на что тот намекает. Ул прячется где-то поблизости от Биглера, очевидно, Ул при деньгах. Биглер хочет прикарманить деньги, но самому ему не с руки связываться с Улом. Итак, он надеется, что Паркер разберется с Улом, а Биглер позаботится о деньгах. Значит, Биглер предлагал ему сделку: он сообщит Паркеру, где находится Ул, а Паркер отдаст ему деньги Ула.

– Алло? – закричал Биглер.

– Сколько времени Ул пробудет там? – задал вопрос Паркер.

– Всего несколько дней, – ответил Биглер. Детальный план можно разработать на месте.

– Буду завтра утром, – подытожил Паркер.

– Тогда я не пойду на работу, – довольно сказал Биглер.

Повесив трубку, Паркер отправился к Мак-Кею. Мак-Кей с Брендой собирались пойти поужинать, Паркер явно при-

шел не вовремя, помешав им собраться.

– Я отлучусь на пару дней, – сказал Паркер. – Ты проработай пока с Гриффитом дальнейшие планы. Я позвоню тебе перед возвращением, чтобы узнать, остается ли в силе наша сделка. Если не застану тебя, буду знать, что все сорвалось.

– Нужна помощь? – спросил Мак-Кей.

– Нет, справлюсь сам, тебе надо уладить здесь все проблемы, – отказался Паркер. – Позвоню тебе через пару деньков.

– До скорого, – ответил Мак-Кей.

– Удачи, – прибавила Бренда.

Глава 5

Дверь открыла Шейрон. Когда она увидела перед собой Паркера, лицо ее окаменело.

– Подождите минутку, – бросила она небрежно, захлопнув дверь перед его носом.

Паркер примостился на поручнях веранды. За его спиной, по другую сторону улицы, раздавался грохот усиленно работавших тяжелых машин, они с лязгом перемалывали землю, углубляя котлован. По голубому небу плыли облака, поэтому солнце то и дело скрывалось, посылая на землю непонятные сигналы; перепад температуры в такие минуты достигал десяти градусов. Часы показывали половину десятого утра, на подъездной дорожке стоял «додж», взятый напрокат в другой компании по другой кредитной карточке.

Дверь открылась, и появился Биглер. Солнце как раз скрылось за облаками, и он поежился от холода в своей синей хлопчатобумажной куртке с металлическими кнопками. Из-под расстегнутой куртки виднелась футболка. Его одежду дополняли черные брюки и черные ботинки. В нем ощущалось какое-то напряжение, но выглядел он вполне довольным жизнью; похоже, он сильно нервничал или боялся чего-то.

Паркер соскочил с поручней. За спиной Биглера в дверном проеме мелькнуло недовольное лицо Шейрон с поджа-

тыми губами. Потом дверь захлопнулась.

Биглер не отреагировал на демонстративно захлопнувшуюся за ним дверь.

– Привет! – сказал он Паркеру. – Ты не опоздал.

– Где Ул? – не отвечая на приветствие, спросил Паркер.

– К нему мы сейчас и отправимся, – ответил Биглер. – У тебя с ним счеты?

– Скажи мне только, где он находится, – не отвечая на его вопрос, предложил Паркер.

Биглер пытался расправить задравшийся сзади воротник куртки. Не справившись с ним, он оставил его в покое. Своим обликом он чем-то напоминал военнопленного.

– Поехали, – сказал он, хитро подмигнув Паркеру с глуповатой улыбкой, – скоро узнаешь.

– Расскажи по крайней мере, где он, – продолжал настаивать Паркер.

– В машине скажу. Поехали, – ответил Биглер.

Они спустились с веранды и по захлавленной лужайке направились к «шевроле» с громадными колесами. Биглер сел за руль, а Паркер устроился с ним рядом. Как только Биглер положил руки на руль и рычаг переключения скоростей, к нему вернулась уверенность в себе, будто он получил заряд энергии от своей машины. Он сидел не двигаясь и менялся на глазах, как герой комиксов, который произнес волшебное заклинание. Так прошло несколько секунд; затем он повернулся к Паркеру: на лице его блуждала бессмысленная улыбка.

ка; с тяжелым вздохом он достал из кармана куртки ключ зажигания.

Из-под капота доносилось ровное урчание идеально работающего мотора, видно, хозяин немало потрудился над ним; машину готовили к дальней дороге. Легкая вибрация сотрясала корпус машины, будто она напрягла все мышцы перед тяжелой работой.

Биглер легко и уверенно, без показного лихачества, вел машину. Он спокойно отъехал от дома и, не увеличивая скорости, выехал на основную магистраль; так медленно и спокойно самолет вырубивает на взлетную полосу, с каждым метром приближаясь к тому мгновению, когда вырвется на необъятный простор.

Пару кварталов Паркер сидел молча, позволив Биглеру наслаждаться близостью со своей машиной.

– Так расскажи мне все по порядку, – наконец нарушил он молчание.

Биглер удивленно посмотрел на него: он, видимо, начисто забыл, что рядом с ним сидит пассажир. Несколько секунд он собирался с мыслями, видимо с трудом вспоминая, куда и зачем они направляются. Какое-то время он продолжал внимательно следить за потоком обгонявших его машин и наконец произнес:

– Для начала скажу тебе вот что: я на тебя не в обиде.

Паркер молча ждал продолжения. Биглер, искоса посмотрев на него, снова уставился на дорогу.

– Я хочу сказать, – после паузы сказал он, – что не держу на тебя зла за то, что ты стукнул меня, – напомнил он.

– Забудем об этом, – успокоил его Паркер, отметив про себя, что Биглер ни словом не упомянул ни о Шейрон, ни о ее роли во всей истории, ни о том, как охарактеризовал ее Паркер. Ее незримое присутствие, однако, явно ощущалось в машине, и Паркер понимал, что имел в виду Биглер: тот хотел сказать, что не злится на него за ту характеристику, которую он дал Шейрон. Может, это правда, а может, и нет.

– Я сам виноват, – продолжал Биглер, – у меня дурной характер, то и дело из-за этого попадаю в неприятности. Если бы держал рот на замке и не лез в бутылку из-за каждого пустяка, давно нажил бы богатство, отошел бы от дел и жил бы себе припеваючи.

– Забудем об этом, – повторил Паркер.

– Я хотел, чтобы ты сначала понял все это, – объяснил Биглер.

– А теперь поговорим об Уле, – перевел Паркер разговор на интересующую его тему.

– Верно, – согласился Биглер и снова замолчал, делая правый поворот. – Ты, наверное, знаешь, – продолжал он, – что из наших планов с Сан-Симеоном ничего не получилось.

– Я знаю, что Дакасс уехал, – осторожно ответил Паркер.

– Это моя вина. Надо было иначе приниматься за дело, – вздохнул с сожалением Биглер. – Одним словом, когда все распалось, Джордж Уолхейм уехал в Сакраменто и вошел в

дело с другими ребятами. Помнишь его? Джорджа Уолхейма?

– Это тот взломщик, с которым я познакомился у тебя?

– Он самый, – подтвердил Биглер. – У тех ребят уже был водила, так что мои услуги не потребовались. Но Джордж вошел с ними в дело, и, представь себе, с ними вместе работал парень, которого ты ищешь, Джордж Ул. Так уж совпало, что двух парней из их компании звали Джорджами; ты ведь помнишь, что Уолхейма звали Джорджем? Когда ты спросил об Уле, мы с ним удивились. Я говорю о Джордже Уолхейме.

– Так Ул там, в Сакраменто? – переспросил Паркер.

– Его уже там нет. Дай досказать до конца. Паркер пожал плечами. Его не интересовали подробности, не относящиеся к делу; но если от него требуют, чтобы он выслушал всю историю, он потерпит.

– Джордж ничего не говорил мне об этом, – объяснил Биглер, – я имею в виду Джорджа Уолхейма...

– Я понимаю, о ком ты говоришь, – прервал его объяснения Паркер.

– Да. По крайней мере, он мне не говорил об Уле, пока они не провернули это дело, понимаешь?

– Какое дело? – заинтересованно спросил Паркер.

– Точно не знаю, – ушел от прямого ответа Биглер. – По моему, речь шла об отделе учета векселей в торговом центре, где-то в пригороде Сакраменто. Кажется, они занимались этим делом, но точно боюсь сказать.

– И сколько же они получили? – спросил Паркер.

– Не знаю. Но Джордж остался доволен. Джордж Уолхейм. Хорошо заработал. По-моему, кусков десять, а может, и больше, получил каждый. Джордж сам не свой от радости.

– Так что Ул имеет столько же, – подытожил Паркер.

– По-моему, так и выходит, – усмехнувшись, согласился Биглер; на секунду он повернулся к Паркеру, но тут же снова переключил все свое внимание на дорогу. – Я считаю, половина этой суммы – моя, – заявил он. – Я покажу тебе, где прячется Ул. Помогу взять его. И мы поделим деньги.

– А где сейчас Ул? – снова спросил Паркер.

– В фермерском доме, в горах, – ответил Биглер, криво усмехнувшись. – Прячется от тебя.

– Откуда ты знаешь, что он там? – продолжал допытываться Паркер.

– Они все туда отправились, когда закончили свое дело. Потом все остальные разъехались, а Ул сказал, что с месяц поживет в этом доме, потому что его разыскивает один тип и ему надо залечь на дно. – Биглер опять ухмыльнулся. – Это он про тебя.

– Уолхейм объяснил тебе, как разыскать этот фермерский дом?

– Да я знаю, где он. Случалось бывать там пару раз самому, – объяснил Биглер.

– Кто там еще, кроме Ула? – спросил Паркер.

– Никого, – заверил его Биглер.

– Уверен в этом?

Скрытая нервозность Биглера прорвалась при этом вопросе.

– Он был один, когда Джордж уехал, – ответил он поспешно, – в этом я уверен. – Покосившись на Паркера, он добавил: – По-твоему, он теперь там с приятелями?

– Не знаю, – лаконично ответил Паркер. Биглер помолчал, внимательно следя за движением.

– Мы подъедем к нему с тыла, так лучше всего. – Он бросил еще один быстрый взгляд на Паркера. – Как ты думаешь?

– Посмотрим, – уклончиво ответил Паркер.

Глава 6

– Вот где мы поменяем машину, – сказал Биглер.

Они находились около Фремонта, на одной из магистралей, ведущих на юго-восток. Дорога уже начинала подниматься в горы. Биглер свернул налево, на узкую дорогу, где на облупившемся от непогоды деревянном щите можно было разобрать надпись: «Место для разбивки лагеря Даутири. Передвижные дома. Продажа, обслуживание. Парковка трейлеров. Питание». По обе стороны от покрытой гравием дороги вытянулись выдавшие виды трейлеры. Белый, обшитый вагонкой дом так же, как и щит, нуждался в покраске, он стоял на склоне горы, справа от дороги.

– На что поменяем? – спросил Паркер.

– На вездеход. Я же рассказывал тебе о нем, – напомнил Биглер. Он медленно вел машину по гравиевой дороге, мотор «шевроле» тихо урчал, как бы приветствуя дома на колесах, мимо которых они проезжали.

– Так зачем нам менять машину? – снова спросил Паркер.

– Я же объяснял тебе, что мы подведем к нему с тыла. – Биглер осторожно объехал ребяташек, игравших на дороге, которые безучастно смотрели на проезжавшую мимо них машину. – Туда ведет только одна дорога, – объяснил Биглер. – Это грунтовая дорога, и в такую сушь машина поднимет на ней тучу пыли – за десять миль будет видно. Вот почему это

такое надежное место: туда невозможно добраться незамеченным.

Вспомнив, как Биглер собирался за десять часов проехать из Сан-Симеона со статуями через горы, Паркер спросил:

– А где проходит окружная дорога? И сколько времени по ней ехать?

– Миль десять, может, пятнадцать, – ответил Биглер небрежно, будто расстояние не имело значения.

– Сколько же времени нам туда добираться? – настойчиво спросил Паркер.

– Отсюда? Меньше часа. – Проехав мимо трейлеров, Биглер свернул направо, на грунтовую дорогу, тянущуюся вверх по склону, по направлению к белому дому. – Не волнуйся, – успокоил он Паркера, – отсюда недалеко. Проедем запросто – это куда легче, чем спускаться с Биг-Шура.

– А здесь кто живет? – поинтересовался Паркер.

– Мои друзья. Я держу у них свой вездеход. Не хочу появляться на нем в городе. Погоди, сейчас посмотришь, какая это прелесть.

Паркер сразу же узнал машину, о которой говорил Биглер: она стояла позади дома. Посреди полудюжины развалюх, разбросанных по заросшей бурьяном лужайке, высокий квадратный вездеход выделялся, как сержант морской пехоты среди завсегдатаев пивной. Эта машина напоминала «лендровер», а колеса и нижняя часть кузова – «джип»; кузов-универсал имел со всех сторон окна, запасное колесо

выпирало сзади, как кобура с револьвером на боку полицейского. Большие, широкие шины были защищены протекторами, а декоративную решетку и передние фары покрывала металлическая сетка. Слева, как раз у дверцы водителя, крепилась запасная канистра для бензина на пять галлонов, а прутик антенны, изгибавшийся над крышей, указывал, что машина оборудована коротковолновым радиопередатчиком.

Биглер поставил машину между своим вездеходом и микроавтобусом «фольксваген», у которого не было руля.

– Я на секунду заскочу поздороваться со своими друзьями, – сказал Биглер. – Сейчас же вернуться.

Они вылезли из машины, и Биглер направился к дому, а Паркер обошел кругом вездеход. Его изготовили в Японии. Паркер никогда не встречал такой марки. Внутри четыре сиденья: два – впереди и два – позади, все крепятся винтами к полу, так что их легко снять. В свободном пространстве за задними сиденьями стоял ящик с инструментами, лежала свернутая спиралью цепь, а также топорик и два синих шерстяных одеяла с вышитыми черными буквами – «Ю.С.».

Машина оказалась незапертой, в нее забирались по высоким ступенькам. Паркер вскарабкался на переднее сиденье, оставив дверь открытой, и огляделся. На приборной доске вмонтирован круглый компас, все четыре сиденья с ремнями безопасности, в картонной коробке под задним сиденьем справа четыре банки масла. Аптечка первой помощи стояла под приборной доской, а в бардачке лежали фонарик, спич-

ки, две красные сигнальные ракеты и пара рабочих брезентовых рукавиц.

Биглер вернулся, когда Паркер обследовал содержимое бардачка.

Он открыл дверь со стороны водителя и ухмыльнулся, увидав, чем занимается Паркер.

– Экипировка на славу, а?

– Да, – согласился Паркер. Каким бы человеком ни был Биглер, но машину он содержал в полном порядке.

Пока Паркер закрывал бардачок, Биглер поудобнее устроился на водительском месте.

– Она для меня – как ребенок, – проговорил Биглер, до-трагиваясь до руля и рычага переключения передач с той же лаской, как он делал это с «шевроле». И опять будто получил заряд энергии и бодрости от своей машины; он улыбнулся еще шире и приготовился завести машину.

Паркер огляделся еще раз. Поднял и опустил оба солнцезащитных щитка, потом засунул руку под свое сиденье и обнаружил там «смит-и-вес-сон» 38-го калибра, которым вооружены военные и полицейские. Револьвер лежал в кобуре, прикрепленной под сиденьем. У этой кобуры не было пружинного зажима, как у той, которую брал обычно с собой Паркер, – самая заурядная кожаная кобура; револьвер уютно лежал в ней; хотя он мог и выпасть при сильном толчке из бокового отверстия.

Улыбка Биглера стала несколько натянутой. Он не изме-

нил позы, руки по-прежнему сжимали руль и рычаг переключения скоростей; не произнося ни слова, он смотрел на державшего револьвер Паркера.

– Вожу с собой в тайнике на всякий случай, – объяснил наконец он.

Двухдюймовое дуло делало револьвер пригодным только для стрельбы с близкого расстояния: внутри машины, для самозащиты. Паркер, кивнув, молча положил его на место. Улыбка Биглера стала выглядеть более естественной, он удобнее устроился на своем сиденье, сняв руки с руля и рычага переключения скоростей.

– Мотор должен пару минут прогреться, – объяснил он.

– Хорошо, – кивнул Паркер.

По звуку мотор вездехода напоминал обычный пикап – он издавал сильный гул, не похожий на мощное рычание «шевроле».

– Какое у тебя еще есть оружие? – спросил Паркер.

– Позади, под одеялами, винтовка. И еще один револьвер, – ответил Биглер.

– Дай-ка взглянуть, – попросил Паркер.

– Возьми сам, посмотри, – предложил Биглер, но глаза его при этих словах снова блеснули.

Паркер, соскочив на землю, подошел к машине сзади, со стороны задней дверцы, которая поднималась на петлях, как у микроавтобуса. Паркер поднял дверцу, закрепив ее металлическим держателем, чтобы она не захлопнулась, и, отодви-

нув в сторону свернутые одеяла, осмотрел остальное оружие.

В розовое детское одеяльце была завернута винтовка, заурядная 53-я модель "от Сиерза"¹, со скользящим затвором, калибр 30 – 06, три с половиной фута в длину, вес 7 фунтов, обойма на пять патронов и шарнирный прицел; если с ней правильно обращаться, то, может, и попадешь в цель; скользящий затвор делал ее медлительной и громоздкой. Такая винтовка пригодна только для охоты, но не годится для зверя, который может в ответ выстрелить.

А вот пистолет оказался приличным: «кольт-питон»; он лежал в отдельной коробке, имел утяжеленное шестидюймовое дуло и весил около трех фунтов. Маленькая деревянная коробка была обита изнутри войлоком, здесь же лежала пачка запасных патронов. Биглер, очевидно, понимал, насколько это ценная вещь; из такого пистолета можно попасть в цель на приличном расстоянии – это не заурядная 53-я модель. Но и с этим оружием обращались не так, как оно заслуживало; его следовало беречь от тряски, а если возить его все время в машине, то надо завертывать в промасленную ткань или пластик. Биглер сделал почти все, как следовало, но, оставаясь верным себе, все же упустил из виду кое-какие важные детали.

– Ну как? Понравился тебе мой арсенал? – спросил с

¹ «Сиерз Роубакэнд К^о» – широко разветвленная сеть американских магазинов, торгующих всем необходимым для дома и семьи, а также инструментами и оружием.

улыбкой Биглер, когда Паркер вернулся на свое место.

– Ты все время держишь в машине это оружие? – спросил Паркер.

– Конечно. Здесь его никто не тронет: мои друзья приглядывают за всем, – заверил его Биглер.

Паркер подумал о детях, игравших около трейлеров, о том, что оружие лежало в машине практически на виду, что никто не удосужился даже запереть дверцу машины.

– Твой вездеход всегда стоит здесь? – спросил он Биглера.

– Большую часть времени. Я ведь тебе говорил, что мне не хочется держать его в городе, – ответил Биглер.

Паркер молча кивнул.

– Можно отправляться в путь, – сказал Биглер, глядя на измерительные приборы на щитке машины. – Быстрее закончим с этим делом.

– Что ж, поехали, – согласился Паркер. Биглеру пришлось подать машину назад, чтобы развернуться и отъехать от дома. Высокая трава шуршала под кузовом машины, задевая об оси и передний бампер и издавая при этом тихие, но все же отчетливо различимые звуки на фоне более громких тонов работающего мотора. Паркер, выглянув в окно, посмотрел на высокую траву и подумал о машине, припаркованной около этого-дома: никому не пришло в голову даже скосить под ней траву. Стоит здесь с незапертыми дверцами, в кузове валяется оружие, а в пятидесяти футах от нее играют дети; странно, что ни один из них не подошел к такой необычной

машине, не полюбопытствовал: что же там, внутри. И оружие столько времени брошено на произвол судьбы, валяется, можно сказать, под открытым небом, но никто его до сих пор не обнаружил.

– В путь! – сказал Биглер, включив первую скорость.

– В путь, – повторил Паркер.

Глава 7

Биглер затормозил, и машина, подпрыгнув на кочке, остановилась.

– Дальше придется идти пешком, – объяснил Биглер. – Фермерский дом по другую сторону холма.

Они ехали почти час. За исключением пятиминутной задержки, когда они, сбившись с пути, некоторое время ехали по старой, заросшей травой дороге, Биглер вел машину по бездорожью – через луга и мелколесье, а иногда по каменистому, сухому руслу реки. Они упорно поднимались все выше и выше в горы; это выглядело дико для постороннего наблюдателя, а Паркеру, сидевшему в машине, такая поездка казалась еще более удивительной. Но им ни разу не встретились ни густые заросли кустарника, ни непроходимые лесные чащи, которые пришлось бы объезжать стороной, им не преграждали путь ни глубокие потоки, ни ущелья, которые помешали бы им достичь намеченной цели. Они двигались почти по прямой; компас, вмонтированный в приборную доску, указывал направление между северо-востоком и юго-востоком, да и трясло их далеко не так сильно, как можно было бы ожидать.

Биглер остановил машину в том месте, где неглубокое сухое русло реки, по которому они постепенно поднимались вверх, разделилось на два узких протока; дальше машина не

могла проехать. Один проток сворачивал от крутого, густо поросшего лесом склона вправо, другой огибал более открытый и пологий склон, возвышавшийся прямо перед ними, он значительно реже порос деревьями и кустарниками, и на его проплешинах виднелся песок.

Паркер с Биглером вылезли из машины на каменистое русло. Обогнув вездеход, Биглер открыл заднюю дверь.

– Одолжи мне кольт, – попросил Паркер.

– Я хотел предложить тебе винтовку, – удивленно возразил Биглер. – Из нее удобнее будет стрелять в него с вершины холма.

– Я больше привык к легкому оружию, – заявил Паркер тоном, не терпящим возражений.

Пока Биглер возился с задней дверью, Паркер достал из кузова коробку с пистолетом и патронами. Открыв крышку, он осторожно вынул пистолет, держа его в противоположную сторону от Биглера. Пистолет был заряжен, в дуле виднелись уголки патрона. Паркер аккуратно положил пустую коробку и дополнительную обойму обратно, на одеяло.

Биглер тем временем достал винтовку, завернутую в розовое детское одеяльце. Он заметно нервничал и выглядел смущенным.

– Решительно отказываешься от винтовки? – спросил он Паркера. – С ней очень легко обращаться.

– Мне она ни к чему, – ответил Паркер, отступив от машины. Он остановился, не спуская глаз с Биглера и ожидая,

что тот предпримет дальше.

Биглер, с несчастным видом посмотрев на винтовку, забросил в кузов машины одеяльце, в которое она была завернута. Он был так расстроен, будто ему пришлось только что отказаться от заранее продуманного плана.

– Дело твое, – удрученно сказал он, махнув рукой, – пошли.

– Показывай дорогу, – потребовал Паркер. – Ты ведь проводник.

Биглер кивнул, как бы подготовленный к такому предложению, и, обогнув машину, направился вперед по руслу реки. Кругом царила тишина, только камешки похрустывали под его ногами. Паркер последовал за ним, и оба некоторое время молча поднимались по руслу протока, который вел их к вершине холма. На склоне кое-где росли деревья и кустарники, но вся местность хорошо просматривалась.

На полпути к вершине проток резко свернул вправо. Биглер перешел на склон, продолжая держать путь к гребню холма. Паркер шел следом, соблюдая дистанцию в пару шагов. Один раз Биглер, остановившись, оглянулся, будто намереваясь что-то сказать ему. Паркер тоже остановился, не спуская глаз с дула винтовки, но это была всего лишь секундная заминка; Биглер тут же отвернулся и устало потащился дальше.

На подъем ушло около десяти минут. Два раза им пришлось продираться сквозь кустарник, и каждый раз Паркер

выжидал, чтобы Биглер отошел на несколько шагов вперед, а потом следовал за ним. Но в целом идти было легко: склон был покатым, мягкая почва рассыпалась под ногами, но ноги не вязли в песке.

Дойдя до вершины, Биглер упал на землю и осторожно прополз последний фут до обрыва.

– Вот он, дом, – оглянувшись, негромко сказал он Паркеру. – Иди сюда, посмотри. – Усталость, звучавшую в его голосе, нельзя было объяснить трудным подъемом: дорога была легкой, она скорее объяснялась удрученным состоянием Биглера.

Паркер подобрался к обрыву справа, футах в четырех от Биглера, и тоже посмотрел вниз. Он увидел под собой горбатый, каменистый склон, без единого деревца, который круто спускался вниз, к ровной площадке. Склон весь был в кочках и рытвинах, будто по нему проложили себе русло тысячи тут же пересохших ручьев, а вся равнина поросла низкорослыми кустами и травой. Слева от них, к северу, тянулись холмы, а пустынная равнина справа от них уходила на юг.

Внизу, прямо под ними, стоял дом. Он выглядел так, будто страшный ураган, подняв его в воздух, перенес сюда с пшеничных полей Канзаса, – настоящий домик из страны Оз: двухэтажный, обшитый досками, с маленькими окошечками и крылечком; две пристройки позади него сделаны, очевидно, позднее. Тонкая пыльная ниточка грунтовой дороги тянулась по равнине на восток.

Окружавшая домик местность совершенно не гармонировала с его внешним видом. Человек, который строил этот дом, видимо, грубо ошибся в своих расчетах; что он собирался здесь выращивать? Однако, каковы бы ни были его планы, окружающая местность, должно быть, внесла свои коррективы; в этом доме, судя по его заброшенному виду, уже давно никто не жил. Доски, которыми он был обшит, под воздействием атмосферных осадков приобрели серебристо-сероватый оттенок, что выглядело даже красиво на серовато-коричневом фоне окружающей его местности. Крыша, кажется, протекала, а крыльцо покосилось. Стекла нескольких окон были разбиты, а в одной из задних пристроек зиял пустой дверной проем.

Но если уже давно никто не присматривал за домом, в настоящий момент он был обитаем. В тени, у восточной стороны дома, стоял зеленый «форд»-универсал. Паркеру был виден только его капот.

– Ул? – спросил Паркер, кивком указав на машину.

– Да, он там, – ответил Биглер. В голосе его звучали усталость и раздражение одновременно. – Он на месте, все в порядке, – повторил Биглер.

– Давай подождем немного, – предложил Паркер, посмотрев на Биглера. – Ты ничего не хочешь сказать мне?

– Пока его не видно, – ответил Биглер, – я, пожалуй, успею выкурить сигарету. Он не курил всю дорогу.

– Валяй, – согласился Паркер.

Биглер вытащил из кармана куртки маленькую упаковку с надписью: «Таблетки от кашля». Паркер внимательно наблюдал за выражением его лица и движением рук.

– Хочешь? – спросил Биглер, вскрывая упаковку. Он протянул ее Паркеру – в ней лежали четыре свернутые вручную сигареты с закрученными концами.

– Я не курю, – отказался Паркер. Пожав плечами, Биглер взял сигарету и засунул ее в рот. Отложив в сторону упаковку, он приподнялся, чтобы достать из кармана брюк спички. Паркер внимательно наблюдал за ним. Чиркнув спичкой, Биглер закурил, и запах мускуса разлился в воздухе.

– Не возражаешь, если я взгляну на твою винтовку? – спросил Паркер.

– Ругаться с тобой из-за этого не стану, – ответил Биглер. Он перекатился на спину и, сложив пригоршней руку, глубоко затянулся, со свистом втянув в себя воздух. Потом, задержав дыхание, закрыл глаза.

Паркер, взяв винтовку, поднял затвор, из дула выпал патрон. Подняв его с земли и внимательно оглядев, Паркер заметил еле различимые царапинки вдоль корпуса. Пороха внутри не было.

– Сам додумался до этого? – спросил он Биглера, держа патрон на ладони.

Открыв глаза, Биглер рассеянно посмотрел на него. Вынув изо рта сигарету, он выдохнул дым; небольшое облачко растаяло в воздухе.

– Приятель подсказал, – ответил Биглер.

– Классная работа! – похвалил Паркер.

– Рад слышать! – Биглер, закрыв глаза, закинул назад голову и снова выпустил облачко дыма.

Паркер положил винтовку на землю, рядом с собой, и посмотрел вниз, на дом. Никого не было видно, по-прежнему вокруг царили тишина и покой.

Несколько минут они молчали. Биглер, лежа на спине, курил сигарету, время от времени открывая глаза и следя за облаками, плывущими по небу над их головами. Паркер лежал рядом, лицом к Биглеру, облокотившись на локоть, чтобы удобнее было наблюдать за ним и за домом внизу одновременно. Ни один звук, кроме легкого шипения, издаваемого Биглером, когда он выпускал из легких дым, не нарушал тишину. Над ними раскинулись бескрайние просторы неба, вокруг не было ни души. Паркер несколько раз оборачивался, внимательно оглядывая тот склон, по которому они поднимались, но и там было все так же тихо и спокойно. Далеко внизу, под ними, блики солнца играли на хромированных деталях и стеклах вездехода.

Биглер докурил свою сигарету и воткнул окурочек в землю рядом с собой. Несколько минут он лежал молча, с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, как мертвец.

– Ты прав во всем, что касается Шейрон, – заговорил он, не меняя позы. – Не знаю, почему она уцепилась за меня. Она даже не очень-то и старалась, винить ее нечего, это я

преследовал ее. Практически заставил выйти за меня замуж. Сам не понимаю, почему я так заклинился на ней, будто других нет. Я все пытался как следует вздуть ее, но ни разу не довел дела до конца. Даже после того, как мы поженились и мне удалось заставить ее отказаться от таблеток.

Он продолжал говорить. Говорил о троих ребятах и своих машинах, а также о тех местах, где он жил раньше. Он перескакивал с предмета на предмет, рассказывал о своих родителях, о своем детстве, будто Паркер был его старым приятелем и понимал, о каких людях и местах идет речь. Очевидно, он рассказывал все это, чтобы объяснить Паркеру, а возможно, и самому себе, почему он старался казаться более грубым, более мужественным, чем другие. Он прямо не говорил об этом, но все его объяснения и воспоминания так или иначе касались этой темы.

Внизу, в доме, все еще не было заметно никаких признаков жизни. Паркер терпеливо ждал, не мешая Биглеру изливать душу; его тихое, монотонное бормотание угасало на полпути к дому. Солнце приятно пригревало спину, а когда набегали облака, становилось прохладно. Если бы не нос «форда», высывавшийся из-за угла дома, и не вездеход, оставшийся за их спиной, в сухом русле реки, если бы не солнечные зайчики, плясавшие на стеклах вездехода, можно было бы подумать, что они, подхваченные волшебным ураганом, перенеслись на несколько веков назад.

Речь Биглера прерывалась долгими паузами, он, очевид-

но, думал о чем-то, паузы становились все более продолжительными, пока наконец он не замолк окончательно. Паркер посмотрел на него, чтобы проверить, не задремал ли его спутник, но глаза Биглера были открыты, он смотрел в небо.

– Какая программа действий? – спросил Паркер.

Легкие морщинки появились на лбу Биглера.

– Скажи, по крайней мере, что я сделал не так? – спросил он, повернув голову и глядя на Паркера. – Как ты догадался?

– Это важно?

Морщинки на лбу Биглера медленно разгладились, он улыбнулся. Казалось, он на все махнул рукой.

– Нет, – ответил он с беспечной улыбкой.

– Что будет дальше? – спросил Паркер, указывая на дом.

– Немного погодя он появится, – ответил Биглер.

– Чтобы я убедился, что он здесь? – уточнил Паркер.

– Верно. Потом мы пойдем влево, там овраг, по нему можно спуститься с холма так, что из дома нас не будет видно.

– Когда тебе надо двигаться?

– Когда смогу. Весь план строится на том, что ты мне полностью доверишься. А как только он покажется и ты увидишь его, тебе уже будет не до меня.

– А если тебе раньше подвернется удобный случай, ты его не упустишь, верно? – продолжал допытываться Паркер.

– Верно, – как эхо, повторил Биглер. Паркер, нахмурившись, опять посмотрел вниз, на дом.

– У тебя с собой есть еще оружие? – повернувшись к Биг-

леру, спросил он.

– Нож в кармане брюк, – ответил Биглер.

– Вынь его не спеша и положи на землю между нами, – приказал Паркер.

Мелкие морщинки вновь избороздили лоб Биглера, но он беспрекословно выполнил приказ, положив на землю пружинный нож с закрытым лезвием.

– Ключи от машины, – приказал Паркер, переложив нож в свой карман.

Они лежали в другом кармане куртки, отдельно от сигарет. Биглер вынул их и положил на землю, туда, где до этого лежал нож. Паркер забрал их.

– А теперь лежи тихо, – приказал он Биглеру и, прицелившись из пистолета в сторону холма, выстрелил два раза, с небольшим промежутком. Биглер вздрагивал при каждом выстреле, но не двигался с места.

Паркер внимательно наблюдал за домом, но не заметил никаких изменений.

– Встань и покажись ему, – потребовал он. – Биглер! Ты меня слышишь?

– Угу, – ответил Биглер, резко вскочив. Он стоял на краю обрыва, глядя сверху вниз на лежавшего на земле Паркера. – Я все понял.

– Помаши ему, – приказал Паркер, продолжая наблюдать за домом. – Смотри не на меня, а на дом.

Биглер послушно повернулся и замахал обеими руками,

подняв их над головой. В дверном проеме пристройки показался Джордж Ул. Он, слегка присев, смотрел вверх, на вершину холма.

– Крикни ему, чтобы поднимался сюда, – подсказал Паркер.

– Давай поднимайся! – послушно выполнил его распоряжение Биглер.

– Он сдох? – донесся до них приглушенный расстоянием голос Ула.

– Все кончено! Поднимайся! – заорал Биглер.

– Зачем? Спускайся сюда сам! У Биглера не нашлось подходящего ответа на этот вопрос.

– Ты хочешь, чтобы он помог тебе перетащить тело, – подсказал Паркер.

– Помоги мне перенести тело! – повторил Биглер.

– Зачем? – последовал вопрос. – Брось там этого ублюдка!

– Черт! – выругался Паркер. – Биглер, спускайся с холма, но не спеши.

Биглер послушно стал спускаться с обрыва.

– Я сказал: не спеши, – тихо напомнил ему Паркер.

Биглер молча кивнул в ответ. Шел он медленно и спокойно, но ступал не очень уверенно, спускаясь вниз по склону холма.

Паркер отполз на несколько футов по противоположному склону, потом вскочил и побежал влево, гребень холма надежно прикрывал его от Биглера и Ула. Овраг, как сказал

Биглер, находился слева, но далеко ли до него? И удастся ли ему разыскать этот овраг?

Паркер нашел его; в одном месте гребень разрежала глубокая седловина, будто в библейские времена Божья десница случайно приемом каратэ стукнула по этому месту. Паркер побежал по ней, прыгая по довольно крупным камням; позади него сходили небольшие лавины, вызванные его движением. Вскоре он заметил, что расщелина, извиваясь, уходит вниз, к дальнему склону. Справа он увидел Биглера, он находился на полпути к равнине. Ула ему не было видно.

Паркер побежал вниз по расщелине, то и дело оступаясь и съезжая по склону. Извилистая расщелина петляла, сворачивая то вправо, то влево, но все же Паркер постепенно спускался вниз. Дважды перед ним мелькнул домик из страны Оз, и один раз он заметил Ула, который ждал Биглера, положив руки на бедра, в пятнадцати футах от дома. Он внимательно следил за спускавшимся Биглером.

Расщелина стала шире, у подножия холма она оказалась не такой глубокой, теперь она скорее напоминала то сухое русло, по которому они приехали сюда. Паркер пригнулся на бегу пониже, но теперь справа от себя он ясно видел Ула, стоявшего неподалеку от дома. И Биглера, уже почти достигшего подножия холма.

Шум, поднятый Паркером, должно быть, привлек внимание Ула. В руке Джорджа появился пистолет, он целился в сторону Паркера. Один за Другим раздались три выстрела,

потом Ул повернулся и бросился к дому.

Биглер упал на землю, лицом вниз, прикрыв обеими руками голову. Паркер бросился вправо, прижавшись всем телом к краю расщелины. Положив для верности руку на валун, Паркер дважды выстрелил в Ула. При втором выстреле Ул слегка подпрыгнул и упал, ударившись о землю левым плечом. Но, перевернувшись, он вскочил и побежал направо, в сторону от дома. Он сделал не меньше дюжины больших скачков, прежде чем сообразил, что выбрал неправильное направление. Паркер успел выстрелить в него еще раз, но тот, резко повернувшись, побежал назад, так что Паркер промазал.

Паркер не знал, куда попала его пуля и сколько времени Ул сможет передвигаться. Вскочив, он бегом преодолел расстояние, отделявшее его от дома.

Ул успел раньше его добежать до дома, но не вошел внутрь, а бросился к машине. Паркер пробежал открытое пространство и укрылся за ближайшим к нему углом дома.

Мотор «форда» ожил. Паркер, бегом пробежав вдоль стены и фронтальной части дома, увидел, что «форд» с трудом разворачивается на тесной площадке в направлении грунтовой дороги, ведущей прочь от этого убежища.

Паркер присел, укрывшись за балюстрадой крыльца. Задние колеса «форда» прокручивались в грязи. Ул, очевидно, переключал рычаг скоростей, лежа на полу машины. Машина, задрожав, описала дугу и стала набирать скорость. Пар-

кер, прицелившись, дважды выстрелил в водителя, оба раза попав в цель.

Машина продолжала двигаться, все еще набирая скорость и описывая круги, но теперь завыл гудок. Ул нажимал ногой на педаль, а грудью он упал на руль. Машина кружила по площадке перед домом, поднимая облако пыли и с каждой секундой увеличивая скорость.

Паркер успел нырнуть влево, а «форд» врезался в угол крыльца, где он только что стоял. Старый, высохший столб, поддерживавший навес, сломался, как карандаш, и часть крыши свалилась на капот машины.

Гудок ревел, не умолкая, колеса еще вращались, пыль летела во все стороны, мотор работал на пределе своих возможностей, издавая высокий, пронзительный звук, – видимо, нога Ула все еще нажимала на педаль. Темный силуэт обмякшей фигуры Ула вырисовывался внутри машины: земные горести и радости уже не беспокоили его.

Паркер отвернулся от ревущего «форда» и, поспешно обогнув угол дома, увидел, что Биглер сидит на склоне холма, спиной к дому, в нескольких футах от него.

Отвернувшись от дома, Паркер не спеша пересек площадку. За его спиной по-прежнему ревел гудок и пронзительно выл мотор.

Взрыв настиг его на полпути к Биглеру. Взрыв не слишком сильный, но земля все же дрогнула под его ногами. Звуковая волна докатилась до подножия холма, и снова воцарилась

тишина. Оглянувшись, Паркер увидел струю грязно-черного дыма, поднимающуюся столбом в небо.

Биглер сидел неподвижно. Когда Паркер подошел к нему, Биглер, криво улыбнувшись, произнес дрожащими губами:

– Ну вот, ты достал его.

– Да, – согласился Паркер.

– У тебя не будет со мной хлопот, – сказал Биглер. – Не надо убивать меня.

– Именно такую ошибку я совершил с Улом, – ответил Паркер.

Глава 8

Паркер ехал на вездеходе в южном направлении, разыскивая перевал через хребет или объезд, который привел бы его к дому. Широкая полоса черного дыма столбом поднималась в небо, указывая ему путь, и все же минут двадцать ему не удавалось разыскать дорогу. Потом холм стал постепенно понижаться, Паркер ехал теперь по пологому склону, густо заросшему деревьями. Он петлял среди стволов, продвигаясь вперед, как по лабиринту, порой заросли становились такими густыми, что машина не могла проехать, приходилось возвращаться назад. Отсюда дым не был виден, но Паркер довольно верно придерживался нужного ему направления, и когда наконец выбрался на более открытый участок, где деревья росли пореже, то увидел слева дым, поднимавшийся к небу. Он все-таки перевалил через гряду.

По равнине ехать стало гораздо легче, но все же прошло не менее четверти часа, пока он добрался до дома. Наконец он увидел перед собой дом, охваченный пламенем; от машины остался только черный остов; и машина, и дом медленно догорали. Объехав вокруг дома, Паркер выбрался на грунтовую дорогу и направился на восток.

Приблизительно через час он добрался до шоссе, протянувшегося также с запада на восток, и поехал по нему в восточном направлении, пока не достиг маленького городка

под названием Трейси. На бензоколонке, пока заправляли бензином его вездеход, он позвонил из автомата Мак-Кею. Телефон в его номере не отвечал, поэтому Паркер попросил администратора послать за ним кого-нибудь к бассейну. «Вы наверняка найдете его там», – объяснил Паркер.

Через несколько минут в трубке раздался несколько запыхавшийся голос Мак-Кея:

– Алло? Слушаю!

– Привет, это я, – сказал Паркер.

– Что? А-а, понятно. – Голос Мак-Кея звучал весело. –

Как дела?

– Прекрасно. А у тебя?

– Полный порядок, – ответил он, и по его голосу Паркер догадался, что Мак-Кей улыбается.

Часть третья

Глава 1

Стен Деверс шел пешком. Было около одиннадцати часов ночи, движение на шоссе замерло; он шагал по обочине и слышал только скрип гравия у себя под ногами.

Впереди показались огни. Неужели ему повезло? Да, это мотель. Деверс довольно улыбнулся, но не ускорил шага, не изменил темпа. Свободного времени, к сожалению, у него хватало с лихвой.

Только через десять минут он добрался до мотеля – целого комплекса зданий, с бассейном, рестораном и отдельной пристройкой, в которой находился бар. Деверс по асфальтовой дорожке направился к конторе. Открыв дверь, он вошел внутрь.

За конторкой администратора дежурила девушка. Деверс подошел к ней, улыбаясь самой беззаботной из своих улыбок. Высокий мускулистый парень, похожий на спасателя, работающего на пляже, двадцати восьми лет, блондин, с приятной внешностью и квадратной челюстью. Деверсу в последнее время не везло, но выглядел он все еще вполне респектабельно: спортивная куртка и брюки; девушка улыбнулась ему в ответ, что Деверс воспринял как должное. Девуш-

ка не скрывала, что он ей понравился.

Может, облапошить девицу? Нет, он придумает что-нибудь пооригинальнее.

– Мистер Пибоди уже прибыл? – спросил он.

– Пибоди? – переспросила девушка неуверенно.

– Генри Пибоди, – уточнил Деверс. – Возможно, он задержался в дороге.

– Сейчас проверю, – ответила девушка и с минуту перебирала регистрационные карточки. – Извините, – сказала она, – его еще нет.

– Придется подождать, – улыбнулся Деверс, указывая жестом на дерматиновый диван у противоположной стены.

– Конечно, посидите, – любезно разрешила ему дежурная.

Металлическая стойка рядом с диваном предназначалась для проспектов самых разных путешествий. Деверс изучил брошюру, посвященную Великому Каньону и другим географическим достопримечательностям. Время от времени в контору заходили постояльцы и регистрировались у стойки. Деверс окидывал их внимательным взглядом, а затем возвращался к изучению фотографий моста Золотых Ворот или другого столь же выдающегося объекта.

Однажды вошел подвыпивший мужчина, грузный, в возрасте за пятьдесят, хорошо одетый, с покрасневшимся лицом. Несмотря на выпитое, он прекрасно владел собой. Правда, он слишком старательно выговаривал отдельные слова и ноги плохо повиновались ему, но он боролся со сво-

им опьянением с уверенностью человека, свыкшегося с таким состоянием. Посмотрев на него. Деверс отложил брошюру («Посетите Великий Каньон!») на диван, поднялся и направился к выходу. Сквозь стеклянную дверь он увидел бронзового цвета «торнадо» с работающим двигателем и включенными фарами. Но место рядом с водителем занимала рыжеволосая красотка в блузке с длинным угловым вырезом, которая, с безразличным видом взглянув на него, тут же отвернулась. Деверс, по- жав плечами, вернулся к своему дивану и взялся за изучение очередной брошюры.

Когда в конторе никого не было, дежурившая за стойкой девушка несколько раз пыталась завязать разговор: «Похоже, ваш знакомый здорово опаздывает...» – и все в таком роде. Деверс отвечал дружелюбно, с улыбкой, но в то же время не старался поддерживать разговор; спустя некоторое время девушка нашла себе занятие, взявшись за разборку каких-то бумаг.

Деверс сидел в конторе уже около часа, когда появился второй подвыпивший мужчина, точная копия первого, разве что этот нагрузился более основательно. Деверс снова поднялся и, проскользнув к стеклянной двери, на этот раз увидел «Мерседес-Бенц» с включенным мотором. Пассажиров в нем не было.

Выйдя из конторы, Деверс внимательно осмотрелся, открыл заднюю дверцу «мерседеса» и забрался внутрь. Коробки с образцами, бланки и другие атрибуты странствующего

коммивояжера были свалены в кучу. Деверс, подняв ящик, поставил его на сиденье, а сам растянулся на полу машины. Лежать было неловко и неудобно, но в то же время появилось приятное ощущение, что он снова стал ребенком и играет в прятки. Работавший мотор слегка сотрясал корпус машины, и туда, где устроился Деверс, почти не проникал свет.

Три-четыре минуты спустя появился пьянчуга с ключом от номера в руке. Запихнув ключ в карман рубашки, он уселся за руль. Осторожно обогнув основной корпус и время от времени притормаживая, он проехал мимо нескольких домиков, очевидно разглядывая номера комнат. Деверс старался не дышать, затаившись в своем убежище.

Наконец машина замедлила ход, с трудом развернулась и довольно резко остановилась. Деверс бесшумно приподнялся с пола, пока мужчина выключал мотор и свет. Левой рукой Деверс обхватил мужчину за голову, зажав ему горло локтем и всем весом своего тела потянул его назад, на себя, используя головной валик на сиденье водителя для фиксации положения его тела, а правой рукой сжал ему горло с такой силой, что тот не смог дышать.

Борьба длилась недолго, оба не издали ни звука. Главной целью Деверса было помешать мужчине нажать на гудок, но неожиданность нападения, страх и немалое количество выпитого помешали ему воспользоваться этим преимуществом. Забыв о гудке, он пытался развернуться на своем сиденье, молотя беспорядочно руками, брыкаясь и пыта-

ьясь вцепиться в рукав спортивной куртки Деверса. Деверс не ослаблял своей хватки, и вскоре сопротивление прекратилось; алкоголь снизил запасы кислорода в легких, приблизив наступление беспамятства.

Тело мужчины обмякло, его подбородок уперся в локоть Деверса. Пьянчуга дернулся еще несколько раз, как выброшенная на берег рыба, и затих. Деверс осторожно, не спеша отпустил его. Тот не пошевелился, но Деверс слышал его дыхание и ощущал запах спиртного. Перебравшись на переднее сиденье, Деверс нашел в кармане его рубашки ключ от номера и выбрался из машины.

Номер находился на первом этаже двухэтажного коттеджа. Деверс открыл дверь и вернулся к машине; взяв под мышки бесчувственное тело, он втащил его в номер. Свалив его на кровать, Деверс тщательно закрыл дверь, а потом обыскал карманы не пришедшего в сознание мужчины. В бумажнике оказалось восемьдесят семь долларов плюс кредитная карточка. Да еще шестьдесят два цента мелочью. Больше он не нашел ничего стоящего.

Окна закрывали жалюзи. Деверс отрезал от них шнур и крепко связал ноги и руки мужчины. Полотенце послужило надежным кляпом.

Теперь очередь телефона. Подняв трубку, Деверс дождался ответа дежурного.

– Звонят из триста двадцать седьмого номера. Разбудите меня, пожалуйста, завтра в одиннадцать часов, – попросил

он.

– В одиннадцать часов утра. Хорошо, сэр.

– Спасибо.

Табличку с надписью «Просьба не беспокоить» он нашел в ящике письменного стола, она лежала там вместе с Библией и открытками, на которых был запечатлен ресторан мотеля. Деверс вышел из номера, запер за собой дверь и повесил на ручку табличку. Потом не спеша уселся за руль «мерседеса».

Это оказалась дизельная машина; наверное, единственная дизельная машина, купленная в Америке. Бак с горючим был полон на три четверти. Выехав со стоянки. Деверс развернулся и направился к шоссе. Город, который он покинул, находился на востоке штата; Деверс взял направление на запад.

Дизельные машины медленно набирают скорость, но зато потом мотор работает без перебоев и почти бесшумно. Деверс немного нервничал, пока машина не развила скорость шестьдесят пять миль в час, а затем включил радио и дальше поехал под звуки рока.

Расчетный час в этом мотеле – полдень. Когда никто не ответит на заказанный на одиннадцать часов звонок, дежурный не станет волноваться: такое случается сплошь и рядом. Скорее всего, после двенадцати управляющий решится наконец вскрыть дверь номера, и тогда картина прояснится. Все это означало, что в запасе у Деверса одиннадцать часов. За это время надо уехать подальше. При скорости шестьдесят пять миль в час можно оказаться где угодно.

Четыре года назад Стен Деверс был военнoслужашим военно-воздушных сил, его выгнали из РОТСИ² за нарушение дисциплины, положение его, и без того не завидное, ухудшилось из-за напряженных отношений с одним из офицеров. Он работал кассиром на базе, где заработную плату все еще выдавали наличными, – сейчас такого рода системы уже не существует, – и в один прекрасный день он по заранее разработанному плану забрал всю зарплату за месяц и скрылся. Затем он участвовал еще в нескольких кражах в паре с профессионалами и вместе с ними совершил ограбление, но дело раскрыли, и стало известно об участии Деверса. Ему пришлось спешно уносить ноги, и с тех пор он перебивался случайной добычей. Один из участников последнего крупного дела, в котором был задействован и Деверс, парень по имени Паркер, порекомендовал его отошедшему от дел вору, ныне владельцу забегаловки в Приск-Айле, Генди Мак-Кею, и тот время от времени подкидывал ему кой-какую работенку. Но последние несколько недель Деверса преследовали неудачи, в результате ему пришлось пешком уносить ноги из города, не имея в кармане ни цента.

Что ж, теперь у него машина и восемьдесят семь долларов шестьдесят два цента, а также бумажник с разными удостоверениями личности на имя Мэтью Доусона да в придачу

² РОТСИ – программа, разработанная в американской армии, для обучения студентов колледжей и университетов руководству войсками. Армия часто платит за обучение студентов, а те в ответ обязаны два – четыре года после окончания учебы прослужить в армии.

несколько кредитных карточек на то же имя и одиннадцать часов в резерве, чтобы попасть за это время в другое место, где можно снова попытаться счастья.

Деверс ехал без остановок до половины десятого утра, а потом, доехав до какого-то городка, позавтракал в забегаловке и позвонил Генди Мак-Кею. Услышав голос Генди, Деверс назвал себя и сказал:

– Я готов взяться за что угодно, лишь бы подзаработать.

– Что ж, – отозвался Мак-Кей, – как раз вчера мне звонили и спрашивали тебя. Наш общий друг просил, чтобы ты подъехал к нему.

Деверс улыбнулся. Он не виделся с Паркером со времени работы в военно-воздушных силах.

– Очень приятно, – ответил он.

Глава 2

Лу Стернберг вышел из самолета и, подняв воротник плаща, осторожно спустился по ступенькам на бетонированную площадку. Он предпочитал аэропорты, где, выйдя из самолета, по закрытому переходу сразу попадаешь в здание аэровокзала. Сияло солнце, воздух уже достаточно прогрелся, но дул свежий ветерок, так что лучше побережься, а то как раз схватишь насморк.

Лу никто не встречал – ему было так спокойнее. Есть возможность немного прийти в себя после дальнего перелета, а уж потом приступить к деловым переговорам. С коричневым чемоданом в руках Лу вошел в здание аэровокзала и, пройдя его насквозь, направился к стоянке такси. Молодой длинноволосый водитель, выглядевший голодным, был одет как ковбой. К несчастью, других свободных машин не было. Оставалось только надеяться, что до мотеля недалеко.

Небольшого роста, но весьма плотного телосложения, Стернберг с трудом втискивался на заднее сиденье большинства автомобилей, тот, в котором он ехал, не являлся исключением. Бросив чемодан на сиденье, Лу запыхтел, пытаясь устроиться поудобнее, а водитель наблюдал за ним в зеркало заднего обзора с какой-то тревогой, скорее даже с нетерпением.

– К мотелю «Стандард», – сказал ему Стернберг, захлоп-

нув наконец за собой дверцу.

Шофер немедленно включил счетчик и нажал ногой на педаль. Машина так рванула с места, что голова Стернберга непроизвольно откинулась назад. Он сжал губы и, собравшись с силами, приготовился стойко переносить тяготы предстоящей поездки.

Водитель оказался просто сумасшедшим, он совершенно безобразно вел машину. Стернберг пытался сохранять спокойствие и не высказываться на сей счет. Отъехав от стоянки у аэровокзала, водитель гнал машину как угорелый, петляя из стороны в сторону в плотном потоке машин. Стернберг мотался на заднем сиденье вместе со своим чемоданом. Наконец у него лопнуло терпение, он наклонился вперед, вцепившись в спинку водительского сиденья, и заорал:

– Я никуда не спешу!

– Зато я спешу! – дерзко ответил водитель, склонившись к рулю и не сбавляя скорости.

– Может, мне взять другую машину? – предложил Стернберг, чувствуя, что ситуация начинает действовать ему на нервы, а ему так необходимо сохранять полное спокойствие перед предстоящей встречей.

– Послушай, приятель, – возразил шофер, – я зарабатываю себе на пропитание.

– Ты занялся не своим делом, – ответил ему Стернберг, – твоя беда в том, что ты не умеешь водить машину. А теперь или сбрось скорость и придержишься общего потока, или

найди мне другое такси.

Шофер что-то недовольно пробурчал в ответ (слова «трус» и «курица» Стернберг разобрал), но все же поехал медленнее, и остаток пятнадцатиминутного путешествия прошел, по крайней мере, удовлетворительно.

Когда они подъехали к мотелю, Стернбергу показалось, что на вышке у бассейна стоит Мак-Кей, но он не успел разглядеть его как следует: мужчина нырнул в голубую воду. Стернберг поежился от холода в своем плаще.

Проезд в такси обошелся ему в два доллара. Стернберг протянул водителю две однодолларовые бумажки и дал двадцать пять центов на чай. Шофер, с явным неудовольствием рассмотрев бумажки, небрежно бросил:

– Спасибо за щедрость.

– Как правило, я даю на чай пятьдесят центов, – терпеливо объяснил Стернберг, – но мне хочется, чтобы ты занялся другой профессией, может, там ты проявишь больше способностей.

Шофер умчался, окутанный плотным облаком дурного настроения, а Стернберг, подхватив чемодан, вошел в контору. Номер он забронировал заранее, так что с этим все оказалось в порядке, зато возникли трудности другого рода: некому было отнести в комнату его вещи.

– У большинства наших постояльцев есть машины, – недовольно сказал администратор, будто Стернберг был виноват, что явился к ним без машины.

Стернберг презрительно скривил губы, но промолчал. С языка так и рвались ядовитые замечания относительно неразберихи, приведшей к упадку в сфере обслуживания в Соединенных Штатах. Каждый раз, приезжая сюда, он наблюдал, как страна все глубже увязает в трясине разболтанности и полного отсутствия профессионализма. Его домик в Лондоне представлялся ему таким надежным убежищем при виде всей этой надменной некомпетентности, ему каждый раз так не хотелось уезжать оттуда. Но, как сказал когда-то один невоспетый философ, «Не гадь там, где жрешь». В Лондоне Стернберг жил в окружении своих растений, пианино и ритуала ежедневных прогулок; он никогда не работал там – никогда. Средства на пропитание он добывал себе в Соединенных Штатах; приходилось время от времени возвращаться в этот прогнивший мир, чтобы обеспечить себе комфортабельную жизнь в маленьком лондонском домике.

Наконец отыскали небрежно одетого и также исполняющего свои обязанности посыльного; он повел его в номер, взяв чемодан и ключ от комнаты. Они вышли из конторы и направились по асфальтированной дорожке к разбросанным по всей территории коттеджам.

На этот раз Стернберг прошел мимо бассейна. Отважным ныряльщиком оказался Эд Мак-Кей; когда они поравнялись с бассейном, он как раз взбирался по лесенке в глубокой части бассейна. Мак-Кей откинул с глаз мокрые волосы и с улыбкой помахал рукой Стернбергу, важно вышагивавшему

в своем плаще следом за посыльным. Стернберг в ответ приложил палец к козырьку кепи и не останавливаясь двинулся дальше. Мак-Кей стоял на краю бассейна, отряхиваясь от воды, и с улыбкой смотрел ему вслед.

Комната Стернберга, конечно, больше напоминала купе спального вагона. Стернберг со вздохом сунул свернутую трубочкой долларовую бумажку в вялую руку мальчика и плотно закрыл за ним дверь.

Выглядел номер отвратительно. Стаканы для воды в ванной комнате упакованы в маленькие белые бумажные пакетики с надписью, в которую, конечно, входило слово «продезинфицировано». Такое же послание он обнаружил и на бумажной ленте, опоясывающей унитаза. Все это было похоже на свидание с сексуально озабоченной истеричкой, которая неустанно повторяет, что она девственница.

Стремление к чистоте в мотелях носит параноидальный характер. Вешалки в шкафу состояли из двух разъемных частей: плечики вынимались, а крючки были намертво прикреплены к поперечной планке. Так мотель защищался от тех клиентов, которые снимают номера исключительно с одной целью: украсть из шкафа вешалки.

Кондиционер работал на полную мощность. Стернберг первым делом выключил его, включил обогреватель, поставив его на отметку семьдесят три градуса, и слегка приоткрыл окно. Пока он раскладывал вещи и протирал все предметы, воздух в комнате стал более пригоден для дыхания.

Стернберг переоделся в боксерские шорты, удобно устроился на кровати, подложив под спину подушки, и открыл роман Энтони Пауэлла, который начал читать в самолете. Ему хотелось сопоставить себя с Магнусом Доннерсом, но вскоре он обнаружил, что ему более симпатичен Уилмерпул.

Сорок пять минут спустя зазвонил телефон. Это был, конечно, Мак-Кей. Стернберг так и думал.

– Алло, Лу? – услышал он в трубке знакомый голос.

– Слушаю, – ответил Стернберг.

– Это Эд, – уточнил Мак-Кей.

– Да, узнаю.

– Ты, наверное, хочешь немного отдохнуть? – предположил Мак-Кей.

– Вероятно, – коротко ответил Стернберг.

– Встретимся сегодня вечером. Я зайду за тобой около девяти.

– Прекрасно, – ворчливым тоном ответил Стернберг.

– Хорошо долетел? – задал традиционный вопрос Мак-Кей.

– Не хуже, чем ожил, – недовольно ответил Стернберг. – Встретимся в девять, – оборвал он своего чрезмерно болтливого собеседника. Положив трубку, Стернберг с удовольствием вернулся к прерванному чтению.

Глава 3

Томми Карпентеру снился сон. Планеты соединялись между собой цепями; громадные, тяжелые цепи удерживали их друг подле друга, и Томми придумал интересную штуку: залепить пластиком нижние части звеньев цепи, засыпать образовавшиеся ячейки землей с удобрениями и превратить все ячейки в одну громадную, длинную ферму, протянувшуюся от планеты к планете, чтобы в каждом звене цепи росли разные растения: помидоры, рядом с ними розы, а потом – арбузы, марихуана, а еще дальше – тюльпаны, пшеница и так дальше по всей вселенной. Это была великолепная идея, оставалось сделать совсем немного: рассказать об этом плане людям, а они тут же стали бы помогать ему. Потрясающая идея: всем вместе работать на небесной ферме.

Томми уже начал сознавать, что все это только во сне, когда услышал голос Ноэл. Недовольно нахмурившись, он зарылся лицом в мех и попытался опять заснуть; он видел такой хороший сон, просто замечательный сон. Но его не удержишь. На самом деле ничего этого не было. Томми перевернулся на спину и пробормотал:

– Какая чушь!

– Ты проснулся, милый? – ласково спросила Ноэл.

Несмотря на матрас и мех, Томми ощущал каждую выбоину на дороге. Он лежал в задней части микроавтобуса

«фольксваген», за окном было темно. Ноэл сменила его за рулем в четыре часа дня, когда он решил поспать несколько часов, чтобы быть в форме, когда они прибудут на место.

– Томми? Ты проснулся? – снова окликнула его Ноэл.

– Какая чушь, – повторил он. – Который час?

– Без двадцати девять, – ответила девушка. – Мы почти на месте.

Томми сел. Невысокого роста, стройный, с длинными кудрявыми волосами, которые придавали ему вид библейского отрока, Томми Карпентер выглядел на шестнадцать лет, хотя ощущал себя восьмидесятилетним; на самом деле ему недавно исполнилось двадцать четыре года.

– Нисколько не отдохнул, – пожаловался он, чувствуя себя еще более разбитым и усталым, чем до сна.

– Какой же отдых, если мы все время в пути, милый, – посочувствовала ему Ноэл. – Я ведь тебе говорила: когда едешь, тело не отдыхает.

– Ты права, – согласился он, потерев руками лицо. – Найди телефон-автомат, ладно? Мне надо позвонить.

– Хорошо.

Его башмаки валялись в куче вещей, набросанных в кузове. Один отыскался сразу, а другой затерялся в гряде одежды, сваленной на полу, коробок, пакетов с консервами и всякого хлама, Томми с трудом разыскал его. Обувшись, он пробрался к переднему сиденью и уселся рядом с Ноэл.

Они ехали по пригороду, частные владения простирались

по обе стороны дороги.

– По-моему, я слишком рано съехала с шоссе, – сказала Ноэл.

– Так где мы сейчас, черт возьми? – недовольно спросил Томми.

– Мотель где-то рядом. Смотри, вон открыта какая-то забегаловка.

Это оказался бар. Ноэл остановила машину, и Томми зашел туда.

Его встретили недружелюбные взгляды завсегдатаев, но он уже привык к такому приему; добропорядочные обыватели, похоже, никогда не смиряются с существованием хиппи. Войдя в телефонную будку, Томми нашел в справочнике номер мотеля и, позвонив дежурному, попросил соединить его с Эдом Мак-Кеем; трубку взяла женщина.

– Эд здесь? – спросил Томми. В трубке раздался жизнерадостный, грубый голос Мак-Кея.

– Слушаю!

– Это Томми.

– Да. Где ты?

– В городе, – ответил Томми.

– Подъезжай. Мы встречаемся в девять, – поторопил его Мак-Кей.

– Скоро буду, – пообещал Томми и, повесив трубку, возвратился к автобусу, где Ноэл тем временем, открыв банку тунца, приготовила сэндвичи из белого хлеба с сыром.

– Ты уже поела? – спросил ее Томми.

– Только что. Едем прямо туда?

– Да. Встреча назначена на девять. Ноэл продолжала вести машину, пока Томми ел; через несколько кварталов она нашла маленький бакалейный магазинчик, который еще работал, несмотря на поздний час, и остановилась, чтобы купить пару банок холодной колы. Томми запил тунца и сэндвичи кока-колой и, покончив с едой, сам сел за руль.

– Ты помнишь номер его комнаты? – спросил он Ноэл, когда они подъехали к мотелю.

– Ты говорил, сто тридцать семь, – не задумываясь ответила девушка.

– Верно.

На площадке перед этим номером уже стояла машина.

– Я не знаю, сколько времени пробуду там, – предупредил Томми.

– Около ресторана я видела стоянку, я подожду тебя там, – успокоила его Ноэл.

– Договорились. – Поцеловав ее, Томми вылез из машины, и Ноэл тут же отъехала.

Томми немного задержался перед дверью номера, стряхивая крошки с одежды, приглаживая ладонями волосы, – одним словом, приводя себя в более пристойный вид перед столь ответственной встречей. Сочтя, что выглядит вполне прилично, он постучал в дверь под номером 137.

– Привет, парень. – Дверь открыл сам Эд Мак-Кей. – Да-

вай заходи.

Томми уже дважды доводилось работать с Эдом, но впервые Эд сам привел его к делу. Это свидетельствовало о большом доверии, большей симпатии, о более высоком уровне межличностных отношений. Томми углубился в собственные переживания и чувствовал себя очень неловко, когда, поздоровавшись с Эдом, вошел в комнату; ему хотелось понять, что же практически означал этот новый уровень отношений.

Женщины, подходившей к телефону, в комнате не оказалось, в ней сидели трое мужчин, ни с одним из них Томми прежде не встречался. Все они посмотрели на него равнодушно, и Томми это понравилось; люди, переступившие закон, похоже, более терпимо относились к различию между собой.

Эд Мак-Кей представил его находившимся в комнате, мужчин звали Паркер, Стен Деверс и Лу Стернберг. Они ответили на его приветствие, но никто не протянул ему руки.

Из этой троицы по возрасту ближе всех ему был Деверс, он всего на два-три года был старше Томми. Но выглядел он как вполне добропорядочный гражданин, вроде тех парней, которых показывают в телерекламе. Маленький, толстый Стернберг сидел с недовольным видом, будто у него болел живот. Высокий, худой Паркер имел суровый вид, казалось, он с головой погрузился в мысли о человеке, с которым ему предстояло свести счеты; впрочем, очевидно, сей-

час этого человека не было среди присутствующих. Томми никак не мог вспомнить, кого же напоминает ему Паркер.

Познакомив всех друг с другом, Эд Мак-Кей изложил суть дела. Предстояло грабануть фургон с картинами. Покупатель уже имелся, о цене тоже договорились.

– Мы будем брать их, когда картины повезут в другой город. Где они сейчас? Здесь? – задал первый вопрос Стен Деверс.

– Нет, – ответил Мак-Кей. – Картины находились здесь, на выставке, и мы с Паркером сходили посмотреть на них. Сейчас они в Индианаполисе.

– Вы хорошо изучили способ их транспортировки? – спросил Стернберг.

– Да, – ответил Мак-Кей, – на пути от нашего города до Индианаполиса. Мы считаем, что они не станут каждый раз менять систему перевозки.

– Можете рассказать поподробнее об этой системе? – попросил Стернберг.

– Один трейлер, – пояснил Мак-Кей. – Плюс две машины с частной охраной: одна впереди, другая сзади. Плюс полицейская машина для сопровождения. Полицейские машины меняются на границах своих участков.

– Нелегкое дело, – заметил Деверс. Томми считал это дело совершенно невыполнимым. Но на таких встречах он старался поменьше говорить и более тщательно обдумывать все детали. Вопросы можно задать и позднее. Он также заметил,

что рано или поздно другие участники почти наверняка коснутся тех моментов, на, которые он сам обратил бы внимание, если бы решился заговорить. Именно так и сделал сейчас Деверс.

На вопрос Деверса отвечал Паркер, впервые принявший участие в обсуждении.

– У меня еще ни разу не было легкого дела, – сказал он. – Но нам кажется, что мы разработали неплохой план и знаем, как повернуть это дело.

И тут Томми вспомнил, кого напоминал ему Паркер. Четыре года назад Томми жил в коммуне хиппи, которая позднее распалась из-за неурядиц на сексуальной почве. Но поначалу жили они очень дружно. Все беды начались из-за неприязни обывателей близлежащего городка. Организаторы коммуны пару раз обращались к адвокатам, так как полиция целиком поддерживала местных жителей. Но адвокаты не сумели помочь им. Как-то раз двух девушек из коммуны хиппи избили и изнасиловали местные парни, когда те возвращались из города. Как выяснилось, у одной из них отец возглавлял какую-то строительную компанию в Чикаго; он прислал к ним своего человека, чтобы уладить конфликт. Звали его Тукер, и говорил он очень спокойным, немного хрипловатым голосом. Тукер никогда никому не, угрожал, но в его присутствии почему-то возникало ощущение, что через десять секунд произойдет убийство. Он пристально, не мигая, смотрел на того, с кем разговаривал, и был порази-

тельно скуп на слова. Тукер отправился в город, переговорил там кое с кем, и внезапно коммуна хиппи перестала волновать полицию и местных жителей. Тукер вернулся в комму-ну и сказал: «С вами все будет в порядке».

И после его отъезда неприятности действительно прекрати-лись.

Паркер принадлежал к той же породе. Глядя на него, Томми вдруг ужасно захотелось задать глупый вопрос: не знаком ли он с человеком по имени Тукер? Но он, конечно, не стал делать этого.

– А как насчет денег? – спросил тем временем Лу Стерн-берг.

– Мы получим сто шестьдесят тысяч, – ответил Мак-Кей.

– Когда? – не унимался Лу.

– Я получу завтра десять кусков в качестве задатка, – от-ветил Мак-Кей. – Наш покупатель соберет наличные и к на-чалу следующей недели положит сто пятьдесят тысяч на три счета в разные сберегательные банки. Банковские расчетные книжки будут храниться у меня. Когда мы провернем это де-ло, то отдадим ему картины в обмен на наличные и разделе-лим деньги поровну на пятерых. По тридцать тысяч каждо-му плюс то, что останется от первых десяти тысяч.

Тридцать тысяч долларов. Томми довольно усмехнулся, подумав об этом. Для него это означало два года жизни без всяких забот, вот что означали эти деньги. Два года ничего не делать, ни о чем не волноваться, кататься по стране с Ноэл

и принимать каждый день таким, каким он выпадет.

Если бы только удалось повернуть это дело, если бы только оно выгорело! Томми наклонился вперед, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил каждый.

Глава 4

– Держись, Бренда, – побрякивая от напряжения и тяжело дыша, выговорил Мак-Кей. Его руки, как клещи, впились в ее тело, голые ступни будто вросли в холодный пол, голени прижаты к краю кровати. – Держись, детка.

Она проговорила что-то невнятно, уткнувшись лицом в подушку. Это был ее коронный номер: уткнувшись носом в подушку, нести всякий вздор приглушенным голосом; потом она станет говорить быстрее, громче, а к концу покажется, что она говорит по-японски.

– Держись, – повторил Мак-Кей. Это его Словечко, он каждый раз повторял его, сам не понимая, что имеет в виду; но всегда говорил одно и то же. Пот струился по его телу, хотя в комнате было прохладно, работал кондиционер. Мышцы Мак-Кея также неустанно работали, он еще пару раз повторил свое словечко, а потом замолк. Бренда продолжала бормотать свою японскую белиберду еще несколько секунд, уже без его участия, будто пела соло после вступления, сыгранного всем оркестром; потом и она замолкла.

Мак-Кей протяжно и медленно вздохнул, он ощущал такое изнеможение, будто его вывернули наизнанку.

– Радость моя, здесь чертовски холодно, – сказал он, улыбаясь, в затылок Бренде. Она пробормотала что-то в подушку.

– Ты права, – согласился Мак-Кей. Все еще улыбаясь, он постоял молча пару минут, а потом отправился в душ.

Когда он вернулся, Бренда дремала, укрывшись одеялом.

– Я не знаю, когда вернусь, – сказал он.

Она что-то промычала в ответ, лениво улыбнулась и опять закрыла глаза.

Мак-Кей оделся, склонившись над кроватью, поцеловал Бренду и вышел в промозглые сумерки. Дождь шел с перерывами почти весь день. Сейчас облака почти рассеялись, но воздух оставался влажным.

Сев в машину, Мак-Кей через весь город направился к дому Гриффита. По дороге он думал о команде, собравшейся на это дело, и не находил в ней изъянов. Паркер, как всегда, на высоте: начал с того, что выставил Гриффита на тридцать тысяч, а потом придумал отличный трюк с подменой полицейской машины. Лу Стернберг чем-то напоминает ворчливую старую бабу, но человек он надежный, не подведет, а уж если он взялся за работу, можно не сомневаться, что все будет сделано на высшем уровне. Мак-Кей считал, что им здорово повезло со Стернбергом: хорошо, что он оказался в Соединенных Штатах и как раз искал работу.

Да и Томми Карпентер неплохой парнишка. На свой лад настоящий маньяк, но нуждается в деньгах, абсолютно лишен чувства страха и плюет на все условности. Мак-Кей ухмыльнулся, вспомнив, какая роль отводилась Томми в грабеже: в основном план уже разработан.

Единственный, с кем Мак-Кею не приходилось раньше встречаться, был Стен Деверс, молодой парень, которого рекомендовал Паркер.

Немного развязный, Мак-Кею не понравилось, как он вел себя с Брендой, когда вчера он знакомился с ними, но при обсуждении дела Деверс произвел впечатление человека серьезного и опытного, а это немаловажное обстоятельство. Кроме того, его рекомендовал Паркер, а Паркер весьма ответственно подходил к отбору тех, с кем ему предстояло работать.

Так что вся команда в сборе, теперь надо получить аванс и заняться подбором необходимого материала. За этим авансом Мак-Кей сейчас и отправился.

Когда он добрался до дома Гриффита, уже совсем стемнело. На этот раз около дома не было ни одной машины, а из внутреннего дворика не доносились звуки музыки. Весь дом был погружен в темноту, слабый свет пробивался только из внутренних комнат, и Мак-Кею пришлось трижды позвонить у дверей, прежде чем наконец зажегся свет в одном из окон фасада и сквозь стеклянную панель парадной двери он увидел идущего по коридору Гриффита.

Гриффит показался Мак-Кею раздраженным и подавленным. Его настроение не улучшилось после схватки с Паркером, но Мак-Кея это не заботило. Раздраженно-брюзгливое настроение Гриффита облегчало ему деловые переговоры, ставило его в более выгодное положение.

Это давало Мак-Кею лишний козырь при выработке условий платежа. Мак-Кей вызвался сам провести эти переговоры отчасти потому, что *sine* одна встреча Паркера с Гриффитом могла стать причиной провала всей сделки, а отчасти из желания показать Паркеру, что и он может управлять Гриффитом. Гриффит начал с заявления, что он, конечно, заплатит, когда получит картины. Мак-Кей нажал на него, и раздражение Гриффита усилилось. В конце концов Мак-Кей договорился с ним относительно счетов в банке и, кроме того, вырвал у него согласие заплатить первые десять тысяч до начала работы. Гриффиту очень не понравился этот последний пункт, но Мак-Кей заставил его назвать точную дату получения аванса. Доведенный до точки кипения, потерпевший поражение по всем пунктам, Гриффит назначил встречу: они должны встретиться сегодня. И вот Мак-Кей прибыл.

– Вы явились, конечно, за деньгами, – сказал Гриффит, посмотрев на него с кислым видом.

– Вы, конечно, достали их, – в тон ему ответил Мак-Кей, подумав про себя: а что ему, собственно, делать, если Гриффит не нашел их?

– Конечно, – к облегчению его, ответил Гриффит, – заходите.

Мак-Кей закрыл за собой дверь и следом за Гриффитом направился по коридору в его маленький кабинет. Гриффит уселся за стол и достал из ящика плотный коричневый конверт размером девять на двенадцать дюймов. Он небрежно

бросил его на стол. С многозначительным видом задвинул ящик стола, Гриффит недовольно посмотрел на Мак-Кея.

– Вы понимаете, что это означает для меня? – раздраженно спросил он.

– Вчера вечером у нас состоялась в мотеле первая встреча, – ответил Мак-Кей. – Собралось пять человек. Мы не стали бы собираться ради двух кусков на каждого.

– А если вы оставите всех с носом и улизнете с десятью тысячами? Подставите и меня, и своих приятелей? – ехидно спросил Гриффит.

– Об этом можете не беспокоиться, – усмехнулся Мак-Кей. – Тогда мои приятели достанут меня со дна морского и пришьют. Кроме того, я так не работаю, и все мои приятели знают, что мне можно доверять.

Сквозь плохое настроение Гриффита все яснее проступала его нервозность. Он нежно погладил конверт.

– Как только я передам его вам, – сказал он задумчиво, как бы размышляя вслух, – это дело станет реальностью. Я по уши увязну в нем.

– Вы уже увязли, – возразил Мак-Кей. – Ни вы, ни я не отважимся сказать моим четырем партнерам, что они собрались зазря.

Гриффит закрыл глаза. Выглядел он отвратительно. Похоже, он сильно нервничал. Губы его беззвучно шевелились, будто он с закрытыми глазами читал вслух собственные мысли.

Мак-Кею стало жалко этого несчастного выродка: он, конечно, не привык к такой жизни.

– Послушайте, – обратился он к Гриффиту, – не принимайте вы все так близко к сердцу.

Гриффит беспомощно замигал в ответ на его слова. Его физическое состояние ухудшалось с каждой секундой, он напоминал затравленного зайца.

– А если вас поймают? – спросил он, с тревогой глядя на Мак-Кея.

– Тогда нам грозит куча неприятностей, – ответил Мак-Кей.

– А как же я?

– Ваше имя не всплывет, – успокоил его Мак-Кей. – А если и всплывет, против вас все равно нет никаких улик. Вам надо только все отрицать.

– Нет, нет, – возразил Гриффит, энергично трясая головой, как бы желая показать, что он имеет в виду совсем другое. Но не стал развивать дальше свою мысль.

– Так о чем же вы беспокоитесь? – спросил, нахмурившись, Мак-Кей, до которого не дошел истинный смысл этого вопроса.

Голова Гриффита, как маятник, качнулась назад-вперед.

– Ничего, ничего, – повторил он. Неожиданно он резко толкнул конверт в сторону Мак-Кея, так что лежавшая на его пути ручка скатилась на пол. – Вот деньги, забирайте их.

– Порядок. – Мак-Кей взял конверт, ощутив внутри тол-

стую пачку банкнотов. – Что же касается остальных денег... – начал он.

– Вы получите их, получите! – прервал его Гриффит.

Чем пронзительнее звучал голос Гриффита, тем более спокойно говорил Мак-Кей.

– Знаю, что получу их, – ответил он. – Вопрос в другом: когда?

– Вовремя, вовремя, все в порядке, получите их в срок! – выкрикнул Гриффит.

– Картины повезут из Индианаполиса в следующий вторник...

– Мне не надо напоминать об этом, – прервал его Гриффит.

– Значит, понедельник – последний срок, – неумолимо продолжал Мак-Кей.

– Хорошо, хорошо!

Гнев Гриффита не произвел ни малейшего впечатления на Мак-Кея.

– Так я жду вашего звонка в понедельник, – спокойно повторил он. – Вы меня не проводите? – спросил он.

Гриффит, сощурившись, посмотрел на него, его пальцы нервно перебирали лежавшие на столе предметы.

– Дорогу знаете, – ответил он. Не глядя на Мак-Кея, он сосредоточенно изучал свои пальцы. – Идите сами, – повторил он.

– Скоро увидимся, – сказал Мак-Кей, выходя.

На несколько секунд он задержался у порога, ему не нравилось эмоциональное состояние Гриффита, но помочь ему он не мог. Пожав плечами, Мак-Кей вышел из комнаты, не закрыв за собой дверь. Миновав следующую комнату, он открыл дверь и громко захлопнул ее, оставшись сам в комнате. На цыпочках он вернулся к открытой двери кабинета и встал так, чтобы Гриффит его не видел, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Может, Гриффит позвонит кому-то, может, как-то прояснится, почему он так нервничает.

Долгих две или три минуты Мак-Кей ждал, затаив дыхание, но в комнате царил тишина. Наконец, осторожно наклонившись вперед, он заглянул в кабинет.

Гриффит по-прежнему сидел в своем кресле, положив руки на стол. Он дрожал с головы до ног, его бил озноб, как в лихорадке. Склоненная к груди голова тоже тряслась.

Мак-Кей, нахмурившись, с любопытством смотрел на него. Что-то блеснуло на щеке Гриффита. Мак-Кей сощурился, чтобы лучше разглядеть, – это были слезы. Гриффит беззвучно рыдал.

Покачав головой, озабоченный Мак-Кей отвернулся и тихо вышел из дома.

Глава 5

Гриффит проснулся, как только колеса самолета коснулись посадочной полосы. Первый толчок разбудил его, а второй напомнил ему, где он находится.

Гриффит распрямил спину, усевшись поудобнее. Посмотрев в иллюминатор, около которого сидел, он увидел, что самолет приземлился в аэропорту Ньюарка. Шел дождь. Гриффит не переставал удивляться самому себе: он никогда не спал в самолете, никогда, а на этот раз проспал весь перелет.

Должно быть, из-за того, что последние несколько ночей он почти не спал. У него сейчас не было любовницы, а один он не привык спать. Но главное не в этом, главное – проблема, связанная с грабежом. Он сожалел, что связался с, этим делом, сильно сожалел, но пути к отступлению отрезаны.

И если Ренард снова откажет ему, то нет и надежды на будущее. Ему не распутать этот узел. Он в ловушке.

Ренард не отвернется от него, это точно. Он должен понять Гриффита, должен помочь ему.

Сейчас половина пятого; хотя сегодня суббота, все равно не самое лучшее время, чтобы добраться до Нью-Йорка. Гриффит автобусом доехал до аэровокзала и оттуда еще раз позвонил Ренарду.

– Если эта встреча так необходима... – Когда Ренард злился, он всегда говорил манерно-медлительно, будто все на

свете ему до смерти надоело. Сегодня он произносил слова еще более медленно, голос его звучал еще более сонно и холодно. Гриффит ни разу не слышал, чтобы Ренард разговаривал столь неохотно, как сейчас.

– Я звоню из аэровокзала, – уточнил Гриффит.

– Неужели? – с неприкрытой насмешкой спросил Ренард.

– Я сразу же поеду к тебе.

– Понятно, – желчно ответил Ренард. – В этом я не сомневаюсь.

Повесив трубку, Гриффит на такси отправился к Ренарду; тот жил в многоэтажном доме с балконами, на западной окраине Центрального парка. Ренард когда-то дал название своей квартире, более пригодное для какой-нибудь картины: «Ренард среди психоаналитиков».

В своем доме Гриффит чувствовал себя космополитом в изгнании, но в Нью-Йорке он ощущал себя заезжим провинциалом. Он сознавал, что психологически ставит себя таким образом в невыгодное положение, и пытался не обращать внимания на это чувство или преодолеть его, но ни разу ему не удавалось справиться с собой.

И особенно неуютно чувствовал он себя в присутствии Ренарда, который столь высокомерно, с таким пренебрежением относился ко всему на свете. А сегодня он вдобавок и смутил Гриффита. Когда он открыл ему дверь, Гриффит остолбенел: хозяин был почти голым, на нем были только небесно-голубые плавки и розовый платок, завязанный уз-

лом на шее. Хотя Ренард был высокого роста, тело его оказалось дряблым, отвисшая грудь, полуприкрытая платком, и складки жира, нависшие над линией плавков, не делали его более привлекательным. Он походил на перестоявшее дрожжевое тесто, которое переливается через края кастрюли.

– Вот и ты, – приветствовал его Ренард с таким видом, будто удивлялся собственному фатализму. – Заходи, если лифт все же доставил тебя сюда.

Гриффит вошел в квартиру, чувствуя робость и злясь на себя за это. Как ни странно, но он ощущал себя так, будто это он встречал гостя почти голышом, а не Ренард.

– Я не хотел объяснять все по телефону, – робко произнес Гриффит.

Ренард одарил его усталой улыбкой, видимо заготовленной на случай более приятного визита.

– Дорогой мой, мне не о чем разговаривать с тобой ни по телефону, ни с глазу на глаз. Но мои невинные желания не принимаются в расчет. Пошли. Я работаю в саду.

Пройдя роскошно обставленные комнаты, они вышли на террасу. Ренард при ходьбе переваливался с ноги на ногу, напоминая домашнюю птицу – то ли утку, то ли гуся. Полусогнутые в локтях и прижатые к телу руки он держал параллельно полу, будто нес большой невидимый поднос или хотел обратить внимание спутника на живописные пейзажи, проносившиеся мимо них.

Пол террасы, пристроенной к зданию, был выложен кир-

пичом, кирпичная перегородка служила оградой. Большая часть полезной площади террасы двадцати футов на восемь была занята различного вида растениями, маленькими деревцами и кустарниками, цветов хозяин не разводил. Гриффиту казалось нелепым разводить в горшках растения, когда напротив квартиры, через улицу, раскинулся Центральный парк. Квартира находилась на двенадцатом этаже, и отсюда был виден практически весь Центральный парк.

Но Гриффит не решился высказать вслух свои мысли. Ренард слишком часто обрывал его, даже если Гриффит высказывал самые тривиальные пожелания, а уж если он осмелится давать ему советы, греха не оберешься.

Ренард передвигал по полу небольшой плотный коврик, чтобы удобнее было стоять на коленях, обрабатывая растения. Сейчас он, кряхтя и пыхтя, наклонился, расправил его и с грацией верблюда опустил на колени. Гриффит позволил себе ухмыльнуться за спиной Ренарда.

– По-моему, тебе лучше сразу сказать, чего ты хочешь, и покончим с этим, – произнес, не оборачиваясь к нему, Ренард. Он рыхлил землю вокруг деревца маленькой лопаткой.

– Мне нужны деньги, – с места в карьер объявил Гриффит, стараясь сохранить бесстрастный, деловой тон.

– Нет, – ответил, полуобернувшись к нему, Ренард все с той же неестественной широкой улыбкой. – Итак, все выяснили. Очень мило, что зашел. Найдешь сам дорогу до двери?

– Я же не получу картины, если не достану сначала де-

нег, – объяснил Гриффит, стараясь не обращать внимания на его тон.

– Этот вопрос мы с тобой уже обсудили, – ответил Ренард, со снисходительным видом помахивая лопаткой. – Привезешь картины – получишь деньги.

– Я нашел людей, готовых взяться за это, но...

Прикрыв глаза с таким видом, будто ему стало больно, Ренард более решительно замахал лопаткой.

– Нет-нет, дорогой, никаких деталей. Я просил бы избавить меня от подробностей.

– Они хотят убедиться, что у меня есть деньги, – объяснил Гриффит. – Иначе они не согласны.

Открыв глаза, Ренард посмотрел на него с наигранным отчаянием, как цирковой клоун.

– Как печально! – насмешливо произнес он.

– Я согласился открыть счета в банке и передать им банковские расчетные книжки, – продолжал объяснять Гриффит.

– Весьма разумно, – заметил Ренард.

– Но у меня нет денег, – повторил Гриффит.

Ренард с печальной улыбкой склонил голову к плечу и слегка покачал головой. С насмешливыми искорками в глазах, все еще улыбаясь, он вернулся к своим растениям.

Гриффит понимал, что не следовало показывать Ренарду всю глубину своего отчаяния, но не мог притворяться.

– Я сделал все, что в моих силах, – продолжал он. – Зало-

жил все, что имел, занял, у кого только мог. У меня безвыходное положение.

Вместо ответа Гриффит услышал, как Ренард негромко прищелкнул языком. Он даже не обернулся, подчеркнуто сосредоточив внимание на этих вонючих растениях.

Гриффит представил себе, как он перебрасывает Ренарда через ограду и тот летит с высоты двенадцатого этажа, а потом расплывается на мостовой, как кусок масла. А все эти проклятые растения, горшки и лопатки летят следом за ним.

Руки Гриффита сами собой сжались в кулаки. Ему во что бы то ни стало надо добиться этой сделки. Ренард – его последний шанс.

– Мне нужно семьдесят тысяч, – глухо произнес он. – Мне необходимо получить эти деньги. И немедленно.

Ренард вздохнул. Сидя на корточках спиной к Гриффиту, он оперся руками о колено и полуобернулся к нему.

– Я не дам тебе денег, – произнес он, отчетливо выговаривая каждое слово. – Это мое окончательное решение по данному вопросу. – И он снова повернулся к своим растениям.

– Если я не достану денег, они не возьмутся за дело, – тупо повторил Гриффит.

Ренард молча пожал плечами, продолжая взрыхлять землю.

– Я уже по уши в долгах! Мне некуда отступить, я слишком глубоко увяз в этом деле. Если я не получу этих картин, мне крышка!

Никакой ответной реакции.

– Черт возьми, Джек! Если они не возьмутся за это дело, ты не получишь своих картин! Ренард только вздохнул.

– Это, конечно, очень печально. – Он сел на коврик, обернувшись к Гриффиту. – Мой покупатель сильно расстроится. Я тоже расстроюсь. Но жизнь от этого не остановится.

– Моя жизнь остановится!

Ренард снова молча пожал плечами, приподняв иронически брови: дескать, а кого это заботит?

– Джек! – взмолился Гриффит. – Я отдам тебе бесплатно еще две картины, по твоему выбору.

– Мне нужны только те шесть, о которых мы говорили, – покачал головой Ренард, – других мне не надо.

– Пойми ты, это же ценные картины, – продолжал упорствовать Гриффит.

– Леон, я не держу у себя украденных вещей, – терпеливо объяснил ему Ренард. – У меня есть покупатель на шесть картин. Ты отдаешь их мне, я передаю ему. Он платит мне, я плачу тебе. Картины находятся у меня максимум полчаса. Я не стану держать у себя краденые картины.

– Они будут у меня!

С презрительной гримасой Ренард снова отвернулся от Гриффита.

Гриффит растерялся. Он стоял, бессмысленно уставившись на жирную спину Ренарда, прикрытую розовым платочком, и больше всего на свете хотел, чтобы все это оказа-

лось сном, чтобы он нашел выход из этого тупика, чтобы он никогда не брался за это дело.

Ренард обратился к нему прежде всего потому, что знал, насколько плохи финансовые дела Гриффита. У Ренарда появился покупатель на шесть картин, которые сейчас возили по всей стране с передвижной выставкой произведений современного искусства. Если бы Гриффит сумел достать их, Ренард готов был заплатить шестьдесят пять тысяч долларов за шесть картин.

Все это выглядело очень заманчиво, но вскоре дела вышли из-под контроля. Почему надо ограничиваться шестью картинами? Почему не забрать все – на выставке экспонируется двадцать одна картина, – а потом найти покупателя на остальные пятнадцать? В отличие от других украденных товаров, которые продают гораздо дешевле их товарной стоимости, к украденным произведениям искусства у некоторых покупателей возникает романтический интерес. Картину, которую нельзя будет выставлять, часто покупают по более высокой цене, чем она стоила бы при законной купле-продаже.

Через своих знакомых по бизнесу Гриффит вышел на Мак-Кея, и поначалу задуманная операция казалась простым и легким делом. Мак-Кей выполнит заказ за сто тридцать тысяч долларов. Эта сумма в два раза превышала то, что собирался заплатить ему Ренард за шесть картин. Гриффит отдаст Мак-Кею те деньги, что получит от Ренарда, шесть-

десять пять тысяч, после удачно проведенной операции, а остальные выплатит ему приблизительно через год, когда продаст оставшиеся у него пятнадцать картин.

Все шло прекрасно, пока не появился дружок Мак-Кея, Паркер, тут-то и возникли осложнения. Гриффит позволил Паркеру расколоть его еще на тридцать тысяч долларов, потому что у него все еще оставался солидный резерв – пятнадцать картин, которые он собирался оставить себе. А потом выяснилось, что от него требуют доказательств его платежеспособности. Гриффит согласился на их условия, потому что к этому времени сделка стала иметь для него перво-степенное значение; он видел в ней единственный выход из своего затруднительного положения. В последние несколько лет Гриффит стал богатым человеком, но затем дела его пошатнулись и пошли на спад, а у него все еще сохранялась уверенность, что деньги всегда можно добыть тем или иным способом.

Он ошибался. Гриффит заложил все, что мог, задолжал всем, кто соглашался дать ему займы, и у него все еще не хватало семидесяти тысяч долларов. А он теперь хорошо знал обоих, Мак-Кея и Паркера; они не возьмутся за эту операцию, пока не уверятся, что получат свои деньги.

А если он не сумеет их достать? Финансовое положение Гриффита пошатнулось уже давно; теперь, когда он столько должен, когда он так глубоко увяз в этом деле, пути к отступлению отрезаны. Ему необходимо получить эти картины, на-

до достать деньги, чтобы профинансировать это ограбление, иначе он конченный человек.

Гриффит молчал, обдумывая ситуацию и тупо уставившись в спину Ренарда. Ренард снова обернулся к нему, и, очевидно, выражение лица Гриффита встревожило его, возможно, даже напугало. Он привстал на колени и крепче сжал в руках лопатку.

– Ты что, действительно дошел до ручки? – спросил он; на этот раз в его голосе прозвучало что-то, похожее на участие.

Гриффит не знал, что увидел или о чем подумал Ренард, но быстро сообразил, что следует воспользоваться изменившейся ситуацией.

– Да, – ответил он решительно, – мне позарез нужны деньги.

Ренард задумался. Облокотившись на перила террасы, он молча смотрел на парк. Наконец, все еще не отрывая взгляда от раскинувшегося перед ним пейзажа, он произнес:

– Можно, конечно, одолжить их.

– Я взял в долг везде, где мог, – возразил Гриффит. – Не осталось человека, у которого я не просил бы денег.

– Я говорю о другом, – ответил Ренард, искоса бросив на него взгляд.

– Не понимаю, о чем ты, – покачав головой, сказал Гриффит.

– Я знаю людей, которые могли бы дать тебе в долг. Но с ними опасно иметь дело, – предупредил Ренард.

– Кто они? – нетерпеливо спросил Гриффит. Не отвечая ему, Ренард хмуро разглядывал раскинувшийся внизу парк.

– Честно говоря, не знаю, как поточнее назвать их. Полагаю, что они как-то связаны с мафией, – проговорил наконец он.

– И они дают в долг деньги? – уточнил Гриффит.

– Да. Сколько угодно.

Гриффит не задавал больше вопросов. Он понимал, что за словами Ренарда скрывается какая-то недосказанность, но не знал, что именно тот утаивает от него.

– Так в чем загвоздка? В чем проблема? – не выдержал он молчания.

– В их интересе, – все также задумчиво ответил Ренард. Пристально посмотрев в глаза Гриффиту, он объяснил: – Они берут два процента в месяц.

– Боже мой! – ужаснулся Гриффит.

– Да, это чересчур много, – рассудительно кивнул головой Ренард. – Забудь о том, что я говорил.

– Нет, погоди. – Гриффит погрузился в расчеты; два процента от семидесяти тысяч долларов – это тысяча четыреста долларов. Деньги ему нужны всего на месяц. Четырнадцать сотен долларов – не самая страшная цена, если учитывать его положение. – Мне придется пойти на их условия, – сказал он. – У меня нет выхода.

– Уверен? – спросил Ренард, внимательно посмотрев на него.

– У меня нет выбора, – повторил Гриффит.

– Хочешь, чтобы я позвонил им?

– Да, – ответил Гриффит.

– Что ж, тебе, конечно, виднее, – вздохнул Ренард.

Гриффит не ответил. Ренард еще несколько секунд молча смотрел на него, потом со вздохом поднялся.

– Подожди меня несколько минут, – сказал он, – любуйся пока пейзажем.

Гриффиту, однако, было не до пейзажа. Он стоял на террасе, с трудом переводя дыхание, будто бегом поднимался на двенадцатый этаж. Он смотрел в сторону парка, но не видел его; перед глазами Гриффита мелькали цифры его долгов, те суммы, которые требовались, чтобы погасить их, со всех сторон его обступали цифры.

Ренард вернулся с клочком бумаги в руках. Лицо его приняло обычное выражение, жалость и понимание исчезли бесследно.

– Поезжай к этим людям, – сказал он, – они ждут тебя.

Гриффиту показалось почему-то очень важным не разворачивать эту бумажку в присутствии Ренарда. Взяв записку, он сунул ее в карман брюк, будто все это не имело особого значения, и небрежно сказал:

– Так я дам тебе знать, когда получу картины.

– Будь так любезен, – ответил Ренард, снова опускаясь на корточки перед своими растениями.

– Можешь не провожать, я найду дорогу.

Ренард что-то промычал в ответ. На секунду Гриффита охватила ярость, настолько сильная, что перед глазами поплыли огненные круги. Не сказав ни слова, он резко повернулся, чуть не споткнувшись о порог дверей, ведущих в квартиру, и не глядя по сторонам, на такие уютные и спокойные комнаты, поспешил к выходу.

Только очутившись на улице, Гриффит достал из кармана клочок бумаги и прочитал неразборчивые каракули Ренарда, украшенные множеством завитушек: «Контора по продаже недвижимости Боро», Атлантик-авеню, 299, Брук".

Бруклин. Гриффит был недоволен. Недоволен был и шофер такси, которое он поймал, чтобы добраться по указанному адресу. «Замечательно!» – недовольно буркнул шофер, когда Гриффит назвал ему адрес, по его виду нетрудно было догадаться, что он от всей души желает Гриффиту провалиться в преисподнюю.

За те полчаса, что они добирались до места, ни один из них не произнес ни слова, в машине царил нервная, напряженная обстановка, водитель с трудом прокладывал себе дорогу в плотном потоке машин. Гриффит также нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке при мысли о том, у кого ему придется одалживать деньги. И когда они наконец достигли цели, он почувствовал почти облегчение, что «Контора по продаже недвижимости Боро» оказалась небольшим, обшарпанным помещением, занимавшим первый этаж здания на грязной, замусоренной улице. Неужели здесь Гриффит

фиту дадут семьдесят тысяч долларов, в этой дыре, к грязным окнам которой приклеены скотчем объявления о продаже дешевых квартир?

Гриффит испугался, как бы все это путешествие не оказалось жестокой шуткой, которую решил сыграть с ним Ренард. Гриффит, расплатившись с шофером, вошел в контору, где полная женщина средних лет, с таким пышным бюстом, что на нем свободно поместилась бы шахматная доска, одарила его наигранно приветливым взглядом и поинтересовалась:

– Чем могу быть полезна?

– Я – Леон Гриффит, – ответил он после секундного замешательства, в голове гвоздем засела мысль, что все это слишком похоже на розыгрыш. – У меня вроде бы назначена здесь встреча? – не удержался он от вопросительной интонации.

Как ни странно, женщину не смутил его вопрос.

– Мы ждем вас, – сказала она. – Мистер Смит вас примет. Пройдите в эту дверь, пожалуйста.

Гриффит прошел мимо полудюжины пустых, выдавших виды столов и, открыв дверь в противоположном конце комнаты, попал в маленькую, обшарпанную контору с нищенской обстановкой. Худой мужчина лет пятидесяти сидел за письменным столом. По внешнему виду он был похож на опустившегося адвоката: лоснящийся костюм, мятый галстук, на плечах следы перхоти, водянистого цвета глаза за очками в изогнутой оправе. Но когда он поднял глаза на по-

завившегося в дверях Гриффита, в них появилось какое-то неожиданное выражение, какая-то уверенность в своих силах или понимание своей власти, столь не соответствовавшие ни его внешнему виду, ни окружающей его обстановке.

Гриффит повторил свое имя, и человек, сидевший за столом, улыбнулся скорее из чувства удовлетворения, чем в знак приветствия.

– Входите, – сказал он. – Я мистер Смит. Присаживайтесь.

«Не следует мне находиться здесь, – подумал с тоской Гриффит, – надо уносить ноги, пока не поздно». Но он опоздал: думать надо было раньше, много месяцев назад.

– У вас надежные рекомендации, – сказал мистер Смит. Он достал бланки из ящика стола. – Заполните вот это...

Гриффиту показалось, что перед ним обычные долговые расписки: фамилия, род занятий, доход, банковский счет, рекомендации. Гриффит молча заполнил бланки и подтолкнул их по столу к мистеру Смиту, который внимательно, не спеша принялся изучать их. Гриффит сидел, наблюдая, как мистер Смит читает бумаги, и удивлялся, о чем думает этот человек. Лицо его оставалось бесстрастным.

Наконец мистер Смит удовлетворенно кивнул, отложил в сторону формуляры и обратился к Гриффиту:

– Кажется, все в порядке, мистер Гриффит. Вы знакомы с условиями залога?

– Кажется, знаком, – ответил Гриффит.

– Два процента в месяц, – уточнил мистер Смит.

– Я знаю.

– Минимальный срок – полгода. Гриффит удивленно уставился на мистера Смита.

– Вы этого не знали? – спросил тот.

– Нет. Минимальный срок – полгода: восемьдесят четыре сотни долларов. Это почти десять тысяч.

Мистер Смит одарил его сочувственной улыбкой.

– В таком случае, – продолжал он, – полагаю, вы также не знаете, что проценты за первые полгода мы берем вперед.

– Вперед, – тупо повторил Гриффит, недоверчиво покачав головой, он не верил своим ушам.

– Если вы берете в долг семьдесят тысяч, – разъяснил с дружеским участием мистер Смит, – то на руки вы получите шестьдесят одну тысячу шестьсот долларов. Но, конечно, ваши проценты удерживаются только за первые шесть месяцев.

– Мне нужны семьдесят тысяч, – все еще не понимая смысла сказанного, повторил Гриффит.

– В таком случае, – терпеливо объяснил мистер Смит, – я предлагаю вам взять восемьдесят тысяч, тогда вы получите на руки семьдесят тысяч четыреста долларов.

– А сколько... гм, какой процент?

– Девять тысяч шестьсот долларов, – любезно ответил мистер Смит.

Невероятная сумма. Гриффит нервно облизал пересохшие губы и слабым голосом произнес:

– И... потом я должен за полгода погасить задолженность?

– Нет, нет, совсем не обязательно. Пока будете платить проценты, можете не волноваться об основной сумме.

– Платить тысячу шестьсот долларов в месяц? – уточнил Гриффит.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Смит.

– Каждый месяц я выплачиваю вам проценты, пока не погашу основной суммы, – подытожил Гриффит.

Мистер Смит молча кивнул.

Гриффит понял, что это конец. Почти две тысячи долларов в месяц. Это выбьет его из колеи, ему не выбраться из этой трясины, он никогда не сможет выплатить всей суммы.

Никогда? Господи, конечно, это не так. Он должен со временем собрать восемьдесят тысяч долларов. По крайней мере, в течение года. Любыми способами. Как только он разберется с сегодняшней ситуацией, он займется проблемой займа.

– Будете подписывать бумаги? – спросил мистер Смит.

– Да, – нервно кивнул в ответ Гриффит.

Глава 6

В Индианаполисе выставка закрылась в понедельник в восемь часов вечера. Через десять минут" после того, как из зала вышел последний посетитель и охранники заперли двери, галерея поступила в распоряжение упаковщиков, которые принесли с собой деревянные ящики с пластиковыми прокладками, пюпитры в виде дощечек с зажимами, тележки и брезентовые рукавицы. Они приступили к демонтажу выставки.

Почти две дюжины человек разбрелись по трем комнатам временной картинной галереи; столько народу здесь не появлялось в течение одного часа за все время работы выставки. Пятеро охранников в форменной одежде и с пистолетами на боку наблюдали за действиями рабочих. Восемь человек занимались демонтажем под присмотром двух экспертов по перевозке произведений искусства, которых специально выписали из Нью-Йорка. Два молчаливых представителя страховой компании, оба в отутуженных костюмах, и два представителя благотворительного фонда, действовавшего совместно с правительством, также слонялись по комнатам. Работник местного музея, отвечавший на взаимодействия Индианаполиса с фондом, являвшимся спонсором этого турне, также неизвестно зачем присутствовал при упаковке. Кроме них здесь же бродил еще один, одетый в гражданское детек-

тив.

Рабочие действовали быстро и умело, но все же на упаковку каждой картины уходило много времени. Картину осторожно снимали со стены и укладывали полотном вниз на мягкие чистые прокладки в неглубокие деревянные ящики. Дополнительно по краям укладывали еще слой упаковочного материала, кроме того, слой – наверх, и только после этого крышку ящика скрепляли болтами и гайками. Название картины было заранее написано на крышке и боковых стенках ящика. После окончания всей операции название упакованной картины отмечалось в двух списках, один из которых находился у представителя фонда, а другой – у представителя страховой компании. Затем ящик переносили поближе к дверям и ставили на грузовую платформу, которая стояла в ожидании, пока не будут упакованы и готовы к отправке все картины. Во время упаковки картин никому не разрешалось выходить из галереи или входить в нее.

На упаковку ушло три часа, работу закончили только к половине двенадцатого. После чего один из экспертов по транспортировке доложил о выполнении задания представителю фонда, а тот передал эту новость детективу из городской полиции, который в свою очередь позвонил в участок и сообщил, что они готовы приступить к следующему этапу операции.

Теперь предстояло загрузить картины в трейлер. Крупная общенациональная компания по перевозке и хранению

грузов предоставила по договору о краткосрочной аренде сверхмощный красный тягач с длинным серебристым трейлером, к задней стенке которого крепилась лесенка. Изнутри стены и пол трейлера были обиты темно-зеленой тканью, а к крюкам, вмонтированным в стенки трейлера, прикреплялись длинные канаты, с их помощью привязывали груз, чтобы не повредить его при перевозке. Водитель, работавший в компании, специализировался на транспортировке только произведений искусства. Сейчас он празднично сидел в машине, подогнанной вплотную к погрузочной платформе еще в десять часов вечера, слушал по транзистору концерт легкой музыки, транслировавшийся индианаполисской станцией, и читал одновременно последний роман Тревиса Мак-Ги. Лязг открывшейся двери погрузочной платформы ненадолго оторвал его от событий, развертывавшихся на побережье Флориды, но когда он увидел в левое боковое зеркало своей кабины, что это всего лишь началась погрузка ящиков с картинами, он снова углубился в свою книгу.

До начала погрузки двери трейлера были заперты, а ключ находился у одного из представителей фонда. Он сам отпер их, а когда двери раскрылись, к погрузочной платформе подъехала патрульная машина индианаполисской полиции и остановилась поблизости. Детектив, находившийся в здании, спрыгнул с платформы и подошел к патрульным, сидевшим в машине.

Местные грузчики разгружали этот трейлер, когда карти-

ны доставили в город, сейчас они проделывали ту же операцию; но поскольку они только второй раз имели дело с подобным трейлером и грузом, они четко исполняли инструкции двух экспертов, по транспортировке, указывавших им, в какой последовательности и в каком положении следует грузить упакованные картины. Погрузив ящики в трейлер, они привязывали их особым способом вмонтированными в стенки трейлера канатами. Когда работа была закончена, трейлер был загружен точно так же, как десять дней назад, когда картины доставили в город.

Пока шла загрузка трейлера, патрульная полицейская машина стояла рядом, а пятеро охранников окружили погрузочную платформу, наблюдая за работой и напряженно вглядываясь в окружающую темноту. В Индианаполисе в будние дни спать ложатся рано, а здание, где разместилась временная картинная галерея, находилось на боковой улице; с наступлением темноты движение по ней практически прекратилось.

Из-за тех мер предосторожности, которые следовало применять, и специальных инструкций, которым полагалось неукоснительно следовать, на погрузку картин в трейлер ушло не меньше часа. Был уже почти час ночи, когда двери трейлера наконец закрыли и представитель фонда запер их, крикнув шоферу, чтобы он включил охранную сигнализацию – сирену, которая начинала выть, как койот, если кто-нибудь пытался открыть трейлер без ключа, хранившегося у

представителя фонда.

Когда двери трейлера закрыли, двое охранников прошли до угла улицы, обогнули его и минуту спустя вернулись в двух темно-зеленого цвета «плимутах», арендованных фондом, как и грузовик, на время турне. Еще два охранника уселись на передние сиденья каждого «плимута», а пятый вскарабкался в кабину грузовика, к шоферу. Двое представителей страховой компании уселись на задние сиденья «плимутов», представитель фонда и эксперт по транспортировке произведений искусства заняли свободные места на задних сиденьях «плимутов», оставив одного представителя фонда и одного эксперта по транспортировке на месте: они путешествовали сами по себе и должны были прибыть в Сан-Луис приблизительно за час до основной компании, чтобы убедиться в готовности к приемке ценного груза.

Такое представление разыгрывалось каждый раз, как картины перевозили из одного города в другой; это был уже шестой по счету город, но большинство участников занимались перевозками произведений искусства не первый год, и вся процедура давно превратилась для них в знакомую и порядком надоевшую рутину. Они проделали те же самые операции, что перед отправкой груза в Индианаполис, и проделывали подобные операции уже много-много раз.

Теперь местные грузчики уехали так же, как и организатор выставки. Местный детектив уселся на заднее сиденье патрульной полицейской машины, и водитель грузови-

ка, прогрев мотор, помогая себе мощным движением плеч, повернул руль. Трейлер не спеша оторвался от погрузочной платформы и выехал на улицу. Колонну возглавляла патрульная полицейская машина, за ней следовал «плимут» с двумя охранниками, представителем фонда и экспертом, за ними следовал трейлер, а замыкал колонну второй «плимут», также с двумя охранниками и представителями страховой компании. Караван из четырех машин медленно проехал по Меридиан-стрит и выехал на магистраль номер 70, соединявшую между собой штаты. Кортёж направился по ней на запад, и, когда они достигли границ города, один из полицейских в патрульной машине сообщил об этом по радио в полицейское управление штата, находившееся всего в миле-другой от шоссе.

В полицейском управлении все было приведено в боевую готовность, ждали только звонка. На границе города местных полицейских сменила машина полиции штата, а патрульная машина, развернувшись на Моррис-стрит, вернулась домой.

Кортёж ехал со скоростью сорок пять миль в час, ниже установленного полицией предела, но с максимальной скоростью, разрешенной фондом и страховой компанией. Поскольку от центра Индианаполиса до центра Сан-Луиса двести пятьдесят миль, на дорогу отводили шесть часов; по расписанию они должны были прибыть в Сан-Луис к семи часам утра, с тем чтобы немедленно начать разгрузку. На разгрузку

и развешивание картин отводилось четыре часа, так что до пресс-конференции, назначенной на час дня, и коктейля, запланированного на четыре часа, оставалась уйма резервного времени. Пока все шло строго по расписанию.

До Терре-Хаута семьдесят пять миль, а после него еще десять – до границы штата Иллинойс. Первую полицейскую машину у Кloverдейла, приблизительно на полпути к Терре-Хауту, сменила другая. В столь поздний час движение по шоссе практически прекратилось, мимо них проносились только такие же громадные трейлеры, обслуживающие дальние перевозки; некоторые ехали еще медленнее, чем конвой, но из-за слишком тяжелого груза, а не по требованию страховой компании.

Объезд в сто шестьдесят пять миль шел через штат Иллинойс, от Терре-Хаута, штата Индиана, до Сан-Луиса, штата Миссури. Полицейская машина штата Иллинойс брала на себя охрану груза у города Стейт-Лайн, таким образом в пути груз охраняли четыре разные машины, они менялись приблизительно через каждые сорок миль.

В половине пятого утра патрульная полицейская машина штата Иллинойс, С-562, управляемая полицейскими Джарвисом и его напарником Мак-Эндрюсом, выехала на шоссе номер 70 с 40-й магистрали у Блафф-Сити. Полицейский Мак-Эндрюс связался по радио с полицейской машиной, сопровождавшей в настоящий момент бесценный груз, и узнал, что конвой прибудет к 93-й миле по шоссе прибли-

зительно через десять минут. Стоянка, используемая только для государственных машин, находилась дальше этой отметки; полицейский Мак-Эндрюс информировал своих коллег, что они будут ожидать их на этой стоянке.

До стоянки оставалось буквально две минуты езды, но когда они туда подъехали, то увидели машину.

– В чем дело, черт возьми? – сердито спросил полицейский Мак-Эндрюс. – Ведь частные машины не имеют права пользоваться этой стоянкой, здесь не положено останавливаться.

– "Шевроле" пятьдесят восьмого года, – с презрением сказал полицейский Джарвис. – Старый Драндулет, давно снят с выпуска, ему вообще не место на дорогах. Может, машина сломалась, вот и запихнули ее сюда.

– Не положено ей находиться здесь, – повторил полицейский Мак-Эндрюс.

– Сейчас выясним, в чем дело, – недовольно сказал полицейский Джарвис, развернув машину и остановившись рядом с «шевроле». И тут они увидели, что на одеяле, расстеленном около «шевроле», расположилась парочка.

– Сукин сын! – выругался полицейский Мак-Эндрюс.

Голая задница парня перестала двигаться, когда любовники оказались в свете фар полицейской машины, и он с удивлением уставился на машину, остановившуюся в двух ярдах от его ног. Парень был косматым и волосатым, как горный козел.

– Опять эти хиппи, – проворчал полицейский Мак-Эндрюс.

– Сейчас увидим, – мрачно ответил полицейский Джарвис и заботливо поставил машину на ручной тормоз, прежде чем вылезти из нее.

Пока полицейские выбирались из машины, парень скатился с девицы. Девушка зажмурилась от света и прикрыла глаза руками, как индейский разведчик, но не потрудилась прикрыть все остальное.

Полицейские направились к ним, передвинув поудобнее ремни с оружием. Нахмурившись и излучая праведный гнев, они приблизились к парочке. Парень теперь сидел рядом с девушкой, щурясь от света фар и улыбаясь во весь рот. Всем своим видом он молил о снисхождении. Он был одет, но его брюки и трусы болтались на правой лодыжке.

Девушка тоже была полуодета. Сквозь тонкую рубашку просвечивала грудь, лифчика она не носила, а талию прикрывала скомканная юбка. Но ниже талии на ней не было ничего, на что полицейский Мак-Эндрюс не мог не обратить внимания. Ноги ее оставались раздвинуты в стороны, одна нога согнута в колене. Полицейский Мак-Эндрюс ни разу с такими подробностями не рассматривал свою жену, как сейчас эту девицу. Ему очень хотелось рассмотреть все как следует, скорее из чувства невольного восхищения, чем из похоти, но усилием воли он заставил себя смотреть в глаза парню. Тот беспомощно моргал, водянистые глаза выражали

просьбу о помиловании и надежду на благополучный исход. Все это так привычно и знакомо.

– Что за безобразия? – начал полицейский Джарвис.

Полицейский Мак-Эндрюс молчал, он не знал, что говорить в таких случаях. Джарвис был старше и имел больше опыта общения с населением. Мак-Эндрюс предпочел роль наблюдателя.

– Ох!.. – вздохнул парень, на его лице, как поломанная неоновая вывеска, то вспыхивала, то гасла нервная усмешка.

– Интересно, парень, – продолжал нравоучительным тоном полицейский Джарвис, – понимаешь ли ты, сколько законов нарушил, находясь здесь?

– Ну... мы просто... мы только... – Парень еще раз нервно усмехнулся и закончил: – Мы, наверное, просто возбуждились, вот нам и захотелось трахаться.

Слово «трахаться», произнесенное в присутствии полуобнаженной девушки, возбуждающе подействовало на Мак-Эндрюса, он сам удивился такой бурной реакции. Парень завел его, и он жаждал найти повод, чтобы врезать ему как следует. Его также волновали физические изменения, происходящие в его организме, он не понимал, что с ним творится: ведь он не хотел обладать этой чертовой девкой, он точно знал, что не хочет ее, тогда почему?.. Смотреть не на что: настоящая замарашка и, скорее всего, к тому же больна, хотя на вид ей не больше двадцати, и, уж конечно, опытная развратница... Нет, нет, он не хочет ее.

– Поосторожнее с выражениями, парень, – говорил между тем Джарвис. – Себе же сделаешь хуже.

– Разве слово «трахаться» означает нарушение закона? – издевательски спросил парень.

– Да, если ты произносишь это слово в общественном месте, на шоссе, – разъяснил ему полицейский Джарвис. – А кроме того, эта стоянка предназначена только для служебных машин. Тебе вообще нельзя было заезжать сюда, а тем более... гм, предаваться здесь блуду.

– Я обыщу машину, – предложил Мак-Эндрюс. Ему стало невмоготу, он должен хоть на несколько секунд отойти от этой девчонки.

Полицейский Джарвис молча кивнул, продолжая хмуро разглядывать парня.

Как только полицейский Мак-Эндрюс удалился, парень затащил обычную в таких случаях песню: «Это с нами впервые, нельзя ли все это забыть?» Может, и можно, а может, и нет. Отчасти исход дела зависел от того, что обнаружит в их машине Мак-Эндрюс. А он склонялся к мысли, что найдет либо выпивку, либо марихуану, и скорее всего – марихуану.

Девушка устроилась поудобнее, разлеглась у правого крыла машины, поэтому Мак-Эндрюс обошел машину с левой стороны. У этой модели всего две дверцы, боковое стекло разбито, номер штата Кентукки; странно, что в таком состоянии машину выпустили на дорогу, – правила одинаковы во всех штатах. Полицейский Мак-Эндрюс, недовольно пока-

чав головой, подошел к дверце со стороны водителя, открыл ее и увидел на полу, справа от сиденья водителя, скорчившего мужчину, выглядел он устрашающе. Так же, как и пистолет в его руке, нацеленный прямо в лоб Мак-Эндрюса.

– Одно движение, – сказал мужчина, – и ты мертвец.

Часть четвертая

Глава 1

Паркер наблюдал, как полицейский мало-помалу начинает понимать сложившуюся ситуацию. Его револьвер аккуратно покоится в кобуре, и он не успеет ни захлопнуть дверцу машины, ни броситься на землю, попытавшись таким образом исчезнуть из поля зрения Паркера. Тот все равно успеет всадить ему пулю в голову.

– Не двигаться, – тихо приказал ему Паркер. – Успокойся, все образуется.

– Не знаю, чего вы добиваетесь, мистер, – сказал полицейский таким же спокойным тоном, как Паркер, – но вы сделаете большую ошибку, если вы...

– Все в порядке!

Это голос Стена Деверса.

– Выпрямись и посмотри на своего напарника, – приказал Паркер полицейскому.

Тот сдвинул брови, его лицо выражало скорее растерянность, чем тревогу. Когда он открывал дверцу машины, то согнулся и наклонился вперед, сейчас он все еще стоял в том же положении. Повинуясь приказу Паркера, он выпрямился и посмотрел вверх корпуса машины на своего напарника.

Паркер наблюдал за выражением его лица и видел, что до полицейского уже дошел смысл случившегося. Их обоих сначала сбили с толку, потом разделили, а теперь они находились под полным контролем Паркера.

– Держи руки подальше от дверцы машины, – приказал Паркер, – и отступи назад на три шага. Иди назад, медленно, не спеша.

– Ты пожалеешь об этом, приятель, – зло, с обидой в голосе сказал полицейский. Сжав челюсти, он отступил на три шага и остановился, покорно ожидая дальнейших указаний.

А дальше появился Деверс в полицейской форме, с пистолетом в руке. Форма сидела на нем как влитая, он довольно улыбался.

– Все в порядке, – сказал он Паркеру, – я его уделал.

Паркер с облегчением, расправив затекшие руки и ноги, вылез из машины, открыв ближайшую к себе дверцу, на гравиное покрытие площадки.

Ноэл, успевшая одеться, стояла слева от него, она аккуратно складывала одеяло. Поскольку Ноэл была очень серьезной девушкой, методичной и начисто лишенной чувства юмора, все ее внимание сосредоточилось на том, чтобы как следует расправить уголки одеяла на сгибах.

По правую руку от Паркера в полицейской форме стоял Эд Мак-Кей: он держал на прицеле второго полицейского, пока Томми Карпентер, заведя ему руки за спину, надевал на него наручники. Томми также успел одеться и работал быст-

ро и сосредоточенно. На Мак-Кее полицейская форма сидела не так здорово, как на Деверсе, хотя была ему впору. Он походил на человека, одетого в одежду с чужого плеча; форма сидела на нем так же, как детский комбинезон на обезьяне, которая катается в цирке на трехколесном велосипеде.

Паркер посмотрел на часы: у них в запасе оставалось еще четыре минуты.

– Все в порядке? – спросил он Мак-Кея.

– Лучше не бывает, – ответил Мак-Кей. – Этот парень благородный, посмотри на него.

Взглянув на полицейского, Паркер понял, этот парень более неуравновешенный, чем первый. Но он контролировал свое состояние, понимал создавшуюся ситуацию – одним словом, с головой у него все в порядке, он будет вести себя благородно. Но за ним нужен глаз да глаз, он может воспользоваться любым удобным случаем.

Деверс привел первого полицейского, а Ноэл тем временем сложила одеяло и убрала его в машину. Потом, закрыв дверцу с той стороны, где прятался Паркер, обогнула машину и, открыв дверцу с противоположной стороны, села за руль. Надо было как можно быстрее убрать отсюда «шевроле». На этом ее часть работы заканчивалась; избавившись от «шевроле», она должна была забрать «фольксваген» и ждать в Спрингфилде Томми, который присоединится к ней, когда они закончат операцию.

– Готово, – объявил Томми, отходя от второго полицей-

ского. Он направился к первому полицейскому, чтобы также надеть на него наручники.

Паркер подошел ко второму полицейскому.

– Если у вас достаточно мозгов, – сказал тот, буравя его взглядом, – кончайте с этой затеей прямо сейчас.

– Как вас звать? – спросил его Паркер, пропустив мимо ушей его слова.

– Полицейский Джарвис.

– Имя? – потребовал Паркер.

– Роберт.

– Товарищи называют тебя Бобом?

– Некоторые называют так, – ответил он, сощурившись, после минутного колебания.

– Все в порядке, Боб, относись ко всему попроще, – посоветовал Паркер и отошел к первому полицейскому, которому Томми надевал наручники. – Как ваше имя?

Этот был помоложе и все еще чувствовал себя оскорбленным. Он был больше зол, чем напуган, и это могло доставить им серьезные неприятности. Проще иметь дело с человеком, правильно оценивающим ситуацию, такие фанфароны, как этот, опаснее. Обменявшись взглядом с полицейским Джарвисом, он ответил с неприкрытой злобой:

– Незачем вам знать мое имя.

Времени у них в обрез. Этот молокосос будет повиноваться указаниям более старшего и опытного полицейского Джарвиса, так что черт с ним. Если заставить Джарвиса по-

виноваться, оба будут вести себя как положено.

– Порядок, – сказал Паркер. – Отправляйтесь вон туда, – махнул он в сторону своим револьвером.

– А может, мне не хочется? – с вызовом ответил более молодой полицейский.

Упрямый осел, да к тому же глуп как пробка... Несколько секунд Паркер обдумывал, чем лучше воспользоваться: словами или рукояткой револьвера. Но Томми Карпентер, не дожидаясь его решения, с такой силой двинул полицейского по крестцу, что тот отскочил.

– Двигай свою задницу, – приказал Томми, – или я буду молотить по ней, пока не добежишь до соседнего округа.

Сельские ребята понимают друг друга с полуслова. Оглядевшись по сторонам, безымянный полицейский послушно побрел в указанном направлении.

Теперь Томми шел впереди, указывая дорогу, а Джарвис с напарником тащились за ним, Паркер замыкал шествие. Но-эл уже отъезжала со стоянки, развив на «шевроле» скорость гоночной машины. Мак-Кей с Деверсом усаживались в полицейскую патрульную машину. Мак-Кей сел за руль, а Деверсу предстояло вести переговоры по радио.

Впереди стояла их собственная машина, «додж»-седан, сошедший с конвейера два года назад. Он был оборудован полицейским радиопередатчиком, по нему они подслушивали переговоры полицейских: когда и где встречать конвой, сопровождавший картины. Десять тысяч, полученные

от Гриффита, пошли на покупку этой машины, радиопередатчика, а также старого «шевроле», полицейских форм, тягача, ждущего их дальше, на шоссе, и всего остального; после всех покупок у них осталось всего несколько долларов.

У «доджа» было четыре дверцы, так что они без труда запихнули полицейских на заднее сиденье. Они неуклюже устроились там, поскольку их руки были скованы за спиной наручниками, но машина была просторной, так что они разместились со всеми удобствами.

Томми сел за руль, а Паркер рядом с ним, положив револьвер на спинку сиденья и не спуская глаз с полицейских. Паркер надеялся, что стрелять не придется, он не хотел такого исхода событий, но не мешало напомнить обоим – практически одному, который отказался называть свое имя, – что такая возможность не исключается.

Они оставили «додж» на развилке, неподалеку от стоянки, чтобы его не заметили полицейские, которым предстояло сопровождать трейлер. «Додж» развернули носом к стоянке, откуда должен был прибыть конвой. Машина была готова тронуться в путь. Как только все разместились, Томми рванул с места, правя машиной столь же лихо, как Ноэл. Когда они проезжали мимо стоянки, Паркер увидел только полицейскую машину с двумя патрульными. Они проехали по шоссе мили две, и тут ожил радиоприемник, настроенный на волну переговоров полицейских.

– Пять-шесть-два? – спросил хрипловатый голос.

– На месте, – ответил Стен Деверс. – Вижу вас. Вы подъезжаете?

– Прибыли точно по расписанию, – сказал склонившийся над рулем Томми с улыбкой.

Паркер молча кивнул, не спуская глаз с заднего сиденья, где полицейские слегка оживились, особенно тот, что отказался назвать свое имя. Они наконец начали понимать, что сейчас произойдет, и один из них вполне мог совершить необдуманый поступок. Пока по радио шли переговоры, перемежаемые праздной болтовней, пока передавали дежурство от одной команды другой, Паркер предложил Джарвису:

– Боб, может, ты переговоришь со своим напарником? Объясни ему, что лучше остаться живым и надеяться на то, что в будущем удастся выступить на суде свидетелем обвинения, если я попаду за решетку, чем получить пулю в лоб.

– Мы не сумасшедшие, – холодно ответил полицейский Джарвис. – На рожон мы не полезем,ждемся подходящего момента.

Сидевший рядом с ним напарник заметно расслабился, видимо отказавшись от планов ударить Томми по башке, зубами открыть дверцу машины и рвануть к ближайшему полицейскому участку за помощью.

– Вот и хорошо, – с удовлетворением сказал Паркер, подчеркнуто обращаясь к одному только Джарвису, чтобы не раззадоривать понапрасну его напарника.

– Тогда остается выяснить, – сказал Джарвис, – насколько

благоразумны твои люди.

– Мы не собираемся убивать вас, если только вы не заставите нас применять оружие, – ответил Паркер. – Теперь все ясно?

– Не совсем, – пробормотал Джарвис. Переговоры по радио прошли успешно, передача груза состоялась, Мак-Кей с Деверсом возглавляли теперь конвой, ведя его за собой по дороге.

– Мне нравится аккуратная работа, – усмехнувшись, сказал Томми. – Аккуратная, умелая и организованная.

– Тогда тебе понравится и в тюрьме, – ядовито заметил безымянный полицейский. Никто не отреагировал на его слова. Его реплика осталась без ответа, промолчал даже полицейский Джарвис. Лицо его напарника залила краска.

Заморгав, он демонстративно уставился в окно, притворившись, что покраснел не от того, что совершил оплошность; он даже прикусил себе щеку, лишь бы не краснеть, но и это не помогло.

До выезда на шоссе номер 51 оставалось несколько миль. Они свернули на север, следом за Ноэл, которой предстояло добираться до Спрингфилда по шоссе номер 51 и номер 29. Но сидевшим в «додже» не надо было ехать так далеко. Они не доехали даже до Рамсея; за несколько миль до этого городка они свернули вправо, на узкую дорогу, ведущую к реке Казказкиа.

Именно здесь Мак-Кею с Деверсом предстояло остано-

вить конвой и объявить всем, что они получили сообщение по радио о серьезной аварии, случившейся впереди, неподалеку от Гамбурга, и о том, что дорога заблокирована. Поэтому им придется сделать объезд через Рамсей и Хиллсборо, с тем чтобы у Гринвилла выехать на основную магистраль. Если у кого-нибудь из сопровождавших трейлер окажется под рукой карта, маршрут этот не вызовет подозрений: отклонение от основного направления покажется незначительным.

В случае, если бы у них возникли осложнения, Деверс должен задать по радио вопрос: «Это Тобин?» Тогда Паркеру, Томми и Лу Стернбергу пришлось бы срочно уносить ноги из этого региона, предоставив Мак-Кею и Деверсу на свой страх и риск самим выпутываться из сложившейся ситуации.

Проехав с полмили по боковой дороге, они с Томми увидели узкую, грязную грунтовую дорогу, сворачивавшую вправо. Томми развернул машину носом к ней и остановился, не выключая мотор и фары.

– Выходите из машины, – приказал Паркер. – Но медленно и осторожно.

Джарвису предстояло вылезать со стороны Томми, второй полицейский остался на попечении Паркера. Все прошло гладко, и оба полицейских, выбравшись из машины, покорно отправились в лесок по правую сторону от дороги. Там их усадили на землю, спиной к дереву, а затем крепко привязали, пропустив предварительно ремень через локти ско-

ванных за спиной рук.

– Мы еще встретимся с вами, – пообещал более молодой полицейский. Чтобы потешить собственное самолюбие, он разговаривал агрессивно и грубо.

– Ты и не узнаешь меня, даже если доведется встретиться, – рассмеялся в ответ Томми. – Как ты отличишь одного хиппи от другого?

– Твои космы просто для маскировки, – громко и зло возразил полицейский, – неужели ты думаешь, что я куплюсь на это? Я запомнил, как ты выглядишь, и не забуду твое лицо.

Томми расхохотался, ухватившись за дерево, чтобы не свалиться. Паркер, наблюдавший за другим полицейским, Джарвисом, увидел, что тот не собирается реагировать на слова своего напарника. Как и Паркер, он понимал, что его партнер только что сморозил глупость, и не имело значения, соответствовала она истине или нет. Если он сейчас соврал, то выставил себя дураком, а если сказал правду, то просто напрашивался на то, чтобы его убили.

– Парень, ты не тот, за кого себя выдаешь, – выдавил Томми, все еще продолжавший смеяться. – Ты занимаешься не своим делом. С удовольствием держал бы тебя для забав в клетке, тыкал бы тебя время от времени палкой и наслаждался твоей болтовней.

– Именно так мы с тобой и сделаем, – спокойно ответил Джарвис. Он не угрожал и не бахвалился, как его напарник, и на Томми это разу произвело впечатление.

Он утратил игривое настроение и стоял, не сводя глаз с Джарвиса. В ярком свете фар Паркер заметил, что Томми собирается ударить полицейского. Паркер не видел в этом ни смысла, ни необходимости.

– Пошли, время поджигает, – вмешался он. Томми медленно обернулся к нему, глаза его угрожающе сверкнули в свете фар.

– Ладно, – безучастно согласился он и следом за Паркером побрел к машине.

Теперь они поменялись местами. Паркер сел за руль, а Томми занял место рядом с ним. Паркер подал машину назад, с трудом развернулся на узкой дороге и поехал назад, к двухполосному шоссе. Выехав на шоссе и никуда не сворачивая, он поставил машину так, что практически загородил проезжую часть дороги. Сбросив скорость, медленно выворачивая руль влево, он проехал несколько футов, поставив машину так, что правое переднее колесо оказалось на обочине. Кузов машины по диагонали перегораживал дорогу, а свет ее фар был виден с той стороны, откуда приближался конвой.

– Ты сумеешь вывести ее потом на дорогу? – поинтересовался Томми.

– Да, – коротко ответил Паркер. Выключив мотор, он не стал гасить фары и вылез из машины. Томми выбрался следом за ним. Они пересекли шоссе и вдоль обочины прошли около двухсот футов в южном направлении. Фары «доджа»

освещали им путь. Остановившись, Паркер на глаз измерил расстояние, отделявшее их от машины.

– Достаточно, – решил он и, сойдя с шоссе, скрылся за деревьями.

Отойдя футов десять – двенадцать от шоссе, они остановились. Прислонившись спиной к деревьям, они ждали появления конвоя, внимательно следя за дорогой.

– Только бы не появился до их прибытия какой-нибудь добрый самаритянин, – озабоченно сказал Томми.

– Мы все просчитали, – ответил Паркер. – На этой дороге до семи – половины восьмого утра движения нет.

– Всего не предусмотритишь, – резонно возразил Томми. – Может, какой-нибудь дурак спьяну отправится навестить тетушку Тилли.

Паркер промолчал. Все это справедливо; как ни рассчитывай, всего не предусмотритишь, непредвиденная случайность может разрушить любой разработанный до мельчайших деталей план. Невозможно все предугадать и рассчитать заранее, остается только надеяться, что им никто не помешает. А если что-то случится, даст Бог, они управятся с изменившейся ситуацией, не загубив дела, на которое возлагают столько надежд.

Они ждали около пяти минут, не обмениваясь больше репликами. Но вот тусклый, красноватый отблеск осветил ветки деревьев над их головами – первый признак, указывающий на приближение конвоя. Мак-Кей и Деверс, заметив,

что на дороге произошла авария, включили мигалку и, увеличив скорость, оторвались от остального кортежа. Подъехав к «доджу», они поставили свою машину под углом с таким расчетом, чтобы «додж» и патрульная машина полностью блокировали дорогу.

Огни фар пробивались сквозь окружавшие Томми и Паркера деревья; Паркер почувствовал, как напрягся стоявший рядом с ним Томми. Парень действовал профессионально, с удивительным для его возраста хладнокровием, но когда наступает решающий момент, волнуются все.

Полицейская машина проехала мимо, исчез красный отблеск на ветках деревьев.

– Пошли, пошли, – прошептал Томми.

Вот показались и остальные машины. Первым проехал «плимут», за ним – трейлер, снизивший скорость, и наконец второй «плимут»; его тормозные огни образовали красное световое пятно на дорожном покрытии, осветив красным светом и ветки деревьев над их головами.

Паркер с Томми перебрались поближе к дороге. Второй «плимут» остановился как раз напротив них, и в рождественском наборе цветных огней трейлера видны были силуэты четырех сидевших в нем мужчин, они обсуждали что-то, склонив друг к другу головы, – несомненно, несчастный случай, вызвавший задержку.

Эд Мак-Кей рысью пробежал мимо трейлера к «плимуту». Когда он бежал, несоответствие формы его облику не

так бросалось в глаза. Он подбежал к машине с той стороны, где сидел водитель, и, когда тот опустил боковое стекло, Мак-Кей заговорил очень громко, чтобы его услышали и сидевшие позади.

– Похоже, кто-то лежит под колесами машины, там, впереди. Надо откатить ее в сторону, – сказал он.

Водитель что-то ответил. Вероятно сказал, что нельзя предпринимать никаких действий по отношению к пострадавшему до прибытия «скорой помощи», потому что Мак-Кей возразил:

– Отсюда? В этот час? Наша задача откатить с пострадавшего машину и остановить кровотечение, иначе он умрет. Пошли.

Четверо мужчин вылезли из «плимута»: двое, сидевших впереди, – в форме, двое с заднего сиденья – в гражданском платье. Мак-Кей заорал, чтобы они поторапливались, и все пятеро трусцой направились мимо трейлера к «доджу».

Паркер с Томми, выйдя из-за деревьев, поспешили к машине. Водитель захлопнул свою дверцу, но второй охранник, сидевший рядом с ним, оставил ее открытой. Паркер, скользя в машину, дотянулся до ключа зажигания и выключил мотор. Поскольку мотор трейлера издавал больше шума и находился ближе к ушедшим, они не догадались, что мотор «плимута» не работает. Паркер, забрав ключи от машины, вылез из «плимута» и опустил ключи в карман своей куртки.

Томми стоял у задних дверей трейлера, осторожно выглядывая, чтобы видеть, как разворачиваются события. Как только Паркер, обогнув спереди «плимут», присоединился к нему, Томми, на лице которого плясали желто-красные блики, отбрасываемые габаритными огнями трейлера, с довольной улыбкой сказал:

– Все вышли из машин.

Паркер, встав рядом с ним, осторожно высунул голову из-за кузова трейлера. Впереди двенадцать мужчин суетились около «доджа», свет фар стоявшего впереди «плимута» освещал их фигуры. Мак-Кей с присоединившимся к нему Деверсом орали на них, не давая им времени остановиться и оглядеться и создавая нервную обстановку, мешавшую им заметить, что под колесами «доджа» никого нет.

– Всем встать вдоль машины! – орал Мак-Кей. – Напротив машины! Нам надо всем вместе навалиться на нее, черт побери! Всем встать напротив машины!

Все подчинились его приказаниям. Десять человек выстроились линейкой вдоль «доджа», лицом к машине, спиной к Деверсу и Мак-Кею. Мак-Кей стоял в некотором отдалении, отдавая приказания всей группе, а Деверс работал с людьми, указывая каждому его место; Мак-Кей выполнял роль пастуха, а Деверс – его сторожевого пса.

Паркер, выйдя из-за трейлера, направился к ним. Томми не отставал от него. Пятеро частных охранников, четверо гражданских лиц, водитель трейлера, – все выстроились в

линейку вдоль «доджа». Теперь Паркер, достав револьвер, шел уверенной походкой, не торопясь и не стараясь остаться незамеченным. Они уже держали всех под своим контролем.

Все десять человек полностью подчинялись указаниям Мак-Кея. Он вынул из кобуры, висевшей на правом боку, револьвер и, прицелившись в сторону леса, выстрелил. Под открытым небом звук выстрела прозвучал не очень громко, но все разом замолчали, будто кто-то выключил радио. Все десятеро умолкли, обратив к ним недоумевающие лица. Деверс, мгновенно отступив назад, также достал револьвер. Паркер и Томми, с оружием в руках, встали по обе стороны от Мак-Кея.

– Не двигаться! – заорал Мак-Кей. – Стоять смирно!

Смена декораций произошла в одно мгновение. Их было всего четверо против десятерых, но эти десятеро растерялись, не в силах сразу осмыслить изменившуюся ситуацию; им потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что полицейские офицеры – переодетые грабители, а нескольких секунд оказалось вполне достаточно для нападавших. В недоумении люди застыли на месте, а когда пришли в себя, новая расстановка сил уже закрепились.

Мак-Кей действовал безошибочно, заставив их подчиняться себе, пока они еще не оправились от растерянности.

– Если хоть один из вас шевельнется – убью! Повернуться! Стоять лицом к машине! – заорал он. – Всем повернуться к машине, черт побери! Мне без разницы, кого пристрелить!

Все послушно повернулись лицом к машине, переминаясь с ноги на ногу, толкая друг друга локтями, обмениваясь недоуменными взглядами. Каждый повиновался потому, что повиновался его сосед, и вскоре все десятеро стояли цепочкой, повернувшись лицом к «доджу».

Пока все складывалось удачно, но долго так продолжаться не могло. Паркер с Мак-Кеем держали на прицеле всю группу, а Томми с Деверсом обыскивали всех, отбирая только оружие. Оказалось, что вооружены только пятеро охранников, у каждого в кобуре лежал револьвер. Револьверы отобрали и забросили их подальше, в кусты.

Теперь предстояло лишить их свободы передвижения. В багажнике «доджа» лежали заранее заготовленные куски шнура. Томми достал их, и они с Деверсом пошли вдоль строя, связывая людям руки за спиной.

К этому времени люди уже оправились от удивления, и несколько человек перешли к угрозам: «Вам несдобровать!», «Вам не удастся скрыться!» – полный набор бессмысленных предупреждений. Пусть себе говорят, до тех пор, пока таким образом они выражают свою враждебность и замешательство, можно не опасаться серьезных неприятностей.

Когда связали четверых, Мак-Кей, засунув в кобуру свой револьвер, пришел на помощь Томми и Деверсу, оставив Паркера сторожить оставшихся с оружием в руках. Если бы все захваченные в плен бросились сейчас бежать, наверняка нескольким удалось бы скрыться. Но они не успели зарабо-

тать плана совместных действий, и никто не хотел рисковать в одиночку, так что четверо нападавших без помех закончили свою работу.

То, что произошло дальше, напоминало сцену из фильма о Второй мировой войне. Всех десятерых, как военнопленных, погнали через шоссе к боковой дороге, по которой до этого приехали Паркер с Томми. Паркер сел за руль «доджа» и задом выехал с грунта, затем развернул машину и медленно поехал за Мак-Кеем и Деверсом, которые гнали людей по боковой дороге, освещаемой фарами «доджа». Одетые в форму Мак-Кей и Деверс, а также пятеро охранников усиливали впечатление, что конвоиры ведут в лес военнопленных.

Томми тем временем забрался в кабину трейлера. Первоначально Мак-Кей сам собирался отогнать трейлер с места боевых действий, но когда выяснилось, что Томми, среди других своих многочисленных и зачастую неожиданных достоинств, умеет водить грузовые машины, они поменялись ролями. Мак-Кей нагонял на людей больше страха, чем Томми, если держал кого-то на прицеле. Паркер увидел в зеркале заднего обзора, что Томми, обогнув стоявший впереди «плимут», умчался на своем тягаче.

Они не стали углубляться слишком далеко в лес со своими пленниками, а привязали их ремнями к стволам деревьев, точно так же, как поступили до этого с двумя полицейскими. Мак-Кей охранял постепенно уменьшающуюся группу не привязанных еще пленников, а Паркер с Деверсом зани-

мались своим делом. Справившись с этой работой, все трое вернулись к «доджу». Паркер сел за руль, а остальные устроились на заднем сиденье, чтобы сменить одежду. Пятясь задом, Паркер вывел «додж» на шоссе, и они с Деверсом перегнали оба «плимута» на боковую дорогу, подальше, чтобы их не увидели с шоссе в случае, если мимо проедет какая-нибудь машина. Деверс, не успевший до конца переодеться, был в одних носках, майке и полицейских брюках. Пока они с Паркером бежали назад, к «доджу», по грунтовой дороге, он то и дело негромко побряхтывал, когда под ноги попадались острые камешки. Паркер снова сел за руль, а Деверс забрался на заднее сиденье заканчивать свой туалет. Паркер погнал машину на север.

Он догнал трейлер, ехавший со скоростью около пятидесяти миль в час, неподалеку от городка Окони и ехал за ним несколько миль, вплоть до заправочной станции, находившейся южнее Паны. Окна станции украшал огромный плакат: «Сдается в аренду».

Вдали, на востоке, небо начало сереть – первый признак приближавшегося рассвета, но на земле по-прежнему царилла ночь. Когда Паркер, поставив «додж» на тормоза, выключил фары и Томми, остановивший свой трейлер сбоку от станции, сделал то же самое, поначалу им показалось, что не видно ни зги. Паркер открыл дверцу машины, и зажглась лампочка в салоне, за его пределами ничего не было видно. Паркер вылез на бетонное покрытие автостоянки, Мак-Кей

с Деверсом последовали его примеру. Они уже переоделись в свою одежду. Когда дверцы машины захлопнулись, их обступила абсолютная темнота.

Единственным ориентиром оставался силуэт здания заправочной станции. Паркер осторожно, чтобы случайно не оступиться, обошел кругом бензоколонку и ощупью направился к кабине трейлера. Коснувшись его металлической обшивки, он почти физически ощутил спрятанные внутри картины: полотна, деревянные рамы, масляные краски. Керуан и отдел супермаркета накануне Дня матери, Биглер и шесть скульптур из Сан-Симеона... Только с третьей попытки он добился каких-то результатов.

Но это только начало. Впереди еще большая работа.

Зажглись желтые габаритные огни, тусклые, но хорошо различимые. Это были парковочные огни темно-зеленого «рео», тягача, на боковых дверцах которого красными буквами было написано: «Великие озера. Дальние перевозки. Висконсин, 552-6299». Тягач притулился у здания станции, развернувшись в сторону шоссе. Томми должен был поставить свой трейлер как можно ближе к нему, чтобы габаритные огни тягача освещали трейлер.

Лу Стернберг осторожно спустился по ступенькам кабины. Он был одет не по погоде: в той же кепке, что прежде, но вместо плаща на нем теперь была короткая коричневая кожаная куртка на «молнии». Благодаря куртке, кепке, зеленым штанам из плотной ткани и грубым ботинкам он пре-

вратился из низкорослого грузного бухгалтера в низкорослого грузного водителя грузовика. Обогнув кабину тягача, он присоединился к остальным, собравшимся около его машины.

– Сегодня ночью сыро, – недовольно произнес он вместо приветствия.

– Наверное, напоминает вам родину, – язвительно заметил Томми.

– А ты бывал в Лондоне? – недовольно спросил у него Стернберг, достав из кармана пакетик жевательной резинки без сахара и осуждающе посмотрев на молодого человека.

– Не-а, – беззаботно ответил Томми, – мне климат не подходит: слишком сыро.

– Не болтай зря о том, чего не знаешь, – назидательным тоном произнес Стернберг, разворачивая пакетик с жевательной резинкой.

– За дело! – оборвал их затянувшийся диалог Паркер.

– Верно, – кивнул Стернберг.

Засунув в рот жевательную резинку, он положил обертку в карман куртки и направился к своему тягачу. Паркер пошел за ним, а остальные занялись другой работой. Они предварительно отрепетировали свои действия, но им не приходилось еще работать при таком скудном освещении. На грязной стенке кабины тягача, там, где обычно прицепляют трейлер, были прикреплены две лестницы, связанные веревками. Паркер со Стернбергом молча отвязали их, а веревки за-

бросили в кабину, потом перенесли лестницы к украденному трейлеру, поставив каждую у его боковых стенок.

Трое остальных тем временем достали из багажника «дожда» необходимое оборудование: банки красной краски с распылителем и большого размера картонные трафареты, два на три фута каждый лист с одной только буквой.

Работать в темноте оказалось очень трудно. Мак-Кей и Деверс – с одной стороны, Паркер и Томми – с другой. Клейкой лентой они прикрепили трафареты повыше, на боковых стенках трейлера, а Лу Стернберг тем временем отцепил трейлер от тягача. Сначала он отсоединил скреплявшие их рукава и провода, а потом убрал тягач с дороги. К этому времени все трафареты уже были укреплены на боках трейлера; в тусклом свете парковочных огней тягача с трудом можно было прочесть надпись: «Великие озера»; вырезанные в картоне буквы протянулись по всей длине каждой из боковых стенок трейлера.

Томми с Деверсом, как самые легкие, взобравшись на лестницы, занялись окраской, а Паркер с Мак-Кеем перетаскивали лестницы с места на место по бетонированной площадке. Стернберг подогнал свой тягач к трейлеру и поставил его так, чтобы прикрепить к нему трейлер сразу же, как закончится перекраска кузова. Он вылез из кабины, держа в руках табличку с номером Висконсина, и с помощью плоскогубцев и отверток сменил номер на трейлере, поставив свой.

Небо на востоке посветлело. Мимо них, не снижая ско-

рости, промчалась в южном направлении машина, минутой позже на север проехал пикап. К этому времени трафареты уже сняли с боков трейлера и погрузили вместе с пустыми банками из-под эмали в багажник «доджа». Стернберг принялся прикреплять тягач к трейлеру, а Мак-Кей коротким ломиком взломал с треском двери трейлера.

Громко и резко завывла сирена, однотонный вой нарушил тишину. Но они были готовы к этому и знали, как действовать. Пока Паркер с Мак-Кеем укладывали в трейлер лестницы, запихнув их между прикрепленными к стенкам трейлера ящиками. Деверс, проследив, откуда исходит вой, обреза провод. Обступившая их тишина, казалось, имела свое, постепенно затухающее звучание.

Томми приберег банку краски с распылителем и теперь обрызгивал дверцы кабины «мэка», чтобы закрасить название компании. Красная краска, которой он закрашивал кабину, не совпадала по тону с ее первоначальной окраской, но они не обращали на это внимания, поскольку на бывших в употреблении тягачах сплошь и рядом неряшливо закрашивают название прежней компании.

Стернберг же успел прикрепить тягач к трейлеру, а Паркер с Мак-Кеем закрыли его дверцы. Правда, дверцы закрылись уже не так плотно, как раньше, но на такую мелочь едва ли обратят внимание.

Заработал мотор тягача, вспыхнули фары. Томми развернул машину на тесной площадке, и Паркер внимательно

осмотрел в свете фар правый бок трейлера. Подтеков краски оказалось совсем немного. С тягачом другой марки и другого цвета, с другим номером позади и с названием компании, написанным на обоих боках трейлера, это была уже совсем другая машина. У Стернберга имелись все необходимые бумаги, чтобы в случае чего подтвердить этот факт. Единственный способ избежать осмотра трейлера – обогнать их преследователей.

Загорелись габаритные огни, Стернберг вылез из кабины и, обойдя машину кругом, проверил, все ли в порядке. Глупо, если полиция остановит его только потому, что не горит какой-нибудь габаритный огонь. А если Стернберга арестуют, раскроется грандиозная кража.

«Мэк», развернувшись на стоянке возле бензоколонки, уже выскочил на шоссе, взяв направление на север. До Спрингфилда почти сорок пять миль. Томми оставит «мэк» там, неподалеку от железнодорожной станции, а потом разыщет Ноэл с «фольксвагеном». Эта парочка поедет на запад, в штат Миссури, переправится через реку около Ганнибала, а потом, в штате Айова, они повернут на север. Ночевать они собирались в Девенпорте, а потом, по шоссе номер 80, ведущему на восток, отправиться на следующий день дальше. В Кливленде у них жили друзья, и они могли переночевать там в четверг ночью. Мак-Кей должен позвонить им туда не позднее воскресенья.

Стернберг, внимательно осмотрев трейлер, вскарабкался

в кабину. Он включил мотор и, сделав широкий разворот, выехал на шоссе минуту спустя после Томми, хотя не мог ехать с такой скоростью, как тот. Стернберг тоже взял направление на север, но ему предстояло проехать, придерживаясь этого курса, только несколько миль; у Паны он свернет на восток по 57-й магистрали и поедет на север, к Чикаго. Там поставит трейлер в безопасном месте и дожидается Мак-Кей, созвонившись предварительно с ним; затем они передадут груз Гриффиту.

Паркер, Мак-Кей и Деверс стояли, наблюдая за удалявшимся трейлером. С каждой минутой становилось светлее, на востоке горизонт начинал голубеть, теряя серый оттенок. В свете разгоравшегося утра они внимательно осмотрели стоянку.

– Мы справились с этим делом, – удовлетворенно сказал Мак-Кей.

Паркер не ответил ему. Отвернувшись от своих товарищей, он направился к «доджу», и секундой позже они присоединились к нему.

Глава 2

Мак-Кей вошел в номер с газетой в руках.

– Здесь сказано, что мы сидим за решеткой, – весело сказал он.

Паркер лежал поверх неразобранной постели, сняв только рубашку и ботинки.

– Дай-ка посмотреть, – попросил он, садясь.

– Лично я пока вольная птица, – усмехнулся Мак-Кей, протягивая ему газету. – Пойду разбужу Стена.

Паркер, кивнув в ответ, принялся изучать газету, а Мак-Кей пошел к Деверсу. Ограбление шло вторым номером на первой странице, в левом верхнем углу; сообщение из ООН – в правом верхнем углу, а посреди полосы – забастовка докеров. Заголовок гласил: «Похищено произведений искусства на миллион долларов», в этом уже заключалась неточность. История ограбления изобиловала красочными подробностями, от которых перехватывало дыхание, и была несколько фальсифицирована; кроме того, давалось описание украденных картин. Более подробно история излагалась на внутренних полосах газеты, а внизу первой полосы имелась вставка с подзаголовком: «Воры задержаны». «Полиция штата Иллинойс, – говорилось в ней, – сообщила сегодня в полдень, что поймала часть банды, укравшей картины, неподалеку от Гейлсберга. Найдена также одна из машин, использованных

для транспортировки украденных картин. Полиция надеется в ближайшее время задержать остальных бандитов».

Паркер посмотрел на часы: без пяти шесть. Он выбрался из постели и, включив телевизор, стал ждать шестичасового выпуска новостей.

Уехав сегодня утром с бензоколонки, Паркер, Мак-Кей и Деверс поехали на юг и добрались сюда, в Нэшвилл, около полудня. Взяв три отдельных номера в этом мотеле, они решили немного отдохнуть. Шести часов сна, конечно, не хватило, но они нуждались в отдыхе. «Додж» они бросили в Иллинойсе, и машина, на которой они сейчас ехали, была «чистой», но все же лучше отправиться в путь, чтобы поскорее добраться до места и покончить с этим делом.

Если оно уже не погублено.

По телику шел фильм о войне, но он уже заканчивался: сокрушительный бомбовый удар уничтожил все вокруг, раненые стонали, бомбардировщики, развернувшись над французской территорией, взяли курс в сторону пролива; в последних кадрах медсестра и старик, задрав головы, смотрят в чистое небо.

Мак-Кей вернулся вместе с полусонным Деверсом, который зевал и потягивался, с трудом продирая глаза.

– Что ты думаешь об этой заметке? – спросил с веселой улыбкой Мак-Кей. – Покажи ее Стену.

– Мне все это не нравится, – ответил ему Паркер. – Газета на кровати, возьми, – сказал он Деверсу.

– А в чем дело? – все еще улыбаясь, недоуменно спросил Мак-Кей. – Полиция по ошибке арестовала не тех, вот и все. Никто из наших не ехал в Гейлсберг.

– Гейлсберг в двадцати пяти милях от Девенпорта, – объяснил Паркер. – Сдается мне, они схватили Томми с девчонкой.

– Думаю, ты прав, – поддержал его Деверс, стоявший с газетой в руках около кровати, – и они нашли «фольксваген».

– Тогда почему же говорят о Гейлсберге? – не унимался Мак-Кей. – Томми выехал из Иллинойса, его путь лежал в Айову.

– Мы провернули дело в Иллинойсе, – объяснил Деверс. – Иллинойская полиция и делает заявления для прессы. – Он похлопал по газете. – Здесь сообщается очень много верных сведений, так что они могли вычислить город. Вполне вероятно, что Гейлсберг – город, из которого поступило сообщение.

– Сейчас посмотрим, о чем сообщат в новостях, – ответил Паркер. На экране телевизора бомбардировщики наконец благополучно приземлились на своей базе. Началась реклама.

Деверс с газетой в руках подошел ближе, и вся троица с нетерпением уставилась на телеэкран. Долгих три минуты продолжалась реклама, а потом программа студии, ведущей трансляцию; наконец начались новости; первые два сюжета касались международных дел, а потом шла информация от-

носителем местных проблем Нэшвилла. Но четвертый репортаж был посвящен ограблению и поимке преступников.

«Двое подозреваемых, – сообщил комментатор, – в дерзком похищении произведений искусства, совершенном прошлой ночью в штате Иллинойс, задержаны сегодня около полудня в Девенпорте, штата Айова...»

– Черт возьми! – выругался Деверс.

«...Их переправили в столицу штата Иллинойс, Спрингфилд».

На экране появился «фольксваген», окруженный полицейскими и детективами в штатском.

Голос комментатора продолжал:

«Предполагают, что подозрительная машина использовалась для перевозки по крайней мере части из украденных картин в количестве двадцати одной единицы общей стоимостью почти в три четверти миллиона долларов. Машину подвергнут тщательному осмотру для сбора доказательств, которые, вероятно, приведут к захвату остальной банды и обнаружению украденных произведений искусства. Полиция сообщает, что подозреваемые, двадцатичетырехлетний Томас Кларк Карпентер и Ноэл Кей Брассел, двадцати одного года, отрицают свое участие в ограблении, но их опознали полицейские штата Иллинойс Роберт Джарвис и Флойд МакЭндрюс, которые на непродолжительное время были захвачены бандитами во время ночного ограбления».

– Бьюсь об заклад, Томми пожалует, что дал пинок под

зад тому полицейскому, – сказал Мак-Кей.

Репортаж о ночном ограблении закончился, и комментатор перешел к другим сообщениям.

– На них можно рассчитывать? – спросил Деверс Мак-Кея.

– На Томми? – Мак-Кея, казалось, удивил вопрос. – На все сто процентов, – ответил он. – Томми ни в чем не признается и не заложит нас.

– А как насчет девчонки? – спросил Паркер, выключив телевизор.

– Я ее не знаю, – пожал плечами Мак-Кей. – Но Томми ей доверяет, так о чем беспокоиться?

– Навидался я на своем веку мужиков, которые доверяли бабам, – возразил Деверс.

– А что ей известно? – спросил Мак-Кей. Он старался не показывать своего волнения.

– Все, что известно Томми, – ответил Деверс.

– Ей известны наши имена и лица, – сказал Паркер, – но она не знает, где нас искать. Она знает, в каком городе мы встретились, она знает, что нам должен заплатить за украденное торговец картинами.

– А имя Гриффита ей известно? – спросил Деверс.

– Не уверен, – ответил, нахмурившись, Мак-Кей. – При ней никто не говорил о нем, но его знает Томми. Не упоминал ли он при ней его имени? Зачем? И неужели она его запомнила?

– Уезжаем немедленно, – прервал его Паркер. – Завтра утром явимся к Гриффиту. Мы выполнили свою часть нашего соглашения. Отдадим ему картины и заберем в банке наши деньги. Ноэл – серьезная девушка, если даже она и расколется, то не раньше, чем через день-два. У нас хватит времени смыться, надо поторопливаться.

– Черт возьми, я рассчитывал на Томми, – вздохнул МакКей. – Как его угораздило попасться?

Паркер уже успел натянуть ботинки, и сейчас он застегивал рубашку.

– Поехали, – поторопил он своих товарищей.

Глава 3

Запах росы щекотал ноздри чистотой и свежестью раннего утра. Над вершинами деревьев поднимался оранжевый круг солнца, а на зелени лужайки, протянувшейся от бамбуковой изгороди к внутреннему дворику, весело чирикали птички. Шум разбитого окна резко прозвучал в утренней тишине и затих, не вызвав ответного эха.

Паркер бросил камень в траву и, просунув в образовавшуюся дыру руку, поднял задвижку раздвижных дверей. За его спиной Мак-Кей с Деверсом напряженно оглядывались по сторонам, но поблизости не было соседей, которых мог бы привлечь шум разбитого стекла, а в половине восьмого утра маловероятно появление перед домом почтальона или посыльного.

Они позвонили Гриффиту около часа назад, с окраины города, но никто не ответил. Приехав к нему, они обнаружили в гараже машину, но никто не отвечал им, хотя они звонили в дверь и стучали в окна. Тогда они решили пробраться в дом, чтобы выяснить обстановку. Смылся ли Гриффит по какой-то причине или спрятался?

Осколки стекла захрустели под ногами Паркера, когда он вошел в полутемную комнату. В доме было темно и тихо, они не слышали ни звука, кроме шума своих шагов.

– Если этот сукин сын смылся от нас... – с угрозой в голо-

се произнес Мак-Кей, вошедший в комнату следом за Паркером.

– Мы влипли, – закончил Деверс.

– Зачем ему убегать от нас, не получив картин? – резонно возразил Паркер.

– А что, если он все-таки так и сделал? – Мак-Кей говорил почти шепотом, но голос у него был злой.

– У нас нет другого покупателя, – с горечью сказал Деверс.

– Успеем поволноваться, когда все выясним, – ответил Паркер.

Он направился к двери в противоположном конце комнаты, Мак-Кей с Деверсом последовали за ним.

Гриффита они нашли в ванне, в ванной комнате на втором этаже, рядом с хозяйской спальней. Вода в ванне остыла и была темно-красного цвета. Нижнюю половину лица Гриффита покрывала вода, а верхняя половина была белой, как алебастр. Глаза закрыты, а клочки волос будто приклеены к черепу.

Сгрудившись в маленькой комнате, все трое внимательно рассматривали его.

– Проклятье! – первым нарушил молчание Мак-Кей. – Вот сукин сын.

Деверс, подойдя к ванне, нагнулся и поднял из воды руку Гриффита. Из рваных кусков кожи на запястье, окруженных мелкими, неуверенными порезами, стекала кораллового цвета вода, но крови не было.

– Зачем он сделал это? – скорее растерянно, чем зло, спросил он. – Что на него накатило?

– Вот что, – ответил Паркер, указав на свернутую газету, лежавшую на туалетном шкафчике.

– Ты прав, – согласился Мак-Кей, взяв газету, – вот она. – Он протянул газету Паркеру.

Это была не та газета, которую они читали в мотеле, но резюме, обведенное жирной рамкой, содержало те же самые сведения: часть банды арестована, нашли машину, которая перевозила по крайней мере часть украденных картин. Упомянулся Гейлсберг. Это была та же самая, содержавшая множество неточностей история, что они прочитали в другой газете, в Нэшвилле; очевидно, состряпанная на скорую руку информация для дневных выпусков газет: на проверку фактов и на более полное освещение событий уже не хватило времени.

Паркер с Деверсом вместе читали газету.

– Он решил, что все провалилось, – сказал Деверс.

– Черт возьми, почему он не дождался нас? – прорычал Мак-Кей, с каждой секундой все более свирепевший; он смотрел на тело с таким видом, будто готов был утопить его в ванне.

– У него, должно быть, возникли затруднения с наличными, – объяснил Паркер. – Мы на самом деле загнали его в угол, когда потребовали, чтобы он открыл счет в банке на наше имя.

– Это еще не повод для самоубийства, – угрюмо проворчал Мак-Кей.

– Будем искать, – заявил Паркер.

– Что искать? – удивленно подняв брови, спросил Мак-Кей.

– Многое. Записку, если ему вздумалось оставить записку с нашими именами. Какой-нибудь намек на имя его покупателя.

– Если он у него был, – заметил Деверс.

– Если он переживал такой кризис с наличными, то заранее разработал план, кому продать картины. Хотя бы часть их, – объяснил Паркер.

– А как быть с банковскими книжками? – спросил Мак-Кей. – Ведь они у нас.

– Ничего не выйдет, – ответил Паркер.

– Давайте выйдем отсюда, – предложил Деверс.

Они перешли в спальню, и Деверс включил свет.

– Почему не выйдет? – упрямо возразил Мак-Кей. – Я ловко подделываю подписи. Могу прекрасно расписаться за Леона Гриффита до того, как банк закроют на обеденный перерыв. Пойду туда с удостоверением личности Гриффита.

– Он открыл счет всего три дня назад, – терпеливо объяснил Паркер.

– Представь себе: приходит человек с пятьюдесятью тысячами наличными, чтобы открыть сберегательные счета, – конечно, на него в банке обратили внимание. Его вспомнят

три дня спустя. Ты совершенно не похож на Гриффита.

– Такие деньги, – жалобно сказал Мак-Кей, – пошли кош-ке под хвост.

– И все наши труды – тоже, – подытожил Деверс. – Если только не выясним, кто его покупатель.

– И побыстрее, – добавил Паркер. – Не хочу находиться здесь ни одной лишней минуты.

– Я начну со спальни, – предложил Деверс. Они поделили между собой весь дом на участки и следующий час тщательно обыскивали все уголки. Не нашли ни записки, ни малейшего намека на покупателя – если, конечно, у Гриффита был на примете покупатель. Они обыскали все комнаты: кабинет, спальню, – нигде ничего, но упрямо продолжали поиски. За окном уже разгорелся день, вскоре они перестали включать свет, входя в очередную комнату.

Паркер с Мак-Кеем сошлись в холле. У обоих пальцы почернели от пыли, а Мак-Кей выглядел еще более раздраженным, чем час назад.

– Ничего, – сказал он, – не знаю, где еще искать?

– В подвале, – коротко ответил Паркер.

– Напрасно теряем время, сам знаешь.

– Все равно поищем, – упрямо возразил Паркер.

– Понятно, – скорчил недовольную гримасу Мак-Кей. – Будем искать для очистки совести: дескать, сделали все, что могли.

– Пошли.

Они вместе спустились в подвал.

– Лу не придет в восторг, когда узнает, что случилось, – с тоской в голосе произнес Мак-Кей.

– А кто в восторге? – мрачно спросил Паркер.

Деверс вошел в подвал с противоположной стороны, держа в руках клочок бумаги. Он старался не показывать охватившего его волнения и говорил спокойно.

– Взгляните-ка, – предложил он. Паркер взял у него листок, и они с Мак-Кеем вместе прочитали его. Бледно-сиреневая бумага, плотная, высокого качества, вверху страницы пурпурными буквами в эдвардианском стиле выведено:

«ЖАН РЕНАРД 302 ЦПЗ»

Письмо было написано от руки, но разборчивым, украшенным завитушками почерком. Датировано прошлым месяцем. Вот что они прочитали:

"Дорогой Леон,

рад был получить от тебя весточку. Не очень-то хорошие известия сообщил ты в своем письме, дорогой, у всех сейчас застой в делах, все мечтают о более счастливых временах. Хотя я уже стар и немощен и с неохотой берусь за дела, возможно, мы сумели бы заключить с тобой сделку, если, конечно, ты заинтересован в этом. Если ты отправляешься путешествовать по этим лесам, почему бы тебе не воспользоваться моим грузовиком?

Всегда твой Джек".

– Не знаю, что сказать, – с сомнением в голосе произнес

Мак-Кей. – Похоже, Гриффит получил нагоняй. Будто Гриффит попытался нажать на этого парня, а тому не понравилось, вот он и поставил его на место, да еще слегка приложил мордой об стол.

– Почему ты считаешь, что это письмо имеет отношение к нашему делу? – спросил Паркер Деверса.

– Потому что я нашел его в кухне, – ответил Деверс. – Было запрятано в поваренную книгу.

– Запрятано? – переспросил Мак-Кей. – Может, им просто воспользовались как закладкой.

– Я нашел несколько писем от Ренарда в кабинете, – задумчиво сказал Паркер.

– Верно, – подтвердил Деверс. – В кабинете. Но не на кухне.

– Тут какой-то адрес, – заметил Мак-Кей, еще раз прочитав письмо. – Триста два, ЦПЗ. Что такое, черт побери, ЦПЗ?

– Центральный парк, Западный район, – ответил Паркер. – Ренард живет в Нью-Йорке.

Глава 4

Дверь открыл высокий, болезненного вида мужчина. Он был одет в белые брюки, белую крестьянскую рубаху с короткими рукавами, украшенную по вороту желто-красным узором. Сутулые плечи, дряблое тело; он был босиком и стоял на цыпочках, как балетный танцор, приготовившийся встать на пуанты.

– Жан Ренард? – спросил Паркер. Мужчина не отвечая смотрел на Паркера, Мак-Кея и Деверса, сгрудившихся на тесной площадке перед лифтом. Каждого он одарил насмешливой, несколько нервной улыбкой.

– Затрудняюсь ответить на ваш вопрос, – произнес он наконец. – Кому я должен назвать свое имя?

– Другьям Леона Гриффита, – ответил Паркер.

– Леона? – В глазах мужчины появилась настороженность. – Должен заметить, что вы не похожи на друзей Гриффита.

Мак-Кей, как обычно, проявлял все признаки нетерпения и раздражительности.

– Кончайте эту бодягу, – вмешался он. – Если вы Ренард, мы хотим поговорить с вами о кой-каких картинах. Если нет, скажите ему, что мы пришли к нему.

Мужчина с недовольным видом посмотрел на Мак-Кея.

– Поспокойнее, – сказал он, – слишком вы импульсивны.

Леон обычно сам ведет переговоры о картинах.

– На этот раз он не смог приехать, – возразил Мак-Кей.

– Жаль, – вздохнул мужчина, – я предпочел бы разговаривать со своими друзьями, а не с друзьями Леона...

– Он мертв, – прервал его Паркер. – Хотите, чтобы мы прямо здесь, на этой площадке, рассказали вам, как он умер?

– Мертв? – ошарашенно переспросил мужчина. На его лице отразился страх, он вцепился левой рукой в створку двери, будто хотел захлопнуть ее. – Это вы?..

– Самоубийство, – поспешил разъяснить случившееся Паркер. – Перерезал себе вены в ванне. Так вы Ренард или нет?

– Вот это да! Никогда не думал, что он... – Оторвавшись от двери, мужчина отступил в прихожую, сказав: – Заходите, заходите...

Все вошли в квартиру, и мужчина закрыл за ними дверь. Они очутились в квадратной формы прихожей, стены которой украшали картины. Увенчанная аркой дверь вела в комнату, заставленную старинной мебелью американского производства, за ней виднелась терраса с растениями.

– Вы правы, я – Ренард, – произнес мужчина, заперев дверь. – Я знал, что у Леона затруднения с деньгами, но... – Он указал жестом на комнату справа. – Не хотите зайти? Присаживайтесь.

Все вместе они вошли в комнату. Мак-Кей с Деверсом сели, а Паркер с Ренардом остались стоять.

– Мы получили кой-какие картины для Гриффита. Но поскольку он умер, нам хотелось бы найти покупателя, которому Гриффит собирался их продать, – приступил к делу Паркер.

– Понятно. – Ренард улыбнулся всем троим и отошел в глубь комнаты. – Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

– Главное для нас – покупатель, – не отвечая на его предложение, развивал свою мысль Паркер. – Нам показалось, что это вы.

– Покупатель? – недоверчиво переспросил Ренард. – Я занимаюсь торговлей произведениями искусства, но главное мое занятие – коллекционирование картин.

– У нас возникло предположение, – сказал Паркер, – что вы с Гриффитом заключили сделку: он взялся добыть для вас эти картины, а вы, вероятно, перепродали бы их кому-то другому.

Ренард неопределенно улыбнулся, как бы собираясь с мыслями.

– Все это звучит несколько неправдоподобно, – наконец сказал он. – Слишком много посредников. Как правило, я заключаю сделки сам. Если бы вы сказали мне, о каких именно картинах идет речь, может, это и освежило бы мою память.

– Послушайте, Ренард, – нетерпеливо прервал его МакКей, – вы же прекрасно знаете, о чем мы толкуем.

– Вам так кажется, мистер... – Он вопросительно поднял

бровь и с улыбкой перевел взгляд на Паркера. – Боюсь, что у вас передо мной важное преимущество.

– Меня зовут Эдвард Лейтем, – объяснил Паркер.

– Мистер Лейтем, – повторил Ренард, склонив в знак приветствия голову.

– Это мистер Моррисон и мистер Денфорт, – сказал Паркер, указывая поочередно на Мак-Кея и Деверса.

– Джентльмены, – с улыбкой приветствовал их Ренард.

– У нас двадцать одна картина, до этой недели их не выставляли на продажу, – сказал Паркер.

– Ну, я, право, не знаю, – хмуро, с недовольно-недоуменным видом ответил ему Ренард, в его голосе явно слышалась насмешка. – Об этом действительно не трезвонили на каждом углу.

Паркер также нахмурился. Похоже, Ренард лгал, получая еще от этого удовольствие, но с какой стати? Говорить более подробно об украденных картинах небезопасно, в конце концов может выясниться, что Ренард вовсе не тот покупатель, которого они ищут. Паркер не сомневался, что Ренард – тот, с кем Гриффит заключил сделку, но абсолютной уверенности у него не было. И единственный способ выяснить это – получить подтверждение от самого Ренарда. Почему же Ренард так осторожничает?

– Что ж, может, мы ошиблись, – неожиданно вмешался в разговор Деверс. – В любом случае найдутся и другие покупатели.

Паркер понимал, что Деверс решил подтолкнуть Ренарда к принятию решения, но сомневался, что этот прием сработает. Поэтому он не удивился, когда Ренард, повернувшись к Деверсу, вкрадчиво произнес:

– Большая удача, не правда ли? Что всегда находятся другие покупатели? Так же как и другие продавцы.

– Возможно, вы не тот покупатель, которого имел в виду Гриффит, но в любом случае сделка могла бы заинтересовать вас, – сказал Паркер.

– Нет, не думаю, – ответил Ренард. За всеми его эмоциями: удивления, дружелюбия, а сейчас вежливого сожаления, – проскальзывала все та же насмешка.

– Вы же торгуете картинами, правда? – спросил Паркер. – Откуда вы знаете, что не хотите приобрести те, которые мы предлагаем, если вы даже не выяснили, что это за картины?

Ренард с наигранным безразличием посмотрел на него, как бы говоря: «Подурачились – и хватит».

– У вас есть фотографии тех картин, которые вы продаете? – спросил он Паркера.

– Нет.

– Уважающие себя продавцы имеют фотографии картин, которые предлагают. А эти картины занесены в компьютер?

– Вы прекрасно знаете, что нет, – сердито ответил Мак-Кей.

– Я вообще ничего не знаю, – холодно произнес Ренард, обращаясь к Мак-Кею. – Мое невежество непреодолимо. А

теперь извините меня, джентльмены...

И в эту секунду Паркер понял, в чем дело.

– Ренард, – сказал он, – мы не слуги закона.

– Вот как? – с наигранным удивлением спросил Ренард.

– Что ты несешь? – раздраженно спросил ничего не понимавший Мак-Кей.

– Ренард принял нас за полицейских, – объяснил ему Паркер. – Он считает, что мы явились сюда, чтобы заманить его в ловушку и заставить сознаться в сговоре с Гриффитом.

– Я – полицейский? – недоверчиво переспросил Мак-Кей, ткнув в себя пальцем. – Да какой дурак поверит в это?

– Например, я, хотя и не считаю себя дураком, – ответил Ренард. – Вы являетесь сюда втроем, на что-то намекаете, что-то предлагаете, ничего впрямую не говорите. И вас трое, один задает вопросы, а двое других выступают в качестве свидетелей моих ответов. Так кто дурак?

– Вы, – не задумываясь ответил Мак-Кей.

– Постойте, – вмешался Паркер. – Мы не из полиции, – сказал он Ренарду. – Мы – те, кто грабанул картины из трейлера.

– Эй, – огрызнулся Мак-Кей, – полегче на поворотах.

– У Ренарда нет свидетелей, – успокоил его Паркер.

– Зато у вас все еще есть, – возразил ему Ренард. – Скажите на милость, почему я должен верить вам?

– Будете разговаривать со мной наедине? – спросил Паркер.

– Я по-прежнему не уверен, что нам есть о чем говорить. – Ренард все еще не доверял им.

– Увидим, – ответил Паркер, поворачиваясь к своим спутникам. – Подождите меня внизу. Оставьте нас на десять минут.

– Ладно, – согласился Деверс, поднимаясь.

– Да любой человек с мозгами поймет, что мы – не полицейские, – упрямо продолжал талдычить свое Мак-Кей, не двигаясь с места.

– Ты прошлой ночью неплохо сыграл эту роль, – ухмыльнувшись, возразил Деверс. – Вставай. Пошли.

Мак-Кей поднялся, что-то недовольно ворча себе под нос. Они с Деверсом вышли из комнаты, и Ренард пошел проводить их, чтобы убедиться, что они сели в лифт. Паркер подошел к открытой двери, ведущей на террасу, и остановился, разглядывая расстилавшийся далеко внизу Центральный парк.

Через минуту вернулся Ренард.

– Почему бы нам не выйти на террасу? – предложил он. – Там легче дышать.

Когда они вступили на каменный пол террасы, Ренард спросил, искоса взглянув на Паркера:

– Надеюсь, у вас не припрятано записывающее устройство?

– Нет, – ответил Паркер.

– И все-таки... – Ренард включил маленький пластмассо-

вый радиоприемник, стоявший на подоконнике, и звуки Вивальди заструились среди листьев растений. Увеличив громкость, Ренард заговорил: – У вас ведь не вызывают удивления мои меры предосторожности?

– Просто скажите мне, когда почувствуете себя в безопасности и отважитесь переговорить со мной, – успокоил его Паркер.

– Почему бы вам не встать около радиоприемника, а я встану вот здесь, – предложил Ренард.

– Теперь успокоились? – спросил Паркер, когда они переместились в соответствии с его указаниями.

– Немного, – ответил Ренард, который выглядел теперь уже не таким расслабленным и разговаривал не столь насмешливо. – Хочу, чтобы вы поняли, – продолжал он, – я по-прежнему считаю вас полицейским.

– Вы ошибаетесь. У нас все картины. Ведь они предназначались для вас, верно?

– Разве Гриффит не заплатил вам заранее? – спросил Ренард, поджав подозрительно губы. – Или вы пытаетесь получить дважды?

– Гриффит собирался заплатить нам, когда мы привезем ему картины. Он покончил с собой, когда прочитал в газете, что полиция поймала двоих.

– Поторопился, а? Но Леон был у меня совсем недавно, искал, где занять большую сумму наличными. Почему ему заранее понадобились деньги, если он собирался платить вам

после того, как получит картины?

– Мы потребовали доказательства, что у него есть деньги, чтобы расплатиться с нами. – Паркер достал из кармана пиджака три сберкнижки и протянул их Ренарду. – Взгляните.

Ренард, нахмурившись, изучил сберкнижки, после чего на его лице наконец появилось что-то, похожее на доверие.

– Довольно умно придумано, – заметил он. – Я так понимаю, что Гриффит должен был снять эти деньги со сберкнижки после того, как получит от вас картины.

– Верно, – подтвердил Паркер, протягивая руку за книжками.

– Теперь от них, конечно, никакого толку, – сказал Ренард, возвращая Паркеру сберкнижки.

– Знаю, – вздохнул Паркер, положив книжки в карман.

– Следующий вопрос, естественно: как вам удалось выйти на меня? Леон, конечно, не упоминал моего имени.

Паркер вынул из другого кармана письмо, которое нашел Деверс, и молча протянул его Ренарду.

– Мы обыскали дом Гриффита и нашли вот это, – объяснил он.

Ренард прочитал письмо с таким видом, будто написал его кто-то другой, а он видел его впервые.

– Гм, – произнес он задумчиво, будто только сейчас понял всю серьезность создавшейся ситуации. – Это письмо могло бы послужить поводом для обвинения, верно?

– Возможно, – коротко подтвердил Паркер.

– Я вижу, что у меня в руках оригинал письма, – сказал Ренард с лучезарной улыбкой. – Не возражаете, если я оставлю его у себя?

– Нет. Я же объяснил вам, что мы – не полицейские.

– Должен признаться, что начинаю доверять вам, – сказал Ренард, оторвав от письма маленький кусочек и бросив его за перила террасы. – Видите? Я на ваших глазах разбрасываю мусор.

– Все в порядке, – успокоил его Паркер. – А теперь давайте поговорим. У нас – картины, а вы – покупатель.

– Не совсем точно, – поправил его Ренард. Он все еще отрывал кусочки от письма и бросал их один за другим за перила; порывистый ветер разносил клочки бумаги в разные стороны. – Я покупатель шести картин, – объяснил он. – Только шести. Что Леон задумал сделать с остальными, я в самом деле не знаю.

– Сколько вы собирались заплатить за шесть? – спросил Паркер.

– Пятьдесят тысяч, – после секундной заминки ответил Ренард.

– Нет. Вы собирались заплатить больше, – уверенно возразил Паркер.

– Вы так считаете?

– Вы заплатите мне больше, – решительно заявил Паркер.

– Сомневаюсь, – ответил Ренард. У него в руке осталась только третья часть письма.

– Вы видели наши сберкнижки, – продолжал Паркер, не обращая внимания на слова Ренарда. – Гриффит заплатил бы нам сто пятьдесят тысяч за все картины. Мы заключим с вами такое же соглашение.

– Решительно отказываюсь, – затряс головой Ренард.

– Они стоят вдвое больше, – напомнил Паркер.

– Но мне они не нужны. Я хочу получить только шесть.

Паркер замолчал, обдумывая, как протолкнуть эту сделку. Что-то в манере Ренарда подсказывало ему, что тот не отступит ни на йоту от своих слов. Ренарду в самом деле не нужны были остальные пятнадцать картин, даже задаром. Но шесть картин ему нужны.

– Ладно, – прервал молчание Паркер. – Мы продадим вам шесть. Дайте названия.

– Бумага и карандаш есть? – спросил Ренард.

– Да, – ответил Паркер, доставая записную книжку и ручку. Ренард продиктовал ему шесть названий, и Паркер аккуратно записал их. Потом, положив в карман записную книжку и ручку, он сказал: – Шестьдесят тысяч. Эта сумма меньше той, что вы хотели заплатить Гриффиту.

– Вы так думаете? – спросил Ренард, слегка улыбнувшись. – Я по натуре слишком щедрый человек, – пожал он плечами, – это мой главный недостаток. Ладно. В память бедного Леона пусть будет шестьдесят тысяч.

Глава 5

Лу Стернберг встретился с Паркером у «О'Хар интернешнл». Вид у Стернберга был недовольный, но приветствовал он Паркера обычным вопросом:

– Хорошо долетели?

– Да, спасибо, – машинально ответил Паркер, чтобы побыстрее закончить ритуал встречи.

Они шли по каким-то обшарпанным коридорам, двигаясь, как в дурном сне, и наконец вышли на темную улицу, под дождь; редкие огоньки отражались на мокром асфальте.

– Я оставил свою машину там, – показал Стернберг, открыв черный зонтик.

Машина стояла довольно далеко. Кроме зонтика, привычного плаща и кепки, Стернберг на этот раз надел галоши, а шею обмотал серым шарфом. Невозможно было понять, недоволен ли он провалом операции или дождем.

Стернберг отпер дверцу взятого напрокат «шевроле», и Паркер забрался в машину. Стернберг, закрыв зонтик, аккуратно, чтобы не задеть Паркера, положил его на заднее сиденье.

Оба молчали, пока Стернберг осторожно вел машину к выезду с территории аэропорта.

– Знаете, что Томми улизнул? – спросил Стернберг.

– Когда? – Паркер с удивлением посмотрел на него.

– Слышал в последней сводке новостей по радио. – Стернберг, усмехнувшись, покачал головой. – Ему повезло, что он – хиппи, – объяснил он. – Столько организаций выступили в поддержку Томми, такая шумиха поднялась из-за необоснованных репрессий со стороны полиции, что им пришлось отпустить его. Если бы его арестовали за то, что он проехал на красный светофор, то его держали бы в тюрьме месяц. А преступление наделало слишком много шума.

– Но ведь его опознали полицейские? – нахмурившись, спросил Паркер.

– Да кто же станет верить двум копам против показаний длинноволосого подростка? Вы только взгляните на Томми, вы поверили бы, что он – грабитель?

– Девушку тоже отпустили?

– Обоих, – кивнул Стернберг. – Свободны как птицы. – Такси, ехавшее впереди, замедлило уйти вправо, Стернбергу пришлось резко затормозить, и задние колеса заскользили по мокрому асфальту. Но Стернберг справился с машиной и уверенно вырулил на свою полосу.

– Сажают за руль черт знает кого, – недовольно пробормотал он.

– Наши дела плохи, – сказал Паркер, дождавшись, когда они наконец выехали на основную магистраль.

– Я почувствовал это по вашему звонку. Неприятности с Гриффитом?

– Он мертв. Покончил с собой, когда прочитал в газете,

что нас поймали, – объяснил Паркер.

– Черт возьми! – Стернберг хмуро уставился на дорогу сквозь безостановочно двигавшиеся очистители лобового стекла, будто ответ на мучивший его вопрос был написан на борту обгонявшего их грузовика.

– Мы нашли одного человека, с которым Гриффит вел дела, он в Нью-Йорке. Но его интересуют только шесть картин.

– И сколько он заплатит?

– Шестьдесят тысяч.

– По двенадцать тысяч на каждого. – Стернберг недовольно покачал головой, настроение у него заметно ухудшилось. – Не стоило из-за этого приезжать, – сказал он. – Это точно.

– Никого из нас не устраивает эта сумма, – согласился Паркер.

– Я приехал издалека, – напомнил Стернберг.

Паркер пожал плечами.

– Так что же делать с остальными картинами? – повернувшись к Паркеру, спросил ворчливо Стернберг. – Пятнадцать штук, черт возьми!

– Мы обсудили эту проблему, – ответил Паркер. – Мы с Мак-Кеем и Деверс. Придется от них отказаться.

– Отказаться от них? – недовольно, с удивлением переспросил Стернберг. – Ведь мы рассчитывали получить за них девяносто тысяч.

– У нас нет покупателя.

– А как насчет страховой компании?

– Если вы задержитесь здесь и станете вести с ними переговоры, тогда пожалуйста, – ответил Паркер.

– Проклятье! – Стернберг замолчал и сосредоточил внимание на дороге.

– У нас тоже нет желания заниматься этим делом, – подвел итог Паркер.

– Ненавижу страховые компании, – объяснил Стернберг. – Вору проклятые.

– Согласен с вами, – кивнул Паркер.

– Нам повезет, если получим с них по двадцать центов с доллара.

– Скорее всего, ничего не получим, а попадем в ловушку, – скептически заметил Паркер. – Между прочим, а что будем делать с картинами, пока торгуемся?

– Итак, решено: возвращаем их законным владельцам, – ворчливым тоном сказал Стернберг.

– И получаем каждый по двенадцать тысяч, – напомнил Паркер, – а потом разъезжаем по домам.

– Боже, – покачал головой Стернберг, – какой у меня неудачный год! Паркер ничего не ответил.

Глава 6

Паркер лежал в шезлонге на берегу озера, обсыхая на солнце после купания. Летний сезон уже начался, и пустовавшие всю зиму дома вокруг озера стали заполняться жильцами; моторные лодки теперь то и дело бороздили озеро, и на каждом шагу встречались любопытные физиономии отдыхающих. Скоро придет пора, прихватив Клер, сматываться отсюда, надо перебираться до осени в другое место.

Этот дом принадлежал Клер, но подбирала она его в расчете на Паркера. Большую часть года на прилегающей к озеру территории было пустынно, как на кладбище; Паркер высоко ценил такую уединенность и раньше, до встречи с Клер. Он подолгу жил в отелях курортных городков, где в межсезонье не встретишь ни души. Только летом здесь появлялись люди, задававшие праздные вопросы и проявлявшие неуместное любопытство, столь обычное в нормальном мире.

Конечно, досадно, что операция с картинами провалилась и они не получили той суммы, на которую рассчитывали. Они с Клер потратят двенадцать тысяч Ренарда за два месяца, которые проведут вдали от дома, да и большая сумма не помешала бы.

Паркер услышал за своей спиной шум раздвигаемых дверей и, обернувшись, увидел Клер: она направлялась к нему

по лужайке, прилегающей к дому. Паркеру нравилось наблюдать за ней: эта женщина таила в себе еще столько неизведанного – качество, очень редко встречающееся в женщинах.

– Тебя к телефону, – сказала Клер, подходя к нему.

– Спасибо. – Возможно, звонил Мак-Кей.

– Я перевела разговор на тот аппарат, что в спальне, – предупредила Клер.

– Умница, – похвалил ее Паркер, поднимаясь и накидывая на плечи полотенце.

Босиком он отправился по лужайке к дому и через раздвижные двери вошел в спальню, где увидел лежавшую на кровати телефонную трубку.

– Алло?

– Это я, – голос Мак-Кея.

– Рад слышать.

– Я звонил нашему другу, и он предложил встретиться с нами сегодня вечером.

Мак-Кей звонил из Нью-Йорка, он находился там с шестью картинами, отобранными Ренардом; они держали их в кузове украденного пикапа. Остальная группа разделилась: Стернберг – в Бостоне, Деверс – в Лос-Анджелесе, а Томми с Ноэл – в Кливленде. Паркер с Мак-Кеем, закончив все дела с Ренардом, должны были переправить им деньги.

А Ренард, похоже, торопился закончить операцию, назначив встречу на вечер.

– Хорошо, – ответил Паркер.

– Сколько времени тебе надо, чтобы добраться сюда?

– Полтора часа, – ответил Паркер. Через стеклянные двери, выходящие на озеро, он увидел, что Клер направляется к дому. – Скажем, два с половиной часа, – внес он поправку.

Глава 7

Паркер сидел рядом с водителем и смотрел по сторонам на темные улицы, мелькающие за окном машины. Мак-Кей правил пикапом марки «Форд»; все шесть картин лежали позади, в кузове, по-прежнему упакованные в деревянные ящики и прикрытые сверху брезентом.

Приближалась полночь; они ехали по Седьмой авеню через Манхэттен. Вплоть до Тридцать четвертой движение было достаточно оживленным, но перед тоннелем, ведущем к Лонг-Айленду, поток машин рассеялся, и по Четырнадцатой улице они ехали почти в полном одиночестве. Два такси, курсировавшие с горящими огоньками в поисках пассажиров, и полицейская машина, патрулировавшая улицу, скоро остались позади.

– Какая великолепная декорация, того и жди налета, – прервал молчание Паркер.

– Ренард, что ли, нападет? Ты шутишь? – с улыбкой спросил Мак-Кей.

– Это не его район, – возразил Паркер.

– Он искал место, где бы можно было спокойно поставить машину. – Мак-Кей помахал в воздухе правой кистью, чтобы дать пальцам отдохнуть, и продолжал нарочито тонким голосом: – Это место принадлежит его другу.

Паркер оглянулся: между передним сиденьем и грузовым

отсеком не было перегородки.

– Я хочу получить за них деньги, – сказал он.

– Ты что, всерьез считаешь, что Ренард способен украсть их? – недоуменно спросил Мак-Кей.

– Нет, но я попал в полосу неудач.

– Тогда надо быстрее пройти ее, – пожал плечами Мак-Кей.

Паркер, соскользнув с сиденья, пробрался назад, в пространство между ящиками с картинами и задней дверью пикапа. В двери были небольшие квадратные окна, сквозь которые он увидел два пустых такси, перегородивших путь назад. Повернувшись в другую сторону, Паркер поверх ящиков с картинами и плеча Мак-Кея увидел всю улицу. Ему приходилось стоять в полусогнутом положении, опираясь спиной о боковую стенку машины. Не меняя позы, он достал из кобуры, надетой под пиджаком, револьвер и переложил его в правую руку. Он купил новый револьвер, кольт 38-го калибра, из которого стреляли раз пять-шесть, для пристрелки.

Когда Мак-Кей свернул направо, в боковую улицу, Паркер, вертевший головой из стороны в сторону, стал держать под контролем все, что происходило впереди и позади машины, ежесекундно ожидая непредвиденного развития событий. Они ехали по узкой улочке с односторонним движением, по обеим сторонам ее было припарковано множество машин. Посреди квартала он заметил неосвещенную вывеску лесного склада, но разобрать название было очень трудно:

фонари на этой улице стояли на почтительном расстоянии друг от друга, а в окнах домов уже не горел свет.

В этом квартале многоквартирные дома стояли попеременно с нежилыми помещениями. Кроме лесного склада, разместившегося в узком пятиэтажном здании, на этой же улице находились винный магазин, испанская бакалея, сухая химчистка и магазин детской одежды, все они уже не работали; окружавшие их блочные и кирпичные многоквартирные дома тоже выглядели нежилыми.

На тротуарах не видно было ни одного пешехода, и по улице не проехала ни одна машина. Мак-Кей остановился у закрытых ворот лесного склада, сделанных из рифленого железа, они напоминали ворота гаража. В соответствии с полученной инструкцией Мак-Кей нажал на клаксон, и тут же в свете фар появился сам Ренард. Он вышел из дверей конторы, расположенной справа от склада. Ренард моргал и щурился, ослепленный светом фар, и, похоже, сильно нервничал. Резко взмахнув рукой, он отступил внутрь, и через несколько секунд автоматические ворота склада поползли вверх.

Паркер, положив для верности руку с револьвером на грудь ящиков, пристально смотрел вперед, оглядывая помещение лесного склада. По обе стороны от них на бетонированном полу стояли бункера с лесоматериалом. Широкий бетонированный проход вел к задней стене, где грудями лежали листы фанеры и строительные материалы, а также стояла пи-

лорама. Людей не было видно.

Паркер оглянулся назад, чтобы еще раз проверить обстановку на улице. Пикап, въехав внутрь здания, остановился, и слышно было, как опускаются за их спиной ворота склада.

– Как будто все в порядке, – сказал Мак-Кей.

Через стекла задней дверцы Паркер посмотрел налево, на здание конторы. Оттуда выбежали трое мужчин с оружием в руках, Ренарда среди них не было.

– Назад! Сматываемся! – закричал Паркер. Но они опоздали: опускавшиеся ворота отрезали путь к отступлению. Мак-Кей дал задний ход, нажав на педаль, и пикап, пронзительно взвывая, врезался в нижнюю часть ворот, которые, опустившись, закрыли задние стекла в кузове пикапа. Ворота перестали опускаться, но мотор продолжал работать, хотя при ударе о створку ворот Мак-Кей не удержал ногу на педали.

От сильного толчка Паркер свалился на пол, но, быстро вскочив, укрылся за ящиками с картинами, а Мак-Кей, выхватив свой револьвер, закричал, глядя вперед:

– Откуда они пришли?

– Справа, – ответил Паркер.

Мак-Кей рывком распахнул левую дверцу, посмотрел направо, и в ту же секунду три или четыре выстрела, вдребезги разбив правое боковое окно, изрешетили Мак-Кея, отбросив его через раскрытую дверцу машины на бетонированный пол.

Паркер замер. Когда они ехали, все стекла в машине были подняты, но теперь одно стекло разлетелось на мельчайшие кусочки, а левая дверца осталась распахнутой настежь, поэтому Паркер ясно слышал голоса разговаривавших снаружи людей.

– Ты попал в него?

– Мы все попали.

– Посмотри, не шевелится ли. Гарри, тащи сюда этого гнусного типа.

Кто-то пробежал перед лобовым стеклом машины. Паркер увидел промелькнувшую перед стеклом голову, но не стал стрелять.

– Он мертвый!

– Вроде их было двое. Куда, черт возьми, девался второй?

Паркер выжидал, для удобства положив револьвер на кучу ящиков с картинами и целясь в сторону переднего сиденья.

– Он приехал один.

– Ренард! Куда он запропастился? Приведи-ка его сюда, слышишь?

– Я не... я не хочу быть... – Паркер узнал голос Ренарда, напуганного до потери сознания.

– Заткнись. Ты договаривался, что они приедут вдвоем, верно?

– Они говорили... он сказал...

– Так мы видели только одного. Гарри, Джордж, не залезайте в машину, держитесь настороже. Они могли что-то за-

подозритель.

– Верно.

– Можно мне теперь уйти? – спросил Ренард.

– Сначала посмотрим на товар. Может, они сообразили, что дело нечисто, может, товар у второго.

– Так что, я, по-вашему...

– Иди туда. Загляни в машину, убедись, что картины на месте.

– Я не хочу...

– Помалкивай! Залезай, тебе говорят.

Паркер притаился за ящиками. Он почувствовал, как кузов слегка покачнулся, над его головой раздался скрежет металла, – в том месте, где створка ворот ударила по кузову, – а затем скорчившийся в три погибели и насмерть испуганный Ренард пробрался в грузовой отсек.

Паркер позволил ему беспрепятственно залезть в машину, приподнять прикрывавший груз брезент; затем он встал и, наклонившись вперед, ударил рукояткой револьвера прямо в лицо Ренарда.

– Если пикнешь, погибнем оба. Но сначала я пристрелю тебя, – прошептал он.

Ренард, побледнев, соскользнул на пол. Паркер, схватив его свободной рукой за волосы, изо всех сил рванул вверх. Острая боль вернула Ренарду утраченное было сознание, и в его глазах снова появилось осмысленное выражение. Он с ужасом уставился на Паркера, как птичка на удава.

– Все картины на месте? – раздался голос снаружи.

– Скажи им, что тебе нужно время, чтобы осмотреться, – прошептал Паркер.

Поскольку Ренард не отреагировал на его требование, Паркер дернул его за волосы, чтобы привлечь внимание к своим словам.

– Скажи им: «Подождите минуту!» Не сводя испуганных глаз с Паркера, Ренард крикнул, не оборачиваясь:

– Подождите... Подождите минутку.

– В чем дело? – последовал вопрос.

– Тебе надо вскрыть хотя бы один ящик, – шепотом подсказал Паркер.

– Мне надо вскрыть один ящик, – послушно повторил Ренард.

– Ладно, разбирайся сам, – согласились снаружи.

Все еще держа Ренарда за волосы, Паркер пригнул его к полу, заставив опуститься на колени позади ящика. Паркер, выпустив его волосы, наклонился к нему и прошептал:

– В чем дело? Мы так не договаривались.

– Я не хотел... – начал оправдываться Ренард.

– Не поднимайся. И забудь про эту сделку, объясни только, что происходит, – прервал его Паркер.

– Во всем виноват Леон, – прошептал Ренард, нервно облизнув губы, и с обидой и возмущением посмотрел на ящики с картинами. Его страх сменился раздражением.

– При чем здесь Гриффит? Он умер, – возразил Паркер.

– Ему нужны были деньги... – Теперь Ренард перевел возмущенный взгляд на Паркера. – Для твоих парней.

– И что же?

– Он хотел одолжить у меня. Я не смог ему помочь, я, гм... – замялся Ренард. – Мое финансовое положение не позволяло...

– Что случилось? – нетерпеливо прервал его Паркер.

– Я направил его к одним людям, которых давно знал. Чтобы они одолжили ему деньги.

– Деньги мафии.

– Не знаю. Я... – Ренард кинул боязливый взгляд в сторону передней части пикапа. – Наверное.

– После самоубийства Гриффита, – продолжал Паркер, – они явились к тебе, чтобы получить деньги.

Ренард молча кивнул.

– А ты вместо этого сдал нас, – закончил Паркер.

– Они требовали вас. Требовали картины, – оправдывался Ренард.

– Ренард, что ты, черт побери, там возишься? – раздался снаружи голос главаря.

– Скажи ему, что тебе нужна помощь, – приказал Паркер.

– Я не хочу умирать! – прошептал Ренард, выкатив глаза.

– Никто не хочет. Скажи ему, что тебе нужна помощь, – повторил свой приказ Паркер.

Пружины кузова снова закачались. Кто-то облокотился на пассажирское сиденье, пытаясь рассмотреть поверх спин-

ки кресла, что происходит в полумраке кузова. Единственным источником света по-прежнему оставались фары пикапа, освещавшие внутренность лесного склада, но оставлявшие почти в полной темноте заднюю часть кузова.

– Ренард! В чем дело? – раздался голос. Паркер уперся дулом пистолета в бок Ренарда.

– Я... Мне нужна помощь. С этими... с ящиками, – выдал Ренард.

– Черт возьми!

Судя по голосу, это был главарь, он перебрался через пассажирское сиденье в заднюю часть кузова. Паркер ждал, сжав левой рукой кисть правой руки Ренарда, а правой сжимая револьвер.

– В чем дело? – недовольно спросил главарь. Паркер поднялся из-за ящиков с картинами, держа револьвер в вытянутой руке, чтобы бандит ясно разглядел оружие в слабом свете, отбрасываемом фарами.

– Дело в том, что ты – мертвец, если разинешь пасть, – прошептал Паркер.

Бандит был профессионалом: среднего роста, плотного телосложения, в темной куртке на «молнии» и темной рубашке. На вид ему было около сорока, массивная челюсть. В его глазах не отразилось праздного удивления.

– Так вот ты где, – сказал он, посмотрев на Паркера. – Ты все же приехал с ним.

– Прикажи кому-нибудь загнать пикап подальше, в глубь

склада, – приказал Паркер. – Скажи, что тогда тебе удастся открыть заднюю дверь.

– А если я пошлю тебя к чертовой матери? – невозмутимо спросил бандит.

– Ты отправишься туда первым. Позови Гарри, – приказал Паркер.

– Гарри? Зачем? – удивился бандит.

– Потому что я слышал это имя, – объяснил Паркер.

Удивление длилось всего несколько секунд, потом главарь кивнул в знак согласия.

– Понятно, – сказал он. – Если я назову чужое имя, они поймут, что что-то не так. Я сразу не догадался, но придумано неплохо. – Повернув голову, он заорал: – Гарри! – В тесном пространстве кузова голос его прогремел, как мощный раскат грома, Ренард задрожал, будто его стукнули по голове.

– Что? – отозвался снаружи приглушенный расстоянием голос.

– Продвинь этот грузовичок малость вперед, тогда мы сможем открыть заднюю дверь! – приказал главарь.

– Ты прав! – согласился Гарри.

– Поосторожнее, а то убью! – прошептал Паркер.

– Это я тебя убью, – спокойно возразил бандит.

– Мое дело – сторона, – прошептал дрожащим голосом Ренард. – А сейчас я между вами и не хочу оказаться на месте любого из вас.

Ни тот, ни другой не обратили на его слова ни малейшего внимания. Они не спускали глаз друг с друга. Минуту спустя Гарри забрался на водительское сиденье и крикнул, обернувшись назад:

– Тебе нужна помощь. Ал?

Ал стоял в машине к нему спиной. Не оборачиваясь и не спуская глаз с Паркера, он ответил:

– Нет, все в порядке. Просто отгони машину поглубже.

Все замерли в ожидании. Ренард, дрожа, прижался к боковой стенке кузова, напоминая судью на ринге, оказавшегося между двумя противниками. Гарри завел мотор, и машина двинулась вперед; проехав несколько метров, она остановилась.

– Так достаточно? – спросил Гарри.

Паркер услышал за спиной скрежет: ворота склада. Поднялись они или опустились?

– Да, полный порядок, – ответил Ал. – Давай перебирайся сюда. – Он все еще не отрывал глаз от Паркера и, похоже, даже улыбался.

Паркер, нащупав за спиной внутренний засов на задних дверцах машины, потянул его вниз и толкнул дверцы. Они со скрежетом распахнулись, и Паркер отпрыгнул назад, на бетонный пол склада, в то время как Ал, нырнув за ящики с картинами, заорал:

– Он уходит через ворота! Берите его!

Ворота опускались, до пола оставалось не больше фута.

Паркер выстрелил по фигуре, появившейся справа от него, потом, обернувшись, выстрелил по двум бандитам, засевшим в кузове, и бросился бежать. Обогнув машину, он увидел Гарри, вылезавшего с разинутым ртом из кабины. Паркер выстрелил, и Гарри мешком свалился на тело Мак-Кея, а Паркер, перепрыгнув через них обоих, перебежал к передней части пикапа и увидел, что Ал с двумя другими бандитами блокировали единственный выход из склада – через контору. Ренарда не было видно, но в любом случае от него мало толку.

Раздалось два выстрела, но Паркер успел нырнуть за кузов машины. Обогнув открытую дверцу кабины водителя, он наступил на тело Гарри и уселся за руль. Гарри не успел выключить мотор; Паркер нажал на педаль и двинулся в дальний угол склада, затормозив прямо перед пилорамой; потом подал машину назад, включив передачу, и, обернувшись, увидел через распахнутые задние дверцы кузова, что ворота почти опустились. Ренард, все еще прятавшийся за ящиками с картинами, орал, размахивая руками, но Паркер не обращал на него внимания.

Положив руку с револьвером на сиденье, а другой держа руль, Паркер напрягся и уперся обеими ногами в пол, но все же ощутил сильный толчок, когда машина врезалась в металлические ворота. Ренард, не удержавшийся на ногах, вылетел в раскрытые двери пикапа, а следом за ним с грохотом свалились шесть ящиков с картинами. Они заблокировали

ворота и погребли под собой Ренарда.

Покореженный металл изогнулся, но выдержал удар. Паркер нажал на педаль, и машина двинулась вперед, ящики с картинами и Ренард остались лежать на бетонном полу около ворот.

Паркеру не удалось сломать ворота. А теперь, когда перед ними валялись ящики, уже не нанесешь точного удара, да и невозможно развернуть пикап в этом тесном проходе. Паркер отогнал машину в самый дальний конец склада, снова остановившись в дюйме от пилорамы. Посмотрев назад, он увидел троих мужчин, бежавших к нему. Паркер два раза выстрелил, но ни в кого не попал. Нападавшие рассеялись в разные стороны.

Они надежно прикрывали единственный выход из помещения. Прямо перед ним возвышалась до самого потолка двадцатипятифутовая прочная бетонная стена, по обеим сторонам тянулись контейнеры с пиломатериалами, к каждому была приставлена лестенка; между контейнерами оставались проходы. Но он не полезет наверх, он не даст загнать себя в тупик.

Его машина упиралась носом в пилораму, слева от которой стояли три картонные коробки, доверху заполненные обрезками дерева. Паркер, спрятав револьвер под пиджак, открыл бардачок машины и нашел в нем четыре листка бумаги: регистрационные документы на машину, счет за бензин и два бланка на аренду. Скатав все бумажки в трубку, он под-

жег их, наклонив рулон вниз, чтобы дать пламени как следует разгореться, а потом, опустив левое боковое стекло, бросил горящую бумагу в ближайший к нему картонный ящик.

– Эй, ты! – закричал кто-то из бандитов. Голос доносился со стороны двери в контору. Паркер оглянулся, но никого не увидел: все попрятались.

– Что тебе? – отозвался он.

– Нам на тебя наплевать. Нам нужны только картины.

Даже если поначалу это и было так, сейчас положение изменилось. Но Паркеру нужно было выиграть время. Что ж, для этого можно и поболтать.

– Докажите, что это так, – отозвался он.

– Порядок, парень. Что ты хочешь?

– Откройте ворота. – Паркер посмотрел на картонную коробку. Она была заполнена только наполовину, и он не видел, что стало с бумагой, которую он забросил в нее. Поначалу оттуда шел черный дым, но сейчас он исчез.

– Ты что, держишь нас за сумасшедших? А если мимо проедет полицейская машина? Если они увидят все это дерьмо на полу?

– Тебе все равно не вывести отсюда пикап, – присоединился другой голос.

Неужели бумага погасла? Может, оторвать подкладку пиджака и использовать ее как горючий материал?

– Что вам от меня нужно? – закричал он.

– Выходи спокойно, – ответил Ал с наигранной наивно-

стью. – Я уже сказал: ты нам не нужен. Только картины...

– Так я вам и поверил! – возразил Паркер. Неужели оказался дым? На этот раз он был белым.

– Зачем ты нам? Мы тебя никогда не видели. Мы не убийцы, просто пришли забрать картины.

– Ага, все мы любители искусства, – поддержал второй голос.

Дым поднимался из картонной коробки, но огонь разгорался слишком медленно. Паркер, расстегнув пиджак, оторвал подкладку с левой стороны, не переставая поддерживать разговор:

– Выходите из укрытия и сложите оружие. Тогда я выйду, – закричал он.

– Э, нет, парень. Теперь ты хочешь, чтобы мы доверились тебе, а нам это не с руки. Ничего, мы подождем, сам выйдешь.

Материя никак не загоралась. Неужели какой-нибудь проклятый стеклопластик?

– Или голод тебя выгонит, – заорал второй. – У нас времени навалом.

Подкладка внезапно вспыхнула, и у Паркера в руке оказался огненный факел. Он высунулся из окна машины и бросил его во вторую коробку.

– Какого черта! – услышал он.

– Что он делает?

Затрещали выстрелы. Паркер быстро убрал руку. Бандиты

орали друг на друга, еще несколько пуль врезались в корпус машины.

Дым вырывался из второй коробки, потом появился оранжевый язык пламени.

Паркер подал машину назад, развернул влево и поставил пикап так, чтобы кузов прикрывал горящие коробки от трех парней в другом конце склада. Перебравшись на правое сиденье, Паркер схватил пару досок, прислоненных к стене рядом с пилорамой, и положил их плашмя на вторую коробку – так, чтобы между ними оставалось пространство для доступа воздуха. Пламя исчезло, повалил дым, но более мелкие языки пламени продолжали свою разрушительную работу. Огонь не вырывался наружу, по-прежнему валил густой дым.

Бандиты все еще орали что-то за его спиной, продолжая стрелять наугад, но, очевидно, они растерялись и не знали, что делать. Дым подымался к потолку, расплзался по всему помещению. Теперь загорелась и первая коробка.

Паркера надежно защищал от пуль корпус машины. Он дотянулся через окно со стороны водителя до рычага переключения скоростей и передвинул его на одно деление. Машина тут же пришла в движение, поехав назад, к воротам, со скоростью пяти миль в час; Паркер шел рядом с ней, под защитой ее корпуса.

В помещении клубился дым, который жег глаза Паркеру, и он с трудом различал отдельные предметы. Паркер держал-

ся справа, за корпусом пикапа, когда увидел, как один из бандитов, выбравшись из укрытия, побежал к машине, решив, что он сидит за рулем, а поэтому он, не рискуя, сможет приблизиться к машине с правой стороны.

Паркер свалил его одним выстрелом и, припадая к полу, бросился бежать к двери в контору. Позади него машина врезалась в один из ящиков с картинами, медленно протащила его за собой несколько футов и остановилась.

В дверях конторы появился Ал, щурясь от дыма, с револьвером в руках. Они с Паркером выстрелили одновременно, оба промазали, а потом Паркер налетел на него, и Ал упал на прилавок. Паркер выстрелил в него и, мгновенно обернувшись, дважды выстрелил в последнего из оставшихся в живых бандитов, когда тот бежал к нему из своего укрытия от ворот склада. Парень упал за ящики с картинами и два раза выстрелил в ответ, но о нем теперь можно было не беспокоиться: за спиной у Паркера находилась дверь на улицу, никто не мог помешать ему выйти, кроме Ала, сидевшего в бессознательном состоянии на полу; он сжимал обеими руками живот и не реагировал на окружающее.

Пламя охватило уже большую часть здания, извивающиеся оранжевые языки поднимались по поверхности бетонного блока вверх, прыгали от контейнера к контейнеру. Треск и гул усиливались с каждой минутой, жара становилась невыносимой. Паркер посмотрел на шесть ящиков с картинами, обьятых пламенем; пятнадцать остальных возвращены ано-

нимным дарителем, а эти шесть пропали. Навсегда.

Паркер отвернулся. Когда он открыл дверь на улицу, во-
рвавшийся ветер, с силой толкнув его в грудь, стремглав
устремился внутрь, дав дополнительную пищу огню. Паркер
вышел, огляделся и пошел направо.

Пройдя два квартала, он услышал вой сирены, но пожар-
ные машины приближались к складу с противоположной
стороны, он их не видел. Пройдя еще квартал, Паркер пой-
мал такси, которое доставило его к тому месту, где он оста-
вил свою машину.